Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО".

Викторъ Черновъ.

МАРКСЪ и ЭНГЕЛЬСЪ о КРЕСТЬЯНСТВѢ.

Историко-критическій очеркъ.

1931/4

МОСКВА.—1906.
Типо-литографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатнаго и издательск. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

„Пров 38

ПР

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
18314

Маркс и Энгельс

о

крестьянстве.

Divide et impera—раздѣляй и властвуй—вотъ старый принципъ, на которомъ утверждали и утверждаютъ свою историческую силу и власть деспотизмъ и реакція всѣхъ временъ и народовъ. Такъ, въ старыя времена королевская власть опиралась въ своей борьбѣ съ гордыми феодалами на городскія общины, на только что народившуюся буржуазію, — чтобы, нѣсколько времени спустя, поборовъ феодальную аристократію, повергнувъ ее къ ступенямъ трона и преобразовавъ ее въ значительной мѣрѣ въ аристократію придворную, вновь обратиться въ тѣсномъ союзѣ съ ней противъ усилившейся буржуазіи, и дать ей послѣднюю, рѣшительную битву. Такъ, та же самая королевская власть въ эпоху феодализма не брезговала даже поощрять и возбуждать крестьянскіе бунты противъ особенно сильныхъ феодаловъ Такъ, въ болѣе близкое время, въ лицѣ Наполеона III и Бисмарка, старый порядокъ, чтобы справиться съ непомѣрно усилившейся биржуазіей и повергнуть ее къ ступенямъ трона, заигрывалъ съ пролетаріатомъ, давал ему въ видѣ приманки всеобщее избирательное право или мѣропріятія „государственнаго соціализма“.

Въ послѣднее время, когда трудящіяся массы населенія все тѣснѣе и тѣснѣе сплачиваются въ одну великую армію—армію труда,—основной заботой реакціонныхъ партій, естественно, становится поселить раздоры и разногласія въ рядахъ этой великой арміи. Съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ прислушиваются служители реакціи ко всякому шуму разногласій и споровъ среди

сторонниковъ боевого, рабочаго соціализма! Съ какимъ иногда явнымъ и шумнымъ, иногда затаеннымъ злорадствомъ встрѣчаются ими всѣ новые расколы въ рядахъ соціалистическихъ партій! Сколько надеждъ связывается у представителей стараго порядка со всякимъ изъ такихъ расколовъ, со всякимъ раздробленіемъ широкаго соціалистическаго потока на рядъ мелкихъ, отдѣльныхъ теченій, со всякимъ раздробленіемъ широкой и всесторонней соціалистической идеи на рядъ узкихъ, односторонніхъ, а потому неизбѣжно исключительныхъ и нетерпимыхъ сектантскихъ ученій!

Въ Англіи служители стараго порядка долго могли торжествовать, замѣчая въ рядахъ самого рабочаго класса консервативное теченіе, нашедшее свое выраженіе въ практикѣ аристократическихъ trades-unions. Лучше оплачиваемая часть рабочихъ, такъ называемые квалифицированные рабочіе, тамъ одно время составляли настоящую рабочую аристократію, выдѣлившуюся изъ остальной, сѣрой, необученной, чернорабочей массы. Консерваторы видѣли въ этой рабочей аристократіи лучшій оплотъ противъ всякихъ „разрушительныхъ“, революціонныхъ стремленій, повсюду прививавшихся легко и быстро къ пролетаріату. И они не ошиблись. До сихъ поръ, несмотря на возникновеніе новаго, боевого трэдсъюніонизма, объ индифферентное, консервативное настроеніе „привиллегированныхъ“ слоевъ рабочаго класса разбиваются всѣ попытки англійскихъ соціалистовъ создать на своей родинѣ сильную, самостоятельную соціалистическую рабочую партію.

На континентѣ Европы историческія условія не вырыли такой пропасти между рабочимъ плебсомъ и рабочей аристократіей. За то тамъ надеждой реакціи повсюду является другая противоположность, другое противорѣчіе, раздѣляющее ряды великой арміи труда,—противорѣчіе между городомъ и деревней, между фабрично-заводскимъ пролетаріемъ и труженикомъ-земледѣльцемъ. Различіе условій жизни и культурныхъ типовъ, выросшихъ подъ вліяніемъ этихъ условій, явилось для реакціи благодарной почвой, чтобы сѣять между тѣми и другими раздоры,— „раздѣлять и властвовать“.

Вотъ что говорилъ по этому поводу въ своей рѣчи о „соціализмѣ и крестьянахъ“ Жанъ Жоресъ, тогда едва ли не самый мужественный и краснорѣчивый борецъ за дѣло соціализма, а нынѣ ловкій парламентскій стратегъ, въ значительной мѣрѣ, если не вполнѣ, заглушившій свой революціонный темпераментъ практикой поверхностной конституціонной борьбы, закулисныхъ парламентскихъ комбинацій, компромиссовъ, союзовъ, борьбы съ мелкими интригами вокругъ министерскихъ портфелей и т. п.:

„Уже съ давнихъ поръ тактикой общихъ враговъ крестьянскаго и рабочаго пролетаріата было—разъединять ихъ и вооружать другъ противъ друга... Долго были въ ходу жалкія и смѣшныя легенды, посредствомъ которыхъ крестьянамъ старались представить рабочихъ, какъ грабителей и „partageux“ (дѣлителей), которые явятся отнять жатву, въ потѣ лица произведенную крестьяниномъ.

„Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ стараются возбудить взаимное недовѣріе и тѣхъ и другихъ, чтобы помѣшать, затормозить осуществленіе дѣла справедливости для крестьянъ. Да, еще тогда, когда передъ французской революціей былъ поставленъ вопросъ о раздѣлѣ національныхъ имуществъ, конфискованныхъ имѣній эмигрантовъ, духовенства и аристократіи, — явилась мысль раздать крестьянамъ по крайней мѣрѣ значительную часть этихъ имуществъ. Что же сказали тогда спеціалисты по части ажіотажа и спекуляціи, которые хотѣли сохранить блага, представляемыя этими національными имуществами, для себя, для легкихъ и прибыльныхъ коммерческихъ оборотовъ? „Если раздадутъ крестьянамъ національныя имущества,—старыя владѣнія дворянства, духовенства и эмиграціи“—говорили они—„то какая изъ этого будетъ польза для васъ,—васъ, остальные рабочіе? Вѣдь это васъ обокрадутъ въ пользу крестьянъ!“—И такимъ образомъ сто лѣтъ тому назадъ, чтобы передать въ руки финансовой аристократіи имущества, только что вырванныя изъ рукъ аристократіи родовой, пытались возбудить недовѣріе рабочаго противъ крестьянина,—въ то время какъ теперь — наоборотъ — пытаются возбудить недовѣріе крестьянина противъ рабочаго, ради поддержанія верхо-

венства и силы капитала надъ разъединенными силами рабочихъ и крестьянъ. Это все таже самая, вѣчная тактика!“ *).

Какъ и всегда, эта тактика принесла свои плоды. Недоразумѣнія между тружениками города и деревни постепенно наростали и накоплялись. И тѣ, и другіе страдали отъ общаго врага—капитала; и тѣ, и другіе эксплуатировались; но формы эксплуатаціи были различны, а потому и ближайшія требованія тѣхъ и другихъ были неодинаковы. Городскіе рабочіе были пролетаріями не только по образу жизни, не только по уровню благосостоянія, но и въ чисто формальномъ смыслѣ: они существовали продажей своей рабочей силы. Труженикъ деревни, земледѣлецъ, формально пролетаріемъ не былъ, онъ номинально былъ совершенно независимъ. Но изъ него тянули соки и ростовщикъ въ видѣ процентовъ за ссуды, и землевладѣлецъ въ видѣ арендной платы, и скупщики въ видѣ торговой прибыли, и правительство въ видѣ податей. Онъ угнетался и эксплуатировался часто нисколько не менѣе и даже болѣе, чѣмъ чистокровный фабричный пролетарій Онъ фактически былъ пролетаріемъ особаго рода. Но формально онъ оставался собственникомъ своихъ средствъ производства, самостоятельнымъ предпринимателемъ, хозяиномъ. И поэтому его психика не совпадала съ психикой городского пролетарія. Этотъ послѣдній давно привыкъ чувствовать себя маленькимъ винтикомъ громаднаго производительнаго механизма—фабрики. Управленіе этимъ производственнымъ механизмомъ для него всегда было чѣмъ-то внѣшнимъ. Не естественно-ли было для него перейти сразу къ мысли о коллективистскомъ государствѣ? Самая идея этого перехода для него должна была быть крайне проста. Въ самомъ дѣлѣ всѣ имущества, всѣ производственныя предпріятія попадаютъ изъ рукъ частныхъ собственниковъ въ руки народнаго государства, всѣ работники переходятъ изъ распоряженія капиталистовъ въ его распоряженіе; все сбрасывается въ одинъ громадный кошелекъ, изъ котораго затѣмъ каждый работникъ

*) Socialisme et Paysans, discours par Jean Jaures, s. 103—104

имѣетъ право на равную часть. Иное у крестьянина. Онъ привыкъ быть въ хозяйственномъ смыслѣ нѣкоторой самодовлѣющей единицей; въ его повседневной жизни ничто не наводило на аналогіи съ государственной, общественной организаціей земледѣльческаго производства Съ государствомъ онъ встрѣчался всюду лишь какъ съ внѣшнею. гнетущею силой; его онъ переносилъ, какъ неизбѣжное зло. Было очевидно, что пока крестьянинъ остается крестьяниномъ, коллективистскую идею къ нему нельзя привить тѣмъ же самымъ путемъ, какъ къ фабричному пролетарію. Нужно или найти какой-то иной, особый путь, или рѣшить, что отъ крестьянина никакого добра ждать нельзя, что онъ—безнадежный индивидуалистъ, а слѣдовательно—буржуа.

Къ этому послѣднему рѣшенію и пришли Марксъ и Энгельсъ въ своемъ „Манифестѣ коммунистической партіи“.

Наканунѣ революціоннаго кризиса 1848 года они провозгласили· „Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне—всѣ они борятся противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ *свою* точку зрѣнія и становятся на *точку зрѣнія пролетаріата*“. (Курсивъ нашъ)

И въ томъ же сочиненіи далѣе пѣлась настоящая отходная крестьянству Возражая противъ обычной тактики реакціонеровъ, нашептывавшихъ крестьянину, будто злые соціалисты хотятъ у него отнять его въ потѣ лица обработанную ниву и собранную жатву,—Марксъ говоритъ, что это пустяки, что соціалистамъ нѣтъ надобности экспропріировать крестьянство хотя бы по одному тому, что „оно уже уничтожилось, или уничтожается ежедневно“. Предполагалось, что капитализмъ подготовитъ и въ земледѣліи, какъ въ индустріи, все для со-

ціалистической организаціи производства; уничтожитъ мелкія самостоятельныя хозяйства, создастъ крупныя, сгонитъ воедино, подъ желѣзнымъ владычествомъ капитала, массы земледѣльцевъ-рабочихъ, пріучитъ ихъ къ мысли глядѣть на себя, какъ на части, какъ на членовъ одного великаго производственнаго механизма, который нужно только вырвать изъ власти немногихъ узурпаторовъ-капиталистовъ и передать въ общую собственность всего государства, поставить подъ общій государственный контроль.

Словомъ, обезземеленіе и пролетаризація крестьянства представлялись явленіемъ и неизбѣжнымъ, и прогрессивнымъ. Неизбѣжнымъ—ибо объ эволюціи сельскаго хозяйства, тогда крайне недостаточно изученной, приходилось судить по аналогіи съ эволюціей индустріальной; прогрессивнымъ — потому, что для Маркса и Энгельса творческая роль капитализма и его революціонизирующее вліяніе на пролетаризируемыя массы рисовались въ то время особенно радужными чертами, и эта революціонность капиталистическихъ отношеній выступала особенно яркимъ контрастомъ сравнительно съ неповоротливостью, инертностью, неподатливостью крестьянъ.

Итакъ, совершенно естественнымъ образомъ у Маркса и Энгельса зародились тогда взгляды, которые затѣмъ, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, отвердѣли и закристаллизовались въ особую „марксистскую догму“ въ крестьянскомъ вопросѣ.

„Догма“ правовѣрныхъ марксистовъ имѣетъ много общаго съ догмой ортодоксальнаго католичества. Для правовѣрныхъ католиковъ существуетъ, какъ извѣстно, кромѣ ада и рая, составляющихъ достояніе всѣхъ христіанъ, еще особое, спеціальное учрежденіе—чистилище, проходя сквозь которое, душа очищается и пріуготовляется къ воспріятію райскаго блаженства. Для правовѣрныхъ марксистовъ тоже, въ качествѣ основного догмата, существуетъ „экономико-матеріалистическая“ передѣлка идеи чистилища. Роль неизбѣжной переходной ступени, приготовляющей къ воспріятію благъ будущей жизни въ лонѣ соціалистическаго строя, вы-

падаетъ на долю капитализма. Производство страны, чтобы сдѣлаться планомѣрно-организованнымъ на соціалистическихъ началахъ, должно предварительно сконцентрироваться подъ руководствомъ животворящей силы капитала; непосредственные производители, трудящіеся, чтобы организоваться для дружной, товарищеской работы въ соціалистическихъ ассоціаціяхъ, должны привыкнуть къ совмѣстной работѣ изъ-подъ палки, сбитые въ кучу желѣзнымъ кулакомъ капитализма, „выварившись въ фабричномъ котлѣ“, „пройдя капиталистическую выучку“ ..

Въ чистилищѣ вѣрные католики совлекаютъ съ себя послѣдніе остатки, послѣднія наслоенія „житейской скверны“, окончательно омываются отъ всего плотскаго, земного. Въ положеніи пролетарія прежній самостоятельный работникъ также отучается отъ „скверны“ мелкобуржуазныхъ привычекъ: отъ индивидуализма, отъ „фанатизма собственности“, отъ скверной привычки быть хозяиномъ самому себѣ, работать подъ своимъ собственнымъ, а не подъ „чужимъ загадомъ“ Словомъ, какъ вѣрный католикъ только въ чистилищѣ можетъ и долженъ вполнѣ отрѣшиться отъ грѣшной земли, такъ же долженъ быть „отрѣшенъ отъ земли“ и крестьянинъ въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ. Такъ оба они—и католикъ, и крестьянинъ—подготовляются быть „чистыми сосудами и вмѣстилищами будущаго блаженства“ — другого пути къ послѣднему нѣтъ и быть не можетъ...

*

Какъ уже было сказано, догма эта въ своемъ происхожденіи была прежде всего обусловлена крайне оптимистической оцѣнкой творческой роли капитализма.

Въ своей первоначальной формѣ, въ эпоху „Манифеста коммунистической партіи“ въ этомъ отношеніи марксизмъ былъ міросозерцаніемъ замѣчательно цѣльнымъ, стройнымъ и логически-законченнымъ.

Въ это время Марксъ и Энгельсъ готовы были сводить къ „недостаточности капиталистическаго развитія“

всѣ бѣдствія, всѣ задержки въ соціальномъ и политическомъ прогрессѣ каждой страны. Англія въ это время только что пережила чартистское движеніе; она стояла во главѣ рабочаго движенія. Марксъ и Энгельсъ были далеки отъ всякаго предчувствія того, что такое мощное движеніе можетъ попасть въ мелководное русло трэдсъ-юніонизма. Именно наиболѣе классическій, наиболѣе могучій ростъ капитализма въ Англіи въ ихъ глазахъ являлся наилучшей гарантіей того, что и англійскій пролетаріатъ, въ наиболѣе чистомъ видѣ испытавъ „капиталистическую выучку“ и „выварившись въ фабричномъ котлѣ“, явитъ міру образецъ наиболѣе широкаго, смѣлаго и рѣшительнаго соціалистическаго движенія...

Марксъ и Энгельсъ не дооцѣнили упорную живучесть капитализма и переоцѣнили его діалектическое „самоотрицаніе“. Они не замѣчали, что „капиталистическая выучка“ есть палка о двухъ концахъ; что „власть денегъ“, всепроникающее могущество капитала и духъ буржуазной конкурренціи можетъ заражать и рабочихъ, внося въ ихъ среду духъ разъединенія, разбивая ихъ на профессіи, замыкающіяся въ себѣ, борющіяся за привиллегированное положеніе хотя бы за счетъ остальной рабочей массы, что духъ буржуазнаго разсчета, узкой практичности и безсердечнаго чистогана можетъ и на пролетаріевъ простирать свое изсушающее дѣйствіе, развивая въ нихъ недовѣріе ко всякимъ „журавлямъ въ небѣ“ и вѣру только въ прозаическую „синицу въ рукахъ“, пропитывая ихъ психику узкимъ практицизмомъ и невосприимчивостью къ широкой идеалистической постановкѣ вопросовъ. А между тѣмъ, именно это и обнаружилось какъ разъ въ Англіи, гдѣ ученикамъ Маркса приходилось и до сихъ поръ приходится выносить крайне трудную, тяжелую и затяжную борьбу со всѣми указанными тенденціями въ рабочей средѣ. Марксъ и Энгельсъ далѣе, вначалѣ, не замѣчали, что „обобществленіе сверху“, подъ желѣзной ферулой капитала, можетъ оказаться палкой о двухъ концахъ еще и въ другомъ смыслѣ. — Именно внѣшне-принудительный, „жестоковыйный“, казарменный характеръ такого обобществле-

нія можетъ настолько срастись въ глазахъ многихъ и многихъ „обобществляемыхъ“ съ самымъ принципомъ обобществленія, что вызоветъ въ нихъ, въ видѣ неизбѣжной психологической реакціи, взрывъ индивидуалистическихъ чувствъ и стремленій; что этотъ страстный протестъ „необобществленной“ личности внесетъ новый расколъ въ среду пролетаріата, развивъ въ части его доведенное до крайности недовѣріе къ самому принципу организаціи, какъ это мы и видимъ въ нѣкоторыхъ индивидуалистическихъ фракціяхъ анархизма. Марксъ и Энгельсъ не предвидѣли ни этой широкой возможности подпаденія части рабочихъ подъ моральную власть узкаго буржуазнаго практицизма, ни этой возможности впаденія части рабочихъ въ крайности реакціи противъ „обобществленія сверху“,—реакціи, доходящей до полнаго отрицанія всякой дѣятельности на почвѣ свободныхъ государственныхъ учрежденій современнаго буржуазнаго общества. Марксъ и Энгельсъ не отдавали еще себѣ отчета и въ томъ, что творческая роль капитализма въ самой производственной области окажется далеко не вездѣ одинаковой, и что далеко не во всѣхъ отрасляхъ производства она дастъ такіе же положительные результаты, какъ въ высшихъ отрасляхъ индустріи. Если разсматривать различныя вѣтви промышленности, начиная отъ самыхъ элементарныхъ, занятыхъ непосредственнымъ добываніемъ тѣхъ или иныхъ сырыхъ матеріаловъ природы, восходя до самыхъ высшихъ отраслей переработки этихъ матеріаловъ и кончая производствомъ машинами самихъ же машинъ,—то, спускаясь по этой іерархической лѣстницѣ внизъ, мы увидимъ, что соотвѣтственно уменьшаются творческія, положительныя, организующія стороны власти капитала и сотвѣтственно растутъ ея отрицательныя, разрушающія, дезорганизующія стороны Послѣдующая хозяйственная эволюція доставила въ этомъ отношеніи такія неоспоримыя данныя, что даже ортодоксальнѣйшій изъ современныхъ учениковъ Маркса, Карлъ Каутскій, долженъ былъ дать слѣдующую характеристику роли капитала въ сельскомъ хозяйствѣ: „Капиталистическое развитіе вліяетъ въ деревнѣ иначе, чѣмъ въ городахъ.

Здѣсь оно не соединяетъ людей, а разъединяетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на извѣстной ступени развитія и къ абсолютному обезлюденію деревни. Оно уводитъ оттуда какъ разъ самые способные, самые энергичные и самые интеллигентные элементы Слабѣйшіе и беззащитнѣйшіе—вотъ кто остается. Рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ и умственное запустѣніе деревни". .

Повторяемъ, все это обнаружено было лишь послѣдующей исторіей. При всей своей геніальности, Марксъ былъ однако такимъ же смертнымъ, не способнымъ выбиться совершенно изъ ограниченныхъ рамокъ своей эпохи и подняться надъ недостаточно опредѣлившимся ходомъ развитія хозяйственныхъ отношеній. Онъ обобщилъ тѣ данныя, которыя были передъ нимъ; онъ не могъ видѣть ограниченій, которыя несло съ собой дальнѣйшее развитіе, и потому обобщенія его зашли дальше, чѣмъ слѣдовало, и захватили области, къ которымъ оказались потомъ неприложимыми.

* * *

Царство аристократіи и среднихъ классовъ въ Англіи — утверждалъ Энгельсъ еще въ 1844 г. — „идетъ огромными шагами къ своему концу" *). Англія переживаетъ теперь „вечеръ наканунѣ соціальной революціи", — повторилъ онъ года черезъ два въ своей Эльберфельдской рѣчи. И это естественно. Вѣдь „ни въ одной странѣ міра не развилось, вмѣстѣ съ массовымъ пролетаріатомъ, до такой высоты противорѣчіе между пролетаріатомъ и буржуазіей", „въ Англіи существуетъ самый многочисленный, самый концентрированный, самый классическій пролетаріатъ".**) Здѣсь въ дѣйствительности „развиваются самые сильнѣйшіе конфликты, самыя рѣшительныя революціи". „Классовыя противорѣчія въ англійскомъ обществѣ развились до такой вы

*) „Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx u. Engels, Hrgb. v. F. Mehring, I, s. 463

**) Ib., „Französische und Englische Klassenkämpfe", III, s. 119

соты, какъ ни въ какой иной странѣ; здѣсь противъ буржуазіи, не знающей себѣ равной по богатству и развитію производительныхъ силъ, стоитъ пролетаріатъ, который также не знаетъ себѣ равнаго по могуществу и концентрированности". „Здѣсь подъ внѣшнимъ покровомъ конституціонной монархіи развились гораздо больше и гораздо болѣе радикальные элементы общественной революціи, чѣмъ во всѣхъ странахъ міра, вмѣстѣ взятыхъ". *) Неудивительно, что именно Англіи и принадлежитъ честь подать сигналъ къ началу всемірной соціальной революціи. „Чартисты во главѣ англійскаго правительства — только съ этого момента соціальная революція впервые вступитъ изъ царства утопіи въ царство дѣйствительности. **)

Въ этомъ Марксъ и Энгельсъ были глубоко убѣждены. Это былъ логическій выводъ изъ ихъ теоріи. Если именно разбитіе капитализма, какъ таковое, есть революціонизированіе массъ и подготовленіе соціализма, то шансы соціальной революціи должны возрастать прямо пропорціонально „капиталистической обработкѣ" страны, и Англія, какъ страна, всего полнѣе и всего дольше испытывавшая „капиталистическую выучку", должна была идти впереди всѣхъ въ подготовленіи соціальной революціи. Правда, жизнь тогда же уже начинала говорить что-то другое. Но что значитъ свидѣтельство короткаго момента! Это лишь случайное, преходящее вѣяніе. Теорія Маркса и Энгельса, изложенная въ „Манифестѣ коммунистической партіи", не можетъ быть невѣрна, а слѣдовательно, вѣрны и всѣ логически-необходимые выводы изъ нея—вѣрно, слѣдовательно, и предвидѣніе о соціально революціонной иниціативѣ Англіи!

„Страна, которая превратила всѣ націи въ своихъ пролетаріевъ, которая весь свѣтъ окружила своими колоссальными арміями; страна, которая уже оплатила однажды изъ своихъ средствъ расходы на европейскую реставрацію; страна, въ нѣдрахъ которой классовыя противорѣчія развились въ наиболѣе ярко выраженныхъ

*) Ib. Рец на книгу Гизо, III, s. 413—414.
**) Ib. „Neujahr 1849", III, s. 232.

и наиболѣе безстыдныхъ формахъ—словомъ, Англія кажется скалой, о которую разбиваются волны революціи..*) Но это ничего не значитъ. Впереди—великій историческій кризисъ, всемірная война, всеобщее потрясеніе, и въ эпилогѣ новое побѣдоносное возстаніе чартизма, этой организованной англійской рабочей партіи. Пусть сейчасъ одолѣла реакція, пусть революціонное движеніе всюду подавлено. Это—слѣдствіе періода промышленнаго процвѣтанія, который въ свое время необходимо смѣнится, по закону періодичности, новымъ кризисомъ, и съ нимъ революціей. „При томъ всеобщемъ процвѣтаніи, во время котораго производительныя силы буржуазнаго общества развиваются такъ пышно, какъ это только возможно въ рамкахъ буржуазныхъ отношеній,—не можетъ быть и рѣчи о настоящей революціи. Такая революція возможна лишь тогда, когда два эти фактора—современныя производительныя силы и формы буржуазнаго производства—вступаютъ въ конфликтъ между собой... Новая революція возможна лишь какъ результатъ новаго кризиса. И ея наступленіе можно считать столь же вѣрнымъ, какъ и наступленіе этого послѣдняго.**) Пусть же буржуазія празднуетъ свою эфемерную побѣду. Человѣкъ науки знаетъ, что кризисъ вскорѣ вскроетъ ея эфемерность „Тотъ рокъ, который кассируетъ побѣду, есть европейское банкротство, государственное банкротство“. Пусть, напримѣръ, англійская буржуазія фактически отмѣняетъ десятичасовой биллъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; этимъ лишь „ускоряются кризисы и сокращается періодъ процвѣтанія. А что ускоряетъ кризисы, то ускоряетъ вмѣстѣ съ этимъ и ходъ англійскаго развитія, а стало быть и его ближайшую цѣль—низверженіе индустріальнымъ пролетаріатомъ индустріальной буржуазіи... Совершенно очевидно, что англійская индустріальная буржуазія... идетъ быстрыми шагами къ такому пункту своего развитія, когда всѣ ея рессурсы для поддержанія дѣлъ окажутся истрепанными, когда періодъ процвѣтанія, нынѣ все еще отдѣ-

*) Ibid., s. 231.
**) Ibid, III, s 467—468.

ляющій одинъ кризисъ отъ другого, совершенно исчезнетъ... и когда индустрія, торговля и все современное общество должны бы погибнуть съ одной стороны отъ избытка неимѣющей примѣненія живой силы, съ другой стороны отъ полнаго истощенія..., если бы не было класса, который одинъ можетъ взять въ свои руки дальнѣйшее управленіе обществомъ: и этотъ классъ есть пролетаріатъ. Такимъ образомъ, пролетарская революція неустранима и ея побѣда — обезпечена. *) Только слѣпота буржуазіи мѣшаетъ ей видѣть, что она танцуетъ на вулканѣ, который черезъ нѣсколько часовъ придетъ въ дѣйствіе. „Буржуазія торжественно справляетъ свой величайшій праздникъ въ моментъ, когда предстоитъ катастрофа, крушеніе (der Zusammenbruch) всего ея господства, — крушеніе, которое докажетъ ей убѣдительнѣе, чѣмъ когда-либо, что силы, которыя ею вырощены, переросли ея опеку. Во время будущей всемірной выставки гг. буржуа, вѣроятно, будутъ фигурировать уже не въ качествѣ владѣльцевъ этихъ производительныхъ силъ, а развѣ только въ роли чичероне при ихъ осмотрѣ... **)

Исторія жестоко насмѣялась надъ этой вѣрой въ благодѣтельное и стремительно-быстрое „самоотрицаніе“ капиталистическаго порядка. Но въ свое время Энгельсъ такъ же твердо и несокрушимо вѣрилъ въ правильность своихъ предсказаній, какъ хотя бы современные русскіе марксисты вѣрятъ во всѣ свои пророчества. Энгельсъ не менѣе ихъ былъ убѣжденъ, что его устами глаголетъ точная, строгая и неумолимая „наука“. „Съ той же самой увѣренностью, съ какой мы можемъ изъ данныхъ математическихъ положеній развить новую истину“— говорилъ онъ въ 1847 г.—„съ той же самой увѣренностью мы можемъ изъ данныхъ экономическихъ отношеній и политико-экономическихъ принциповъ заключать къ предстоящей соціальной революціи“.***) И эту

*) Ib. „Der Fall Wiens“, III. s 199.

**) „Die englische Zehnstundenbill“ von Fr. Engels, id. III, s 394.

***) Aus dem literarischen Nachlass etc., III, s. 457.

****) Versammlungen in Elberfeld, II, S. 399.

свою „математическую“ увѣренность въ абсолютной правильности всякихъ, выводимыхъ изъ марксистской догмы, предсказаній, Энгельсъ во всей неприкосновенности передалъ по наслѣдству своимъ ученикамъ. Степень ихъ увѣренности въ правильности всякихъ своихъ „научныхъ“ предсказаній, стоящая обычно въ обратномъ отношеніи къ ихъ умственному росту, заставляетъ вспомнить слова Маркса объ эпигонахъ другого направленія, что „ни одна школа не злоупотребляла еще такъ часто словомъ „наука“.

*
*

Современные соціалисты не мало спорили и еще продолжаютъ спорить о томъ—можно ли, и если можно, то въ какой формѣ слѣдуетъ защищать интересы трудовой части крестьянства въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Какъ относились къ этому вопросу Марксъ и Энгельсъ въ эпоху составленія „Манифеста коммунистической партіи“?

Для Маркса и Энгельса самая постановка такого вопроса представлялась дѣломъ совершенно недопустимымъ. Постановка этого вопроса предполагаетъ, что уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ другой вопросъ—о необходимости для соціалистовъ имѣть, кромѣ программы-maximum, еще и программу-minimum. Но если соціализмъ Маркса и Энгельса основывался въ то время на „точномъ научномъ предвидѣніи“ въ ближайшемъ же будущемъ всеобщаго хозяйственнаго краха, экономической катастрофы, всеевропейскаго государственнаго банкротства и перехода господства къ партіи пролетаріата, то на какое же время могла быть разсчитана программа-minimum? Въ современномъ смыслѣ этого слова программа-minimum есть программа такихъ политическихъ и экономическихъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ (мирнымъ или революціоннымъ путемъ, безразлично) способно укрѣплять боевыя позиціи и облегчать положеніе рабочаго класса во время всего того періода, когда общественная власть находится еще въ рукахъ чуждыхъ ему политическихъ элементовъ, у которыхъ, въ

процессѣ роста соціализма, можно лишь вынудить частичныя уступки или сдѣлать частичныя завоеванія. Такой программы-minimum „Манифестъ коммунистической партіи“ еще не выставлялъ. Въ немъ, пожалуй, также есть программа-minimum, но только совершенно особаго рода: это—программа первоначальныхъ мѣръ, имѣющихъ своей цѣлью экспропріацію главныхъ имущественныхъ силъ буржуазнаго общества и закладку фундамента будущаго строя. Иными словами: эта программа-минимумъ есть практическій приступъ къ осуществленію интегральной программы-максимумъ; она предполагаетъ, что въ странѣ уже одержала полную побѣду партія пролетаріата.

Марксу и Энгельсу и нужно было безповоротно убѣдиться, что ихъ прогнозъ по меньшей мѣрѣ преждевременъ, чтобы перейти къ другой точкѣ зрѣнія Только въ 80-хъ годахъ они сами составляютъ программу для французской рабочей партіи, причемъ, кромѣ формулировки конечной цѣли движенія, формулируютъ также программу-minimum—но уже не въ смыслѣ Манифеста коммунистической партіи, не въ смыслѣ первыхъ мѣръ къ введенію соціалистическаго строя, а въ смыслѣ обезпеченія интересовъ рабочаго класса и подъема шансовъ его борьбы на періодъ господства несоціалистическихъ интересовъ

Здѣсь важно будетъ отмѣтить, что программу-minimum въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Марксъ и Энгельсъ въ эпоху Манифеста считали бы не только излишней и ненужной, но даже болѣе того—прямо вредной. Это явствуетъ хотя бы изъ чрезвычайно интересной статьи Фр. Энгельса объ англійскомъ десятичасовомъ рабочемъ биллѣ.

Въ современномъ рабочемъ движеніи борьба за сокращеніе рабочаго дня и связанныя съ нимъ мѣры фабричнаго законодательства предполагаютъ буржуазный строй, строй, во главѣ котораго стоятъ партіи, враждебныя основнымъ требованіямъ рабочаго класса. Требованія рабочихъ имѣютъ своей цѣлью вынудить, вырвать у правительства классового, правительства болѣе или менѣе буржуазнаго, необходимыя для физическаго и мо-

ральнаго здоровья рабочихъ уступки или пріобрѣсти частичныя революціонныя завоеванія.—Словомъ, требованія рабочихъ въ своемъ осуществленіи предполагаютъ санкцію—болѣе или менѣе вынужденную—враждебнаго ему класса. И несомнѣнно, что десятичасовой англійскій билль былъ первымъ важнымъ шагомъ на этомъ пути Какъ первый шагъ, открывшій собою эру дальнѣйшаго прогресса законодательства въ этомъ смыслѣ, онъ былъ настолько важенъ, что впослѣдствіи Марксъ называлъ его „побѣдой новаго принципа“.

Но съ точки зрѣнія чистаго, строгаго революціоннаго марксизма конца сороковыхъ годовъ дѣло представлялось совершенно въ иномъ свѣтѣ. Именно тотъ фактъ, что десятичасовой рабочій день былъ введенъ буржуазно-землевладѣльческимъ законодательствомъ, дѣлало его въ глазахъ Маркса и Энгельса актомъ *реакціоннымъ*, а не революціоннымъ.

Не въ томъ дѣло, конечно, чтобы они не видѣли всю важность ограниченія рабочаго дня для физическаго и моральнаго здоровья рабочихъ. Они понимали это значеніе, но признавали, въ послѣднемъ итогѣ, полезность такой мѣры лишь въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, которыя въ своей совокупности означали бы полную ликвидацію существующаго хозяйственнаго строя, а, слѣдовательно, проводились бы не порознь, а вмѣстѣ, одновременно, и, само собой разумѣется, въ моментъ, когда назрѣла эта ликвидація и есть на лицо организованная сила побѣдоноснаго революціоннаго пролетаріата, готоваго и способнаго ее произвести.

Вырванный же изъ живой, органической совокупности такихъ мѣръ, билль о сокращеніи рабочаго дня, съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, способенъ быть только соблазномъ для рабочихъ, совращая ихъ съ революціоннаго пути на путь сдѣлокъ съ благодѣтельными опекунами изъ привиллегированныхъ классовъ, да еще задерживать развитіе всѣхъ противорѣчій капиталистическаго строя,—развитіе противорѣчій, въ которомъ лежитъ залогъ его діалектическаго самоотрицанія.

„Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Развитіе капитализма, несвязанное никакими нормами, внѣ его лежащими,

приведетъ кратчайшимъ путемъ, съ наименьшей потерей, къ наибольшимъ результатамъ Таковъ былъ ясный, опредѣленный смыслъ міросозерцанія, логически развиваемаго до его крайнихъ выводовъ. Это логическое безстрашіе передъ выводами, эта стройность и отсутствіе всякой двусмысленности представляли въ одно и то же время и силу, и слабость марксизма конца 40-хъ годовъ. марксизма „Коммунистическаго Манифеста“.

* * *

Энгельсъ прежде всего отмѣчаетъ, что въ эпоху, когда англійскій рабочій классъ еще не былъ готовъ овладѣть государствомъ, проведеніе десятичасового рабочаго дня могло быть лишь дѣломъ компромисса. И онъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что междуфракціонная борьба въ предѣлахъ самой буржуазіи выдвинула изъ ея среды фракціи, воспользовавшіяся десятичасовымъ биллемъ, чтобы привлечь на свою сторону рабочихъ. Съ одной стороны стояла индустріальная буржуазія, интересы которой этимъ биллемъ нарушались; съ другой—банкиры, торговцы, биржевики и землевладѣльцы, которымъ проведеніе билля ничего не стоило. Вмѣстѣ съ разсчетливыми людьми эти общественные элементы выдвинули сантиментальныхъ и мечтательныхъ идеологовъ торизма, принимавшихъ въ серьезъ то, что для другихъ было лишь тактическимъ пріемомъ: защиту интересовъ рабочихъ, возбужденіе ихъ противъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Съ другой стороны, навстрѣчу этому теченію, шедшему сверху, среди рабочихъ возникло теченіе снизу—та первоначальная, незрѣлая оппозиція индустріализму, которая мечтала о возвращеніи старыхъ патріархальныхъ отношеній. Такимъ образомъ, рабочее движеніе фальсифицировалось и извращалось тѣми реакціонными примѣсями, которыя были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ компромисса [1]).

---

[1]) „Die englische Zehnstundenbill“ von Fr. Engels ib., III, s. 385—386.

Но этого мало. Когда десятичасовой билль послѣ разныхъ мытарствъ былъ проведенъ, то союзъ долженъ былъ распасться, ибо не оказывалось новаго крупнаго требованія, которое могло бы объединять столь разношерстные элементы въ одномъ интенсивномъ движеніи. Первая бѣда оказывалась, такимъ образомъ, лишь преходящей и временной. Но билль имѣлъ еще одно чрезвычайно важное послѣдствіе, по англійскимъ условіямъ, безусловно реакціонное.

„Вслѣдствіе промышленной революціи, рѣшающей вѣтвью производства для Англіи стала ея индустрія, благодаря которой она завоевала и поработила себѣ всемірный рынокъ. Англія стоитъ и падаетъ вмѣстѣ со своей индустріей, возвышается и принижается вмѣстѣ съ кривою ея колебаній..... Но современная крупная промышленность можетъ существовать лишь при условіи постояннаго расширенія, постояннаго завоеванія новыхъ рынковъ.... И такъ какъ индустрія на высотѣ ея современнаго развитія несравненно скорѣе увеличиваетъ свои производительныя силы, чѣмъ можетъ увеличивать свои рынки, то отсюда проистекаютъ тѣ промышленные кризисы, во время которыхъ, вслѣдствіе избытка средствъ производства и продуктовъ, обращеніе товаровъ внезапно парализуются, промышленность и торговля почти совсѣмъ замираютъ, пока избытокъ продуктовъ не успѣетъ схлынуть, найдя для этого новые каналы. Но этотъ моментъ скоро даетъ мѣсто новому періоду процвѣтанія. Расторговавшіеся рынки требуютъ новаго подвоза и снабженія; фабриканты не успѣваютъ работать достаточно быстро. Но здѣсь-то и являются предписанія десятичасового билля нестерпимыми узами для индустріи, которая нуждается въ такой моментъ, болѣе чѣмъ когда-либо, въ полной независимости, въ ничѣмъ неограниченной свободѣ распоряженія всѣми необходимыми для нея рессурсами...

„Если раньше мы видѣли, что десятичасовой билль защищался главнымъ образомъ реакціонерами и былъ проведенъ исключительно реакціонными классами, то теперь мы видимъ, что въ томъ видѣ, какъ онъ былъ проведенъ, отъ является насквозь реакціонною мѣрою.

Все общественное развитіе Англіи связано съ развитіемъ, съ прогрессомъ ея индустріи. Всѣ учрежденія, которыя стѣсняютъ этотъ прогрессъ, ограничиваютъ его или стремятся его регулировать и управлять имъ посредствомъ масштабовъ, внѣ его лежащихъ—реакціонны, не могутъ быть удержаны и должны пасть. Революціонная сила, которая съумѣла шутя покончить со всѣмъ патріархальнымъ строемъ старой Англіи, съ аристократіей и финансовой олигархіей, не дастъ себя втиснуть и уложить въ умѣренной и аккуратной постелькѣ десятичасового билля.

„И однако, десятичасовой билль непремѣнно нуженъ для рабочихъ. Онъ для нихъ—прямая физическая необходимость. Безъ десятичасового билля цѣлому поколѣнію англійскихъ рабочихъ угрожаетъ физическое вырожденіе. Но между тѣмъ десятичасовымъ биллемъ, который... проведенъ реакціонной коалиціей 1847 г., и тѣмъ, котораго теперь требуютъ рабочіе—огромная разница...

„Они (рабочіе) испытали, какая имъ польза отъ того, что противъ индустріальной буржуазіи проводятся единичныя мелкія мѣры. Они на опытѣ узнали, что пока индустріальная буржуазія все еще остается классомъ, который одинъ способенъ въ настоящій моментъ стоять во главѣ развитія, и что было бы напрасно работать вопреки ему въ этой его прогрессивной миссіи ..

„Они чувствуютъ, что ихъ время можетъ придти лишь тогда, когда индустріальная буржуазія себя используетъ и исчерпаетъ; и вотъ почему, руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они должны ускорять тотъ процессъ развитія, который долженъ дать ей побѣду и тѣмъ самымъ подготовить ея паденіе...

„Лишь съ того момента, когда границы даже всемірнаго рынка сдѣлаются слишкомъ узкими для полнаго развитія всѣхъ рессурсовъ современной индустріи; когда послѣдней необходима будетъ общественная революція, чтобы вновь пріобрѣсти для игры своихъ силъ свободную арену—съ этого момента ограниченіе рабочаго времени перестанетъ быть реакціоннымъ дѣломъ, перестанетъ быть узами, стѣсняющими индустрію. Напротивъ, этотъ вопросъ выдвинется самъ собою. Первымъ слѣд-

ствіемъ пролетарской революціи въ Англіи будетъ централизація крупной индустріи въ рукахъ государства, т.-е въ рукахъ получившаго господство пролетаріата. Но съ централизаціей индустріи устраняются всѣ отношенія конкуренціи, которыя нынѣ ставятъ въ конфликтъ регулированія рабочаго времени съ прогрессомъ индустріи

„Десятичасовой рабочій билль въ томъ видѣ, въ какомъ его теперь требуютъ рабочіе... не является болѣе единичной попыткой, ослабляющей индустріальное развитіе, онъ есть лишь звено въ длинной цѣпи мѣропріятій, производящихъ переворотъ во всемъ современномъ обликѣ общества и уничтожающихъ послѣдовательно существовавшія до сихъ поръ классовыя противорѣчія; онъ — не реакціонная, но революціонная мѣра.

„И такимъ образомъ единственное разрѣшеніе вопроса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ и всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ отношеніями между трудомъ и капиталомъ — заключается въ пролетарской революціи *).

*
* *

Эта статья объ англійскомъ десятичасовомъ биллѣ (напечатана въ 1850 г.) имѣетъ огромную важность для характеристики той точки зрѣнія, на которой Марксъ и Энгельсъ—въ это время работавшіе уже въ полномъ согласіи между собой—стояли въ эпоху „Коммунистическаго Манифеста“ и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за его опубликованіемъ. Безъ пониманія этой точки зрѣнія нельзя достаточно полно и правильно понять и оцѣнить всѣ ихъ отдѣльные соціально-политическіе взгляды, мнѣнія и отзывы.

Мы уже сказали, что въ этой своей классической, чистой, ортодоксальной формѣ (не даромъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ во всѣхъ своихъ частностяхъ и теперь представляетъ коранъ ортодоксіи) былъ міросозерцаніемъ чрезвычайно стройнымъ и логически-

*) „Die englische Zehnstundenbill“, Nachlass etc., III s. 392—395.

закругленнымъ *). Душою этой стройности, этой внутренней гармоніи, являлось убѣжденіе, что развитіе капитализма, предоставленное самому себѣ, въ своихъ „натуральныхъ“, стихійно слагающихся формахъ, есть кратчайшій и наилучшій путь къ соціализму; путь, который нужно только расчистить отъ всякой загораживающей дорогу старой, исторически накопившейся дряни,— и тогда дѣло соціализма въ шляпѣ. Этотъ оптимистическій фатализмъ по отношенію къ капитализму лишь впослѣдствіи, особенно въ рукахъ „учениковъ“, окончательно утратилъ свою послѣдовательность и пріобрѣлъ совершенно эклектическую окраску; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него постепенно отлетѣлъ и тотъ революціонный духъ, которымъ онъ былъ проникнутъ особенно сильно именно въ концѣ 40-хъ годовъ.

Такъ какъ въ глазахъ Маркса и Энгельса самоотрицаніе капитализма шло семимильными шагами, и они уже собирались на будущей всемірной выставкѣ любоваться общественными богатствами соціалистическаго міра въ сопровожденіи услужливыхъ чичероне изъ бывшихъ капиталистовъ, то имъ легко было, конечно, праздновать имянины сердца и съ революціоннымъ энтузіазмомъ взывать къ рабочимъ: не мѣшайте побѣдоносному шествію капитализма, не тревожьте и не связывайте никакими нормами свободное развитіе буржуазныхъ отношеній; въ вашихъ интересахъ—не регулировать этого развитія какими-то внѣ него лежащими нормами, а только ускорять его. Но когда дѣйствительность показала, что реальное соотношеніе положительныхъ, созидающихъ, и отрицательныхъ, дезорганизующихъ сторонъ капитализма далеко не такъ благопріятно, какъ это представлялось на первый взглядъ; когда въ дѣйстви-

*) Нѣкоторые элементы, которые можно было отмѣтить въ философскомъ міросозерцаніи Маркса въ первой половинѣ 40-хъ годовъ, и которые могли въ своемъ развитіи придать его міросозерцанію иное направленіе, отчасти застыли въ своихъ эмбріональныхъ формахъ, отчасти атрофировались, и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ его фигурируютъ скорѣе какъ рудиментарныя формы, не играющія важной роли въ общей экономіи органическаго цѣлаго, какимъ является марксизмъ.

тельности обнаружилось, что капитализмъ проявилъ безконечно болѣе упорную живучесть и безконечно меньшую поспѣшность въ самоотрицаніи — тогда перепѣвы стараго мотива объ „ускореніи“ и „содѣйствіи“ буржуазному прогрессу сразу приняли двусмысленный характеръ. Одни пѣвцы почувствовали ощущеніе, какъ будто съ ними случился какой-то скверный анекдотъ, а именно, неожиданно для самихъ себя и какъ-то противъ собственной воли и желанія, они стали впадать въ тонъ буржуазныхъ апологетовъ. Замѣтивъ это, они стали сбиваться съ такта и пробовать начинать какъ-нибудь по новому. Другіе ничего не замѣчали, и, подобно П. Струве, благополучно допѣлись до откровенныхъ буржуазно-либеральныхъ кантатъ, лишь съ неопредѣленно-соціалистическими или полусоціалистическими оговорками. Они попали въ то же двусмысленное, трагикомическое положеніе, которое выпало на долю одной древней секты, почитавшей Іуду. Трагизмъ положенія этой секты вытекалъ изъ ея своеобразной логичности: она разсуждала такъ, что безъ крестной смерти Христа не было бы искупленія рода человѣческаго, а безъ предательства Іуды не было бы крестной смерти Христа; слѣдовательно, мы обязаны всѣмъ предательству Іуды; а потому долгъ истинно вѣрующаго человѣка, который увидѣлъ бы Іуду съ воинами, направляющихся на охоту за своею жертвою, состоялъ бы лишь въ томъ, чтобы ему посовѣтовать: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“. Понятно, что такую вещь сказать съ революціоннымъ энтузіазмомъ довольно трудно; и во всякомъ случаѣ, досгупно только исключительнымъ талантамъ; а извѣстно, что таланты отъ Бога, а не отъ рукъ человѣческихъ.

Послѣдовательность прежняго воззрѣнія также была безвозвратно утрачена. Въ программу болѣе ортодоксальныхъ марксистовъ (а извѣстно, что марксисты тѣмъ ортодоксальнѣе, чѣмъ они восточнѣе) вкралась основная двойственность. Поскольку рѣчь стала заходить о трудовомъ крестьянствѣ, постольку они цѣликомъ становились на точку зрѣнія статьи Энгельса о десятичасовомъ рабочемъ биллѣ и пользовались методомъ аргу-

ментаціи этой статьи. Защита трудовыхъ интересовъ крестьянства означаетъ стѣсненіе естественнаго развитія капиталистическихъ отношеній, компромиссъ съ буржуазными началами, задержку развитія, тогда какъ намъ нужно его ускореніе; вопросъ о защитѣ этихъ интересовъ можетъ быть поднятъ лишь послѣ побѣдоносной пролетарской революціи, тогда соотвѣтственныя мѣры будутъ революціонны, теперь же онѣ реакціонны; теперь мы можемъ лишь бороться за „свободу развитія буржуазныхъ отношеній“ въ деревнѣ, за введеніе ея „въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“, а это послѣднее лишь „подталкивать“, „держа руку на его плечѣ“ и говоря: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Но, конечно, въ вопросѣ о рабочей программѣ-minimum аргументація статьи Энгельса о десятичасовомъ биллѣ была совершенно отброшена.

Положеніе дѣлъ усугубилось еще тѣмъ, что ортодоксальные марксисты въ Россіи успѣли приспособить программу къ большей живучести капиталистическаго строя, и потому не смущались тѣмъ, что, при „введеніи деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“ они должны считаться съ крайне медленнымъ ходомъ аграрной эволюціи А между тѣмъ, именно въ это время, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ странахъ—напр., въ Германіи—сталъ надвигаться конфликтъ между колоссально возросшей соціальдемократіей и реакціонной коалиціей съ Вильгельмомъ во главѣ,—конфликтъ, ставящій на очередь задачи пролетарской, соціальной революціи. И это въ тотъ самый моментъ, какъ наша ортодоксальная соціальдемократія вполнѣ приспособилась, вошла въ колею, по которой предстоитъ идти на встрѣчу революціи буржуазной. И это въ самой земледѣльческой странѣ Европы, и въ то самое время, когда сельскохозяйственный капитализмъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показалъ, что онъ менѣе всякаго прочаго способенъ сойти за сказочнаго пеликана, который услужливо спѣшитъ растерзать свою собственную грудь, чтобы обезпечить питаніе и жизнь произведеннаго имъ самимъ дѣтища — новаго, созрѣвшаго въ его

нѣдрахъ, коллективнаго производственнаго механизма будущаго.

Короче, старый революціонный марксизмъ 1848 года выродился въ направленіе „Искры“.

* * *

Является ли этотъ процессъ вырожденія въ то же время единственно возможнымъ логическимъ процессомъ развитія марксизма? Продолжало ли направленіе „Искры“ до естественнаго конца ту самую эволюцію, которая происходила въ умахъ самого Маркса и Энгельса? Или взгляды этихъ послѣднихъ эволюціонировали въ иномъ направленіи, и въ этомъ-то именно иномъ направленіи ихъ и слѣдуетъ развивать?

На эти вопросы намъ можетъ дать отвѣтъ только дѣйствительный анализъ взглядовъ Маркса и Энгельса въ ихъ историческомъ развитіи, и прежде всего — ихъ взглядовъ на революціонныя способности крестьянства.

Но чтобы понять исходную точку этого развитія, нужно прежде всего помнить ихъ основную точку зрѣнія, съ которой они смотрѣли на всѣ событія: ихъ вѣру въ непосредственно предстоящую соціальную революцію пролетаріата. Эта вѣра должна была пережить рядъ жестокихъ испытаній. И естественно, что вначалѣ Марксу и Энгельсу не должно было казаться, что источникомъ разочарованій является прежде всего неправильный историческій прогнозъ, лежавшій въ основѣ ихъ политической программы. Этого источника, этого виновника разочарованій они должны были искать гдѣ-нибудь во внѣ. И неудивительно, что взоръ ихъ прежде всего могъ остановиться на крестьянствѣ. Какъ показываютъ литературные источники, такъ отчасти и случилось.

Не особенно давно, въ оставшихся послѣ смерти Энгельса бумагахъ, былъ найденъ и затѣмъ опубликованъ въ Neue Zeit чрезвычайно интересный, положительно драгоцѣнный историческій документъ: неоконченный очеркъ „путевыхъ замѣтокъ“, относящихся къ его путешествію въ 1848 г. пѣшкомъ по Франціи, отъ

Парижа до Берна. Путевыя замѣтки Энгельса особенно ярко, въ нѣсколько обостренной формѣ, отражаютъ настроеніе, явившееся той психологической почвой, на которой выросло и держалось своими корнями теоретическое отрицаніе всякой исторической будущности крестьянства — отрицаніе, провозглашенное и нерѣдко до сихъ поръ провозглашаемое марксизмомъ.

Всякое явленіе легче всего изучать въ его наиболѣе развитыхъ, наиболѣе опредѣлившихся формахъ. Мы видѣли, что со временъ великой французской революціи реакція не безъ успѣха сѣяла недоразумѣнія, взаимное недовѣріе и раздраженіе между тружениками города и деревни. Мы указывали на то, что нѣкоторыя обстоятельства благопріятствовали этимъ условіямъ и создали во Франціи извѣстную отчужденность между крестьянствомъ и пролетаріатомъ. Это не могло не отразиться на теоретическихъ построеніяхъ идейныхъ представителей городского пролетаріата. „Манифестъ Коммунистической Партіи“ съ его смѣлыми предсказаніями исчезновенія „реакціоннаго крестьянства“ чуть ли не на завтрашній день — является въ этомъ отношеніи признакомъ времени. Но своего апогея историческія недоразумѣнія между тружениками города и деревни достигли недолго спустя послѣ выхода „манифеста“, и въ запискахъ Энгельса достигаетъ своего апогея отрицательное отношеніе марксизма къ крестьянству. Въ нихъ en toutes lettres, вполнѣ законченно и откровенно высказано то, что у другихъ авторовъ и въ другихъ брошюрахъ недосказано или заключается лишь потенціально.

Чтобы понять проникающій эти записки общій духъ, нужно припомнить ту историческую обстановку, при которой онѣ выливались изъ-подъ раздраженнаго пера Энгельса. Во Франціи только что передъ тѣмъ впервые было поднято знамя „соціальной республики“. Рабочій Парижъ, весь охваченный энтузіазмомъ, какого страна еще не переживала съ 1789 г., готовъ былъ встать какъ одинъ человѣкъ на защиту своего прекраснаго идеала общественнаго равенства, всеобщаго права на трудъ и на вознагражденіе; онъ готовъ былъ помѣряться силами

не только со всею Франціей, но и съ цѣлымъ свѣтомъ, поскольку онъ еще находился во власти темныхъ, отжившихъ силъ деспотизма и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Перепуганная, захваченная врасплохъ буржуазія начинала бредить „краснымъ призракомъ“ и не знала, въ чьи объятія броситься, гдѣ и въ комъ искать отъ него спасенія. Дворянство, высшее духовенство, чиновники стараго режима конспирировали противъ республики. Крестьянство глядѣло съ недовѣріемъ и опасеніями на новыхъ господъ положенія, не видя въ нихъ отклика на свои нужды и стремленія, считая ихъ, и не совсѣмъ безъ основанія, — чужими себѣ... Изъ-за спины всѣхъ этихъ сознательно-реакціонныхъ или безсознательно-стихійныхъ силъ къ республикѣ уже протягивались цѣпкія руки Бонапарта,—а горделивый свободолюбивый Парижъ безстрашно и беззаботно поднималъ свое знамя, на которомъ были начертаны еще неясныя, туманныя, но тѣмъ болѣе соблазнительныя слова—соціальная республика, организація труда... Революціонный Парижъ былъ не только чуждъ сознанія непрочности собственнаго положенія—онъ даже во всеуслышаніе предлагалъ руку братской помощи всѣмъ другимъ народамъ, которые бы рѣшились, слѣдуя примѣру Парижа, возстать и свергнуть своихъ владыкъ и эксплуататоровъ

Не мудрено, что на Францію, на Парижъ было обращено вниманіе всего міра—а въ особенности всего тогдашняго соціально-революціоннаго міра. Лучшіе люди бредили Франціей, бредили Парижемъ; его смѣлой инициативѣ приписывали грандіозное историческое значеніе самые глубокіе и прозорливые наблюдатели политической жизни. Фердинандъ Лассаль считалъ вступленіе въ составъ временнаго правительства рабочаго Альбера предвѣстникомъ новой эры, восходящей зари совершенно новаго историческаго періода. Самымъ восторженныхъ образомъ отзывается о Парижѣ въ своихъ „замѣткахъ“ и Энгельсъ (въ противоположность своимъ позднѣйшимъ сухимъ и нѣсколько презрительнымъ отзывамъ о „незрѣлыхъ, неясныхъ коллективистическихъ стремленіяхъ 1848 года“): „Парижъ — да это единственный въ мірѣ

городъ: въ немъ соединены всѣ нервныя нити исторіи! Отсюда черезъ извѣстные промежутки времени раздаются электрическіе удары, отъ которыхъ дрожитъ весь свѣтъ. По счастливому выраженію Луи-Блана, это — сердце и мозгъ всего свѣта!“

Но — таковъ общій психологическій законъ — чѣмъ чрезмѣрнѣе были упованія, чѣмъ радужнѣе надежды— тѣмъ сильнѣе, тѣмъ тягостнѣе разочарованіе, реакціи... Эту смѣну настроеній особенно сильно долженъ былъ ощущать Энгельсъ, тѣмъ болѣе, что трагическая исторія Парижа 48 года разыгралась передъ самыми его глазами. Онъ видѣлъ Парижъ и во время медоваго мѣсяца республики, „когда рабочіе, эти полные надеждъ глупцы, жертвовали республикѣ „три мѣсяца нужды“: днемъ ѣли черствый хлѣбъ, а вечеромъ сажали на бульварахъ, при звукахъ марсельезы, деревья свободы“... Увидѣлъ онъ лицомъ къ лицу Парижъ и позднѣе, въ октябрѣ, когда между рабочими и созданной ихъ руками республикой уже „лежали іюнскіе дни, море крови и пятнадцать тысячъ труповъ... Въ школѣ осаднаго положенія своенравная республика научилась быть кроткой, умѣренной и послушной. Но Парижъ былъ мертвъ—это не былъ болѣе Парижъ. Тотъ же городъ, но только безъ того духа, жизни, огня, безъ того бродильнаго фермента, который вносилъ въ него рабочій. Да, Парижъ былъ мертвъ, и этотъ прекрасный трупъ былъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ прекраснѣе онъ былъ!“

Отойдя отъ событія на извѣстное историческое разстояніе, конечно, нетрудно разбираться довольно хладнокровно въ общемъ ходѣ событій, въ неизбѣжной логикѣ фактовъ, разыскивать скрытыя подъ ними пружины— словомъ, понять данный процессъ, какъ вполнѣ естественный, объяснимый цѣлымъ рядомъ стихійныхъ причинъ, независимыхъ отъ злой или доброй воли участниковъ. Но это—именно точка зрѣнія посторонняго наблюдателя, чуждаго тому, что происходило на исторической аренѣ. На совершенно иную точку зрѣнія неизбѣжно становится тотъ, кто принималъ непосредственное участіе во всемъ происходившемъ, переживалъ его всѣми нервами и фибрами своего существа. Его точка

зрѣнія—неизбѣжно точка зрѣнія субъективной логики, оцѣнки, приговора, устанавливающаго правоту однихъ и вину другихъ, словомъ—точка зрѣнія нравственнаго суда. Для него важны въ данный моментъ не столько всѣ нити закономѣрнаго сплетенія событій, не столько всѣ изгибы механизма ихъ развитія, сколько субъективное ихъ значеніе — побѣда или пораженіе извѣстнаго принципа, успѣхъ или неуспѣхъ даннаго лица или группы, доблесть и героизмъ одного, вольный или невольный грѣхъ другого. Надъ прекраснымъ трупомъ Парижа—кумира всѣхъ передовыхъ людей своего времени—прежде всего неизбѣжно поднимался грозный вопросъ: кто виноватъ? На кого должна пасть отвѣтственность за эту смерть нашего Парижа?

Да, кто виноватъ? Почему страна была молчаливой свидѣтельницей этого возмутительнаго дѣла? Зачѣмъ она безучастно дала растоптать грязнымъ солдатскимъ сапогамъ это „сердце и мозгъ свѣта?“ Съ такими вопросами долженъ былъ двинуться и двинулся Энгельсъ пѣшкомъ въ глубину страны.

И онъ нашелъ виноватаго Виноватымъ въ его глазахъ оказалось крестьянство.

И мудрено ли? Что могъ найти во французской деревнѣ—особенно мимоходомъ, во время какого-нибудь двухнедѣльнаго путешествія—Ф. Энгельсъ,—тогда, очевидно, горячій энтузіастъ, участникъ кипучей политической жизни столицъ, въ которыхъ вѣчно „шумъ, гремятъ витіи, кипитъ словесная война“, — что могъ онъ увидать тамъ, въ тѣхъ глубинахъ страны, которыхъ очень мало или только поверхностно коснулось столичное движеніе? Да въ лучшемъ случаѣ ту старую „вѣковую тишину“, о которой говоритъ поэтъ. А въ худшемъ.. Но о худшемъ пусть разсказываетъ намъ самъ Ф. Энгельсъ.

„Что могъ знать тупоумный, ограниченный крестьянинъ о пролетаріатѣ и буржуазіи, о демократическисоціальной республикѣ, объ „организаціи труда“—о вещахъ, основныя условія и элементы которыхъ никогда не встрѣчаются въ его селѣ? И когда черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листковъ онъ получилъ смутное

понятіе о томъ, что происходило въ Парижѣ, когда буржуазія бросила ему громкій пароль противъ соціалистовъ—„ce sont des partageurs“,—это люди, которые хотятъ отнять у тебя и раздѣлить имущества и землю—тогда ярость крестьянъ не знала предѣловъ...

„Я говорилъ съ сотнями крестьянъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Франціи *), и вездѣ господствуетъ тотъ же фанатическій антагонизмъ противъ Парижа и парижскихъ рабочихъ“. „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ проклятый Парижъ взлетѣлъ на воздухъ!“ было самымъ кроткимъ пожеланіемъ.

„Понятно, что у крестьянъ старое презрѣніе къ городамъ подкрѣпилось и увеличилось событіями этого года. Крестьяне, деревня должны спасти Францію. Деревня производитъ все, города живутъ нашимъ зерномъ, одѣваются въ нашъ ленъ и нашу шерсть; мы должны возстановить нормальный порядокъ вещей; мы, крестьяне, должны взять дѣло въ наши руки — вотъ вѣчный припѣвъ, который звучитъ болѣе или менѣе отчетливо, болѣе или менѣе сознательно во всѣхъ спутанныхъ разговорахъ крестьянъ А какъ они хотятъ спасти Францію? Какъ хотятъ они взять въ свои руки это дѣло? Выбравъ президентомъ республики Луи Наполеона Бонапарта, ничтожнаго, но гордаго сумасброда, у котораго только и есть, что то великое имя, которое онъ носитъ... У всѣхъ крестьянъ, съ которыми я говорилъ энтузіазмъ къ Луи Наполеону былъ столь же великъ, какъ и ненависть къ Парижу. Этими двумя страстями и самымъ безсмысленнымъ, самымъ животнымъ изумленіемъ передъ общеевропейскимъ потрясеніемъ ограничивалась вся политика крестьянъ“...

„Нужно пробыть двѣ недѣли съ крестьянами, съ крестьянами самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Франціи, нужно имѣть случай находить вездѣ ту же самую

---

*) Энгельсъ нѣсколько увлекается: не надо забывать, что все это онъ успѣлъ сдѣлать впродолженіи все того же двухнедѣльнаго путешествія, когда онъ къ тому же долженъ былъ пѣшкомъ пройти разстояніе отъ Парижа до Берна, и, слѣдовательно, имѣлъ уже не такъ много времени для разговоровъ „съ сотнями крестьянъ“.

тупую ограниченность, то же самое полное незнаніе городскихъ, промышленныхъ и коммерческихъ отношеній, ту же самую слѣпоту въ политикѣ, то же самое „тыканье пальцемъ въ небо“ во всемъ, что выходитъ за околицу деревни, то же самое приложеніе масштаба крестьянскихъ отношеній къ величайшимъ историческимъ отношеніямъ,—словомъ, нужно знать французскаго крестьянина именно въ 1848 г., чтобы испытать вполнѣ то подавляющее впечатлѣніе, которое оставляла эта упрямая глупость“...

Энгельсъ не прочь иронически признать въ крестьянинѣ „нѣкоторыя патріархальныя добродѣтели“, но... „мужикъ всегда остается мужикомъ“, „это варваръ среди цивилизаціи“, „тупоумный, ограниченный крестьянинъ“, который, почти что не умѣя лѣвой руки отличить отъ правой, набрасывается на движеніе, котораго не понимаетъ, „съ полнымъ бѣшенствомъ слѣпой жадности“.

Вотъ картина, которую рисуетъ намъ Энгельсъ, и по поводу которой невольно вспоминается пословица, согласно которой даже и чортъ, навѣрно, не такъ страшенъ, какъ его малюютъ слишкомъ усердные и благочестивые художники.

* * *

Итакъ, мужикъ, этотъ безсмысленный, тупой, ограниченный, слѣпой, упрямый, жадный варваръ, съ животной яростью и бѣшенствомъ набрасывающійся на то, что выше его пониманія — вотъ козелъ отпущенія, на котораго наконецъ Энгельсъ можетъ взвалить отвѣтственность за пораженіе великаго, самоотверженнаго Парижа 1848 года.

Иного отношенія къ крестьянству, не поддержавшему Парижа, конечно, было трудно и ожидать отъ человѣка, лучшимъ надеждамъ котораго подавленіе парижскаго движенія нанесло только что самый жестокій и чувствительный ударъ... Ему ли, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого удара, быть безпристрастнымъ судьей въ еще свѣжемъ спорѣ Парижа со всей Франціей? Нѣтъ,

онъ—не холодный изслѣдователь, парящій надъ событіями съ такой высоты, которой не достигаетъ затронутыя борьбой и еще не остывшія страсти, интересы и предпочтенія... Онъ живой человѣкъ, онъ самъ пѣликомъ принадлежитъ этой борьбѣ, принадлежитъ одной изъ участвующихъ въ ней сторонъ: всѣ его симпатіи, всѣ его лучшія чувства заранѣе и безраздѣльно отданы Парижу...

Онъ не поставитъ въ высшей степени серьезнаго и даже рокового историческаго вопроса: а кто виноватъ въ томъ, что французское крестьянство получало свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Парижѣ, только „черезъ грязный каналъ буржуазныхъ листковъ?“ Кто виноватъ въ томъ, что въ то время, когда буржуазія, сознавая громадную стихійную силу крестьянства, бросала въ деревню сѣмена недовѣрія и вражды противъ городскихъ рабочихъ—эти послѣдніе, при звукахъ марсельезы, беззаботно сажали „деревья свободы“... на парижскихъ бульварахъ!

Энгельсу не приходитъ при этомъ на умъ мысль, впослѣдствіи такъ хорошо выраженная Лассалемъ въ одной изъ его рѣчей къ рабочимъ: „господа, служители монархіи, практики, а не краснобаи; но такихъ практическихъ служителей нужно пожелать и вамъ“. Въ 1848 г. рабочему дѣлу во Франціи сильно недоставало такихъ практическихъ служителей. Это было естественно. Движеніе того времени было еще слишкомъ молодо и незрѣло. Это были, собственно говоря, только первые проблески едва нарождавшагося движенія, та „мятежная юность“ его, которая готова беззавѣтно, самоотверженно взвалить, подобно Атланту, на свои собственныя плечи весь небесный сводъ, которая гордо стремится дать странѣ свободу и счастье, хотя бы не только безъ ея участія, но даже и прямо противъ ея собственной воли...

И мудрено ли, что крестьянство возроптало? Что оно могло ожидать отъ новаго движенія? И что оно ему дало въ краткую эпоху своего господства?

Оно дало ему... ни болѣе, ни менѣе, какъ увеличеніе поземельнаго налога на 45 сантимовъ. Увеличеніе на-

лога на землю, т. е. для крестьянина—налога на средства труда, косвеннаго налога на самый трудъ!

Самъ Энгельсъ, даже въ то время, не могъ не признать, что этимъ республиканское правительство „сдѣлало непростительную, никогда непоправимую ошибку“... Но если такъ, то, полно, ужъ такъ ли виноваты и крестьяне въ своемъ нерасположеніи къ Парижу? Энгельсъ не задается этимъ вопросомъ; напротивъ, онъ спѣшитъ свести значеніе своего признанія на нѣтъ. „Ошибка республиканскаго правительства, говоритъ онъ, не имѣла существеннаго значенія. Оно, могло бы, конечно, въ иномъ случаѣ самое большее—это привлечь къ себѣ крестьянъ „на какую нибудь пару мѣсяцевъ“; а затѣмъ они все равно отпали бы, ибо поведеніе крестьянства опредѣляется въ цѣломъ не случайностями, а непреоборимой матеріальной причиной — экономическимъ положеніемъ мелкой собственности..

Такимъ образомъ, Энгельсъ подошелъ было совсѣмъ вплотную къ совершенно иному рѣшенію вопроса о причинахъ неудачи парижскаго движенія—рѣшенію, согласно которому эти причины прежде всего лежали въ незрѣлости самого движенія. Онъ уже совсѣмъ было, можно сказать, локтемъ зацѣпилъ истину,—но только для того, чтобы тотчасъ же опять отъ нея отойти.

А между тѣмъ, признаковъ незрѣлости движенія было не мало. Они всякому непредубѣжденному человѣку били бы прямо въ глаза. Даже Энгельсъ, самъ того не желая, приводитъ мимоходомъ очень яркіе примѣры.

Въ одной деревнѣ Энгельсъ едва не пристроился къ артели парижскихъ рабочихъ, занятыхъ постройкой плотины. И вотъ какими нашелъ ихъ нашъ авторъ. „Они сохранили веселость, бодрость духа парижанъ, но въ общемъ, благодаря своей изолированности въ маленькой деревушкѣ, они были совсѣмъ демарализованы. Не было ни признака, чтобы они занимались интересами своего класса, въ тѣсной связи съ которыми находились политическія злобы дня. Кажется, они даже не читали никакой газеты, Вся ихъ политика ограничивалась насмѣшливыми прозвищами. Одного, большого и сильнаго оборванца звали Коссидьеромъ, другого—

плохого работника и пьяницу—Гизо, и т. д. Утомительная работа, сравнительно хорошія условія жизни, и, главнымъ образомъ, оторванность отъ Парижа, и то, что они попали въ отрѣзанный отъ остального міра уголокъ Франціи,—замѣчательно сузили ихъ кругозоръ. Они начали уже омужичиваться .. (sic). А они здѣсь были только 2 мѣсяца"!

Такимъ образомъ, чуть-ли не мужики оказались виноваты даже въ томъ, что у парижскихъ рабочихъ въ два мѣсяца успѣли совершенно вывѣтриться изъ головы всѣ навѣянныя столицей идеи.... Настолько вывѣтриться, что Энгельсъ не нашелъ у нихъ даже „никакого признака" мыслей объ интересахъ своего класса. Конечно, всякій безпристрастный изслѣдователь могъ бы сдѣлать отсюда только тотъ выводъ, что парижское движеніе того времени было еще въ значительной степени стихійнымъ, стаднымъ, малосознательнымъ, носившемъ всѣ признаки поверхностно массовой заразы. Достаточно было на какихъ-нибудь 2 мѣсяца оторвать рабочихъ отъ центра, изъ котораго исходила зараза—изъ Парижа—и съ рабочихъ могъ быстро слетѣть весь соціалистическій налетъ. Они не только не были способны освѣтить лучемъ сознанія ту тьму, въ которой бродили крестьяне, но быстро „омужичивались" сами.

Мудрено-ли, что въ то время не могли раздаваться голоса о необходимости сближенія, союза между тружениками города и деревни, фабричнымъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ? Гораздо естественнѣе въ то время были бы совѣты отстраниться отъ крестьянства, какъ отъ чумы, какъ отъ заразы,—въ родѣ позднѣйшей краткой и выразительной русской формулы: „съ вами не сольешься, а сопьешься!"

Настроеніе Энгельса, выраженное въ его путевыхъ замѣткахъ, какъ нельзя лучше освѣщаетъ намъ и психологическую подпочву пресловутой фразы „Коммунистическаго Манифеста" объ „идіотизмѣ деревни". Крестьянофобскія нотки, звучащія изрѣдка уже въ „манифестѣ", навѣяны тѣми же самыми временными, преходящими историческими явленіями и событіями, какъ и „замѣтки" Энгельса. Разница лишь въ томъ, что послѣднія напи-

сами позже, когда недоразумѣнія между городомъ и деревней достигли своего апогея—соотвѣтственно этому въ нихъ достигли максимума силы и напряжанія и эти крестьянофобскія ноты. Несчастье марксизма по отношенію къ аграрному вопросу состоитъ въ томъ, что марксизмъ, какъ міросозерцаніе, складывался въ головахъ Маркса и Энгельса именно въ ту печальную, смутную эпоху. Ея впечатлѣнія наложили свою печать на ихъ міросозерцаніе, и слѣды этого еще не изгладились вполнѣ до самаго послѣдняго времени. Не только для отдѣльныхъ людей, но и для цѣлыхъ міросозерцаній и теорій впечатлѣнія дѣтства—самыя сильныя, и отъ нихъ труднѣе всего отдѣлаться даже при всѣхъ усиліяхъ позднѣйшей сознательной критики.

Мы уже видѣли, что обвинительный актъ Энгельса противъ французскаго крестьянства хромаетъ въ многихъ пунктахъ. По его же собственнымъ признаніямъ, ни мѣропріятія временнаго правительства, ни общенія съ городскими рабочими не могли дать крестьянамъ основаній сочувствовать новому движенію. Среди мѣропріятій было одно прямо анти-крестьянское, рабочіе при столкновеніи съ деревней сами оказывались несостоятельными. Но если не рабочіе, то кто же еще могъ просвѣтить крестьянство? Съ какими представителями новаго теченія могли еще они встрѣтиться? Только со случайными туристами, въ родѣ хотя бы того же Энгельса... Не говоря уже о томъ, что подобныя мимолетныя встрѣчи не могли оставлять послѣ себя сколько-нибудь глубокаго и прочнаго впечатлѣнія даже при самомъ лучшемъ отношеніи къ крестьянству со стороны туристовъ,—надо сознаться, что и это отношеніе часто оставляло желать много лучшаго...

Крайне характернымъ въ этомъ смыслѣ является слѣдующій, разсказываемый Энгельсомъ про самого себя, эпизодъ. Очень гостепріимно встрѣченный въ одномъ деревенскомъ домишкѣ (вѣдь „у крестьянъ есть коекакія патріархальныя добродѣтели“, снисходительно замѣчаетъ Энгельсъ), нашъ путешественникъ слѣдующимъ образомъ отплачиваетъ своимъ хозяевамъ за это гостепріимство. „Уходя, я нарисовалъ въ подарокъ дѣтямъ

нѣсколько рожъ и пресерьезнымъ образомъ объяснилъ: это—Луи Наполеонъ, это—Арманъ Марра, это—Ледрю Ролленъ, это—Кавеньякъ. Крестьяне, вытаращивши глаза, уставились на ужасныя рожи съ величайшимъ почтеніемъ, радостно благодарили и тотчасъ же прибили поразительно похожіе портреты на стѣну"... А Энгельсъ отправился дальше, отмѣчая съ высоты столичнаго величія столь несомнѣнные признаки безнадежнаго тупоумія грубой деревенщины.

Повѣствованіе объ этой удачной мистификаціи, однако, еще одно изъ самыхъ невинныхъ проявленій отношенія Энгельса къ крестьянству. Въ одномъ мѣстѣ онъ доходитъ даже до проповѣди необходимости въ будущемъ цѣлаго крестоваго похода „арміи пролетаріата" противъ крестьянства: „Отношеніе крестьянъ къ революціи 1848 г. не есть слѣдствіе ошибокъ или случайныхъ недоразумѣній: оно естественно. Оно исходитъ изъ самого положенія вещей, изъ общественнаго положенія мелкой земельной собственности. Французскому пролетаріату, прежде чѣмъ онъ проведетъ свои требованія, придется подавить всеобщую крестьянскую войну, войну, которую даже уничтоженіе ипотечныхъ долговъ отложитъ лишь на короткое время"...

Дальше этого идти ужъ, очевидно, было некуда.

Audiatur et altera pars. Приговоръ Энгельса суровъ.. положимъ даже, что онъ справедливъ, но уже одна суровость этого приговора даетъ достаточное основаніе выслушать возможную рѣчь адвоката крестьянства въ отвѣтъ нашему прокурору.

„Хорошо, ученый и высокообразованный мыслитель"!—могъ бы сказать отъ лица крестьянъ этотъ воображаемый адвокатъ. „Вы ярко выставили всю нашу темноту, нашу грубость, наше заскорузлое невѣжество. И мы не станемъ оспаривать вашу характеристику. Гдѣ ужъ! куда ужъ! Мы раздавлены, мы уничтожены вашимъ приговоромъ; вѣдь мы—сущее ничтожество передъ вами. Вѣдь вы съ вашими друзьями—вы умственный центръ, вы лучшее изъ того, что до сихъ поръ выработала столица—та самая столица, которую вы такъ гордо величаете „сердцемъ и мозгомъ всего свѣта". Значитъ

вы—сердце сердца и мозгъ мозга всего свѣта. Но берегитесь! Чѣмъ больше вамъ дано, тѣмъ больше съ васъ и взыщется. Вы хорошо умѣете перечислять чужія историческія вины. Но оглянитесь и на себя самихъ. Почему вы, „хранители огня на алтарѣ, вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ, дабы всѣмъ видѣнъ былъ, и свѣтъ вносилъ бы въ тьму“—почему вы не подѣлились вашимъ умомъ и вашими знаніями съ нами, сѣрой сермяжной деревенской массой? Или вы въ самомъ дѣлѣ, хотѣли одни оставаться „сердцемъ и мозгомъ свѣта“, сами думать за этотъ свѣтъ и устраивать его судьбу, не спрашиваясь его согласія? Или вы воображали, что Парижъ—это вся Франція? Тогда при всемъ вашемъ образованіи вы не ушли дальше насквозь прогнившихъ идеаловъ просвѣщеннаго абсолютизма и благодѣтельствованія насъ сверху. Вы — соль земли, вы—свѣтъ міра; не даромъ же Парижъ столѣтіями притягивалъ въ себя лучшія, способнѣйшія силы изъ всей страны, недаромъ онъ высосалъ изъ нея и впиталъ въ себя ея самые здоровые жизненные соки. Но „зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, да свѣтитъ всѣмъ въ домѣ“. Зачѣмъ вы забыли объ этомъ? Зачѣмъ вы замкнулись отъ насъ? По отношенію къ вамъ люди отжившаго прошлаго оказались большими демократами по своей тактикѣ,—большими демократами, чѣмъ вы, люди будущаго! Они, какъ бы то ни было, шли къ намъ, давали намъ разныя обѣщанія, показывали намъ всевозможныя темныя и свѣтлыя перспективы, старались намъ передать свои политическія симпатіи и антипатіи. А вы? Что мы видѣли отъ васъ? Чѣмъ вы заслужили наше расположеніе? Чѣмъ вы намъ доказали свое вниманіе къ нашимъ нуждамъ, къ нашимъ страданіямъ? То новое республиканское правительство, которое посадила у власти ваша революція, скоро показало свою государственную мудрость, увеличивъ давящіе насъ налоги; но для этого нечего было свергать старое правительство, это одинаково хорошо сумѣло бы сдѣлать и оно. Для того, чтобы издѣваться надъ отсутствіемъ у насъ эстетическаго вкуса и надъ нашей способностью принять какія-то грубо нарисованныя

рожи за портреты Ледрю-Роллена и Кавеньяка — для этого тоже вовсе не нужно быть Энгельсомъ; это съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы сдѣлать любой проѣзжій чиновничекъ изъ „благородныхъ“, и даже любой военный писарь, слегка хватившій „цивилизаціи“. Да, наконецъ, и для будущаго „подавленія всеобщей крестьянской войны“ вовсе нѣтъ надобности въ новыхъ людяхъ и новыхъ знаменахъ. Крестьянскія войны уже не разъ бывали въ исторіи, а методъ „подавленія“ практиковался во всѣ вѣка представителями реакціи съ такимъ успѣхомъ, что и здѣсь ваша конкурренція будетъ нѣсколько излишней роскошью. Если вы не сумѣли сдѣлать намъ понятными свои идеи,—такъ по вашему это значитъ, что мы вѣчно останемся глухи ко всему новому и живому, такъ что только жандармъ соціалистическаго государства сумѣетъ открыть намъ двери рая и втолкнуть насъ въ нихъ, таща за шиворотъ! И послѣ этого вы считаете, что заслужили право на наше благорасположеніе? И послѣ этого вы вините насъ въ неуспѣхѣ вашего дѣла? Вините въ тысячу разъ больше самихъ себя, и не спѣшите сваливать съ себя отвѣтственность на безотвѣтную крестьянскую массу, благо она пріучена исторіей быть вѣчно козломъ отпущенія за всѣ и свои, и чужіе грѣхи!

Если не все—преувеличенія въ горячихъ анти-крестьянскихъ филиппикахъ Энгельса, то нельзя не признать нѣкоторой доли справедливости и въ этой примѣрной защитительной рѣчью. Мы отнюдь не хотимъ, однако, набросить тѣнь на Энгельса или вообще соціально-революціонную интеллигенцію того времени. Ея историческія заслуги для насъ святы. Конечно, и ея дѣятельность была не безъ ошибокъ, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Историческія условія всякаго времени представляютъ естественныя границы, предѣлъ, его же не прейдетъ никто изъ живущихъ въ этихъ условіяхъ, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Вмѣнять человѣку извѣстнаго времени, то, что онъ не зналъ многаго, прояснившагося только для насъ, его отдаленныхъ потомковъ,—было бы болѣе, чѣмъ странно. Итакъ, не въ укоръ и не въ осужденіе

славнымъ тѣнямъ прошлаго говорили мы. Мы хотѣли только показать, до какой степени является „палкой о двухъ концахъ“ тотъ методъ, которымъ Энгельсъ дошелъ до своего отрицательнаго отношенія къ крестьянству. Забѣгая впередъ, мы поспѣшимъ сказать въ интересахъ небезславнаго имени Энгельса, что его отношеніе къ крестьянству съ теченіемъ времени измѣнилось очень существенно. Можетъ быть даже въ этомъ обстоятельствѣ заключается одна изъ причинъ того, что „путевыя замѣтки“ никогда не были закончены самимъ авторомъ и увидѣли свѣтъ лишь послѣ его смерти. И мы даже охотно воздержались бы поднимать и раскапывать эту старину, если бы... если бы еще до сихъ поръ въ марксизмѣ не удержалось, въ качествѣ историческаго переживанія, нѣчто отъ презрительнаго третированья крестьянства по образцу старыхъ временъ; если бы и до настоящаго времени не сохранились люди, съ особеннымъ удовольствіемъ и подчеркиваньемъ повторяющіе фразы о „мелко-буржуазной реакціонности крестьянства“, о крестьянствѣ, какъ „классѣ варваровъ, стоящихъ на половину внѣ общества“, о „твердомъ анти-коллективистическомъ крестьянскомъ черепѣ“, „идіотизмѣ деревни“ и т. п., и т. п. Единственно необходимость бороться противъ этого „переживанія“ заставила насъ обратиться къ выясненію генезиса первоначальнаго отношенія къ крестьянству духовныхъ отцовъ марксизма, а для этого нѣтъ лучшаго историческаго документа, чѣмъ энгельсовскія путевыя замѣтки, „отъ Парижа до Берна“.

* * *

До сихъ поръ мы условно предполагали, что Энгельсъ по крайней мѣрѣ въ объективной части своихъ „замѣтокъ“ былъ совершенно правъ: что французское крестьянство во время революціоннаго періода конца сороковыхъ годовъ дѣйствительно было настроено въ безнадежно-реакціонномъ и враждебномъ революціи духѣ; что, дѣйствительно, вся „политика крестьянъ“ исчерпывалась тремя страстями: фанатической привязанностью

къ своей земельной собственности, столь же фанатическимъ благоговѣніемъ передъ именемъ Наполеоновъ и, наконецъ, столь же фанатической ненавистью къ свободолюбивому пролетарскому Парижу.

Мы старались доказать, что даже въ томъ случаѣ, если бы все это было вѣрно, Энгельсъ все-таки не имѣлъ бы права на такіе огульные приговоры и рискованныя пророчества, какъ тѣ, которые встрѣчаются въ его „замѣткахъ“. Но теперь пора однако поставить на очередь новый вопросъ: да вѣрны ли были впечатлѣнія Энгельса и въ ихъ объективной части? Иные, пожалуй, сочтутъ съ нашей стороны самую постановку такого вопроса дерзостью. Авторитетъ Энгельса въ глазахъ многихъ слишкомъ силенъ, чтобы наши слова, неподкрѣпленныя ссылками на какіе-нибудь равные или бо́льшіе „авторитеты“, могли поколебать въ глазахъ большинства читателей вѣру въ достовѣрность столь рѣшительнаго и категорическаго свидѣтельства Энгельса. По правдѣ сказать, намъ лично не особенно нравится этотъ способъ апеллированія къ „отцамъ церкви“,— слишкомъ ужъ живо напоминаетъ онъ буквоѣдство старой ортодоксальной теологіи. Но намъ хотѣлось бы убѣдить многихъ читателей, чувствующихъ слабость къ „текстамъ“ отъ „писанія“, и ради нихъ стоитъ иной разъ пожертвовать своими личными вкусами. Мы имѣемъ возможность опереться на такой авторитетъ, что его не заподозрятъ, надѣюсь, въ пристрастіи къ крестьянству даже самые подозрительные крестьянофобы отъ марксизма — даже такіе, которые не могутъ говорить о крестьянинѣ иначе, какъ надѣляя его ироническимъ титуломъ „мужичка“ и ставя это слово, для большей язвительности, въ ковычки. Этотъ авторитетъ — никто иной, какъ самъ „учитель“, самъ Карлъ Марксъ.

Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ его „Die Klassenkampfe in Frankreich“ *) относительно періода

*) „Die Klassenkämpfe in Frankreich“, 1848 bis 1850, von Karl Marx, Abdruck aus der „Neuen Rheinischen Zeitung“, 1850. Berlin, 1895, s. 90–91.

отъ 13 іюня 1849 г. до 10 марта 1850 г.: „Въ самыхъ различныхъ симптомахъ проявлялся постепенный переворотъ въ настроеніи крестьянства. Онъ обнаружился уже при выборахъ въ законодательное собраніе, онъ обнаружился въ фактѣ объявленія на осадномъ положеніи пяти смежныхъ съ Ліономъ департаментовъ; онъ обнаружился нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 13 іюня въ выборѣ одного изъ монтаньяровъ на мѣсто бывшаго президента ультра-реакціонной Chambre introuvable въ департаментѣ Жиронды; онъ обнаружился въ выборѣ 19-го декабря 1849 г. депутатомъ Гардскаго департамента — этой обѣтованной земли легитимизма — одного „краснаго“ на вакантное мѣсто умершаго депутата-легитимиста. Это революціонизированіе даже самыхъ неподвижныхъ умовъ воочію проявилось особенно послѣ возобновленія отмѣненнаго налога на вино. Правительственныя мѣропріятія и законы втеченіе января и февраля 1850 г. были направлены почти исключительно противъ крестьянскихъ департаментовъ. Это самое вѣское доказательство ихъ прогресса.

„Циркуляръ Гауптпуля, который превратилъ жандарма въ своеобразнаго инквизитора префектовъ, подъ-префектовъ и въ особенности мэровъ; который распространилъ сѣть шпіонской организаціи вплоть до самыхъ глухихъ закоулковъ отдаленнѣйшихъ деревенскихъ общинъ; законъ противъ школьныхъ учителей, вслѣдствіе котораго они, эти наставники, истолкователи, выразители и духовные вожди крестьянскаго класса, были подчинены произволу префектовъ; законъ, въ силу котораго учителей, этихъ пролетаріевъ образованнаго класса, перегоняли, словно дикихъ звѣрей, изъ однихъ сельскихъ общинъ въ другія... Далѣе, проэктъ закона противъ мэровъ, въ силу котораго надъ ихъ головой вѣчно висѣлъ дамокловъ мечъ отрѣшенія отъ должности, и согласно которому они, эти президенты крестьянскихъ общинъ, ежеминутно чувствовали себя лицемъ къ лицу съ президентомъ республики и „партіей порядка“; ордонансъ, въ силу котораго 17 военныхъ дивизій Франціи были превращены въ четыре настоящихъ турецкихъ пашалыка, а казарма и бивуакъ дарованы свыше всѣмъ

вѣрнымъ французамъ въ качествѣ національнаго салона; законъ о народномъ образованіи, посредствомъ котораго партія порядка объявляла необходимымъ условіемъ своего существованія при режимѣ всеобщаго избирательнаго права — безсознательность и насильственное отупленіе народонаселенія Франціи. Что же такое представляли собою всѣ эти законы и мѣропріятія? Да не что иное, какъ отчаянную попытку „партіи порядка“ вновь завоевать и подчинить себѣ департаменты съ ихъ крестьянскимъ населеніемъ...

„Разсматриваемыя въ качествѣ репрессій, все это—жалкія средства, которыя обычно сами роютъ яму той цѣли, которая имѣется въ виду... Они прививали революцію каждому селу, они локализировали и окрестьянивали революцію“.

Уже отсюда видно, какую важную поправку приходится сдѣлать къ заключеніямъ и обобщеніямъ Энгельса.

Вообще говоря, первоначальный строгій и крайній марксизмъ—марксизмъ „Коммунистическаго манифеста“ постепенно, часто почти незамѣтно, но въ концѣ концовъ очень сильно эволюціонировалъ. Жизнь заставляла вносить въ первоначальную простую и стройную схему поправку за поправкой, соотвѣтственно развивая и усложняя ее. Говоря о марксизмѣ, приходится различать нѣсколько стадій въ его развитіи, потому что иначе рискуешь запутаться въ явныхъ и несогласимыхъ противорѣчіяхъ. Что касается, въ частности, крестьянскаго вопроса, то здѣсь первой, эмбріональной фазой марксизма являлось абсолютно-отрицательное отношеніе къ крестьянству. Крестьянство — это элементъ мелкобуржуазный, абсолютно-реакціонный и враждебный рабочему классу; конечно, не слѣдуетъ его раздражать, приходится считаться съ нимъ, какъ съ силой, политиканить, но не слѣдуетъ забывать, что все это—временныя средства для отдаленія рѣшительной битвы пролетаріата съ крестьянствомъ, а не радикальныя средства для устраненія ея необходимости. Лучшій союзникъ пролетаріата въ этой будущей борьбѣ — время. Оно быстро подкашиваетъ, подрѣзаетъ экономическіе корни существованія крестьянства. Капитализмъ—этотъ враго-

другъ или друго-врагъ пролетаріата—простираетъ свое вліяніе и на земледѣліе, и дни мелкаго производства сочтены. Крестьянство быстро уменьшается въ численности, пролетаризируется, и этотъ процессъ пролетаризаціи, съ точки зрѣнія марксизма, понятно, является процессомъ прогрессивнымъ, благопріятствующимъ соціализму. Каждый захватъ капитализма у мелкаго земледѣлія означаетъ, что у пролетаріата убавилось враговъ. Мы уже говорили, что какъ разъ событія французской соціально-политической жизни вплоть до 1848—49 г. г. и создали то настроеніе, ту духовную атмосферу, въ которой зарожденіе такихъ взглядовъ было болѣе чѣмъ естественно

Вторая фаза развитія марксизма — которую будетъ хорошо назвать фазой переходной—начинается съ Марксовой „Klassenkampfe“. Жизнь быстро показала, что соціально-революціонное движеніе даже очень можетъ „окрестьяниваться“. Съ этихъ поръ вмѣсто того, чтобы объяснять недоразумѣнія между тружениками города и деревни естественной необходимостью, обусловленной самымъ существомъ, общественнымъ положеніемъ мелкой собственности—съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой, приходилось искать объясненія больше въ какихъ-нибудь преходящихъ условіяхъ даннаго, историческаго момента. То, что раньше казалось неизбѣжной враждой на подкладкѣ раціональной противоположности интересовъ — теперь приходилось изображать въ качествѣ случайнаго и печальнаго недоразумѣнія.

Марксъ такъ и дѣлаетъ. Порою даже съ чрезмѣрною суровостью онъ отзывается о тогдашней французской „соціальной демократіи“. По адресу вождей тогдашняго пролетаріата у него не рѣдко вырываются язвительныя клички въ родѣ „первосвященниковъ соціалистической синагоги“. Онъ дѣлаетъ даже основной руководящей идеей своей брошюры слѣдующее положеніе: видимое пораженіе французской революціи 1848 г. было, собственно, пораженіемъ вовсе не революціи, а лишь пораженіемъ тѣхъ дореволюціонныхъ предразсудковъ, иллюзій и традицій, отъ которыхъ только горькій опытъ

пораженія и могъ избавить рабочую массу. „Французскій рабочій классъ — говоритъ онъ далѣе — былъ еще неспособенъ провести свою собственную, чисто пролетарскую революцію.. Если французскій пролетаріатъ въ моменты революціонныхъ кризисовъ и обладаетъ такой фактической силой и вліяніемъ, которыя подстрекаютъ его къ скачкамъ, превышающимъ его силы,—то за-то въ остальной Франціи онъ стиснутъ въ немногихъ разрозненныхъ индустріальныхъ центрахъ, утопая въ подавляющей массѣ крестьянъ и мелкихъ бюргеровъ. Борьба противъ капитала въ его современной, развитой формѣ, въ ея высшей стадіи — борьба индустріальнаго наемнаго рабочаго противъ индустріальнаго буржуа-капиталиста—во Франціи является фактомъ частичнымъ.. который не могъ дать послѣ іюньскихъ дней національнаго содержанія революціи... Французскіе рабочіе не могли сдѣлать ни одного шага впередъ, прежде чѣмъ ходъ революціи не вызвалъ возмущенія противъ общаго порядка вещей, противъ господства капитала въ массѣ націи, стоящей между пролетаріатомъ и буржуазіей— среди крестьянъ и мелкихъ буржуа; прежде чѣмъ ходъ вещей не вынудилъ эти общественные слои примкнуть къ пролетаріату, какъ къ своему революціонному авангарду“ *).

Мимоходомъ сказать (мы позволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе), эти слова Маркса не мѣшало бы получше запомнить и продумать многимъ, считающимъ себя его приверженцами у насъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, то, что въ словахъ Маркса вѣрно по отношенію къ тогдашней Франціи, вѣрно также и по отношенію къ теперешней Россіи. И у насъ еще до сихъ поръ не достаточно понимаютъ, что рабочее движеніе не можетъ одержать ни одной сколько-нибудь крупной побѣды, прежде чѣмъ оно не заручится сочувствіемъ въ массѣ народа, стоящей между фабричнымъ пролетаріатомъ и буржуазіей, что борьба индустріальнаго рабочаго съ индустріальнымъ капиталистомъ для Россіи есть только частность, хотя и чрезвычайно важная, и что она, изо-

*) Die Klassenkaempfe etc , s. 28—29.

лируясь отъ борьбы трудовой массы крестьянства съ его поработителями, еще не можетъ дать обще-національнаго содержанія русской революціи. Даже если бы было доказано, что такое положеніе для Россіи, какъ и для Франціи, будетъ лишь временнымъ, что въ отдаленномъ будущемъ отношеніе численности и силы между пролетаріатомъ и остальнымъ трудящимся народомъ сильно измѣнится въ пользу перваго, то и тогда нельзя было бы позабыть, что мы то живемъ настоящимъ, а не отдаленнымъ будущимъ, и въ борьбѣ нынѣшняго дня должны считаться прежде всего съ современными фактическими условіями и отношеніями силъ...

Этой аналогичности условій общественной борьбы, конечно, соотвѣтствуетъ извѣстная степень сходства хозяйственнаго строя тогдашней Франціи и нынѣшней Россіи. Марксъ немногими рѣзкими штрихами очерчиваетъ фуанцузскій экономическій строй параллелью между Англіей и Франціей. „Въ Англіи господствуетъ индустрія, во Франціи—агрикультура. Въ Англіи индустрія ощущаетъ потребность въ свободѣ торговли, во Франціи—въ покровительственныхъ пошлинахъ, въ особой національной монополіи сверхъ другихъ монополій. Французская индустрія не господствуетъ надъ французскимъ національнымъ производствомъ — и вотъ почему французскіе фабриканты и заводчики не стоятъ во главѣ французскихъ буржуазныхъ классовъ“... „Индустріальная буржуазія можетъ господствовать только тамъ, гдѣ современная индустрія преобразовала соотвѣтственно своимъ потребностямъ всѣ отношенія собственности,— а эту силу можетъ пріобрѣсти индустрія только тамъ, гдѣ она завоевала всемірный рынокъ, ибо національныя границы для ея развитія недостаточны *). Французская же индустрія по большей части даже на своемъ собственномъ, внутреннемъ рынкѣ утверждается лишь бла-

*) Эти слова не мѣшало бы хорошенько запомнить и продумать нашимъ теоретикамъ „самодовлѣющаго капитализма“, которому якобы не нужно никакихъ внѣшнихъ рынковъ. Пора перестать выдавать подобную теорію за марксизмъ.

годаря болѣе или менѣе видоизмѣняемой покровительственной системѣ“... „По необходимости, французскій фабрикантъ дѣлается фанатическимъ приверженцемъ партіи порядка“ Въ приведенномъ отрывкѣ, между прочимъ, содержится достаточное косвенное объясненіе, почему буржуазія до сихъ поръ мирно уживается подъ крылышкомъ русскаго абсолютизма, хотя многіе марксисты-догматики со всею увѣренностью предрекали, что она у насъ должна сдѣлаться освободительно-революціонной: такъ было на Западѣ, не ясно ли, что такъ же должно быть и у насъ, въ Россіи? *)

Оставимъ присяжнымъ экономистамъ доказывать, много ли шансовъ имѣетъ Россія на завоеваніе внѣшняго рынка, достаточно для того, чтобы доставить современной индустріи, а вмѣстѣ съ ней и буржуазіи, ту силу, мощь и творческое, культурное вліяніе, про которое говоритъ Марксъ. Будемъ держаться пока фактической почвы.

Итакъ, борьба индустріальнаго пролетарія противъ индустріальнаго буржуа въ концѣ 40-хъ годовъ во Франціи не могла дать національнаго содержанія революціи. Формула этой борьбы должна была расшириться, чтобы охватить подавляющее большинство трудящагося населенія—крестьянство. „Сельское населеніе Франціи,— писалъ Марксъ, — составляя болѣе двухъ третей всей націи, состоитъ по большей части изъ такъ называемыхъ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ... Но, при режимѣ парцеллированія, земля для ея собственника представляетъ не болѣе, какъ орудіе, средство труда... Въ формѣ процентовъ за лежащій на землѣ ипотечный долгъ, въ формѣ процентовъ за не превращенные въ ипотеки долги у ростовщиковъ французскій

*) Г. Плехановъ еще въ 1884 г. (въ „Наши разногласія“) краснорѣчиво доказывалъ, что у русской буржуазіи, „хотя еще не совсѣмъ атрофировались жабры, которыми она дышетъ въ мутной водѣ абсолютизма, но уже развились и легкія, которыя начинаютъ требовать чистаго воздуха политической свободы“. А въ 1887 г онъ предсказывалъ, что даже деревенскіе Колупаевы и Разуваевы, несмотря на всю свою нелѣпость, должны перелить свой „періодъ бурныхъ стремленій“. Впрочемъ, тогда былъ большой спросъ на смѣлыя пророчества, а предложеніе всегда приспособляется къ спросу. Мудрено ли, что „и Саулъ во пророцѣхъ!“.

крестьянинъ отдаетъ капиталистамъ не только земельную ренту, не только предпринимательскую прибыль, словомъ, не только весь чистый доходъ, но даже нѣкоторую часть заработной платы... Какъ видите, эксплуатація крестьянъ только по своей *формѣ* отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же — капиталъ. Единичные капиталисты эксплуатируютъ крестьянство посредствомъ ипотеки и ростовщичества (слѣдовало бы прибавить арендную систему и спекуляцію крестьянскимъ хлѣбомъ),— а весь классъ капиталистовъ въ цѣломъ эксплуатируетъ крестьянство въ формѣ государственныхъ налоговъ. Титулъ собственника, принадлежащій крестьянину, служитъ для капитала талисманомъ, посредствомъ котораго онъ до сихъ поръ умѣлъ заклинать, околдовывать крестьянство,—поводомъ возбуждать крестьянство противъ индустріальнаго пролетаріата,—не болѣе. Только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства; только анти-капиталистическое, пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградаціи... Соціальдемократическая, красная республика—это диктатура естественнаго союзника крестьянъ".

Опираясь на эти слова, не трудно оспаривать самую правильность включенія трудового крестьянства, для котораго земля есть только „ein reines Productionsinstrument" въ общую рубрику „среднихъ слоевъ", Mittelstaende, вмѣстѣ съ лавочниками, ремесленниками, торговцами, словомъ „мелкой буржуазіей" (Kleinbürgerthum). Крестьянство, разсматриваемое, конечно, не въ качествѣ сословія, а лишь какъ классъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, живущихъ собственнымъ трудомъ и не отлученныхъ отъ средствъ производства, есть, несомнѣнно, только часть той самой громадной арміи труда, часть того самаго рабочаго народа, другою частью котораго является индустріальный пролетаріатъ. Средними, промежуточными слоями между рабочимъ народомъ и буржуазіей будутъ лишь тѣ элементы въ крестьянствѣ (равно какъ и въ ремесленной или кустарной средѣ), которые соединяютъ въ себѣ

черты и буржуа-эксплуататора, и работника: элементы, живущіе еще отчасти и своимъ собственнымъ, личнымъ, трудомъ, но въ то же время отчасти уже „пріобщившіеся“ и къ общему фонду неоплаченнаго труда другихъ, національной прибавочной стоимости. Эти ублюдочные общественные элементы, уже отставшіе отъ работниковъ, добывающихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица своего, но еще не приставшіе окончательно къ буржуа, живущимъ всецѣло чужимъ трудовымъ потомъ — дѣйствительно, относятся къ „среднимъ слоямъ“. Но зачислить въ ряды „мелкой буржуазіи“ крестьянина, эксплуатація котораго, говоря словами Маркса, „только по формѣ“ различается отъ эксплуатаціи рабочаго — что за насиліе надъ здравымъ смысломъ! Какое игнорированіе существа экономическаго положенія!

„Мелкая буржуазія!“ Уже одно это словосочетаніе показываетъ, что мелкая буржуазія только по размѣрамъ своихъ хозяйственныхъ оборотовъ, а не по ихъ существу отличается отъ остальной буржуазіи — крупной, средней. Въ чемъ же хозяйственная сущность крупной буржуазіи? Конечно, въ томъ, что ея имущество служитъ для нея капиталомъ, даетъ ей возможность прямо или косвенно извлекать изъ чужого труда прибавочную стоимость. Но не надо забывать, что въ рукахъ мелкаго крестьянина земля — „ein reines Productionsinstrument“, или, иными словами, „мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства, и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала“ *). Слѣдовательно, и сами эти мелкіе производители отнюдь не мелкіе капиталисты и не мелкіе буржуа. Мелкая буржуазія можетъ лишь количественно, а не качественно отличаться отъ крупной. А между трудовымъ крестьянствомъ и классомъ капиталистовъ существуетъ не только качественное различіе, но и прямая противоположность — противоположность эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ. Наоборотъ, между пролетаріатомъ и трудовымъ крестьянствомъ есть различіе

*) „Капиталъ“, т. I, стр. 616

только въ формахъ эксплуатаціи ихъ капиталомъ. Слѣдовательно, повторяемъ, искусственно вырывать трудовое крестьянство изъ общей рабочей массы и относить къ мелкой буржуазіи—и не справедливо, и не логично. Въ этомъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ „нашихъ разногласій“ съ современными „россійскими“ соціальдемократами.

Было время, когда Марксъ самымъ рѣшительнымъ образомъ относилъ крестьянство къ „реакціоннымъ среднимъ слоямъ“. Это было время „Коммунистическаго манифеста“. Тогда Марксъ прямо утверждалъ, что крестьянство лишь постольку можетъ революціонизироваться, поскольку оно забываетъ свои нынѣшніе, крестьянскіе интересы и думаетъ о своихъ будущихъ интересахъ, т.-е становится на точку зрѣнія пролетаріата. Нечего и говорить, что въ этихъ словахъ уже заключается самый безпощадный приговоръ надъ крестьянствомъ. Отдѣльныя личности изъ того или другого класса, конечно, могутъ забыть свои временные и узкіе интересы, стать на точку зрѣнія пролетаріата, жить не настоящимъ, а будущимъ,—идеальными интересами. Но чтобы цѣлый классъ, да еще классъ мало-культурный, забылъ свои „настоящіе“ интересы для „будущихъ“—это немыслимо и невозможно. Одно изъ двухъ. Или интересы крестьянъ, какъ таковыхъ, влекутъ ихъ въ сторону реакціи, отрываютъ отъ пролетаріата и сближаютъ съ ублюдочными мелко-буржуазными элементами—и тогда правъ Энгельсъ „Путевыхъ замѣтокъ“, ставя надъ крестьянствомъ крестъ. Или интересы крестьянъ, какъ таковыхъ, дѣйствительно сближаютъ ихъ съ пролетаріатомъ, ставятъ ихъ, говоря словами Маркса, въ положеніе Verbündeten—естественныхъ союзниковъ. Тогда надо включить узкую формулу „интересовъ пролетаріата“ въ болѣе широкую—„интересовъ труда“, какъ ея естественную составную часть.

Въ „Klassenkampfe“ Марксъ еще не дѣлаетъ ни того, ни другого. Онъ по-прежнему неоднократно беретъ крестьянъ за одну скобку съ „мелкимъ бюргерствомъ“, „мѣщанствомъ“, „средними сословіями“, хотя въ то же время рядомъ разъясняется, что экономическое положе-

ніе крестьянства только по видимости, по формѣ разнится отъ пролетарскаго. Подобно Энгельсу онъ говоритъ о „фанатизмѣ собственности“ крестьянъ (стр. 42). но уже не пророчествуетъ о будущей междоусобной войнѣ пролетаріата съ крестьянствомъ, а лишь говоритъ: „исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ достаточно доказала, что этотъ классъ населенія (крестьянство) неспособенъ ни къ какой революціонной иниціативѣ“ *).

Можетъ ли исторія какихъ-нибудь трехъ лѣтъ достаточно доказать столь широкое, обобщающее положеніе—это вопросъ, которымъ и Марксъ еще не задавался, когда писалъ свою брошюру. И не мудрено. Какъ бы то ни было, деревенская Франція во время революціоннаго кризиса 1848 г. производила слишкомъ невыгодное впечатлѣніе на революціонера-соціалиста, каковъ былъ Марксъ, и это невыгодное впечатлѣніе должно было незамѣтно подталкивать къ обобщенію, слишкомъ поспѣшному и не оправдываемому достаточнымъ числомъ данныхъ. Крестьянская революція 1895 г. въ Сициліи и современное соціалистическое крестьянское движеніе въ Венгріи, конечно, не оправдало пессимистической оцѣнки Маркса; но какъ бы излишне-пессимистической ни была она сама по себѣ, все-таки по сравненію съ „Коммунистическимъ манифестомъ“ и энгельсовскими „Путевыми замѣтками“ въ ней нельзя не отмѣтить значительнаго шага впередъ ..

Марксъ уже не объясняетъ поведенія французскаго крестьянства, подобно Энгельсу, естественнымъ мужицкимъ „тупоуміемъ“ и „упрямой глупостью“. Онъ гораздо справедливѣе и прозорливѣе. Онъ не спѣшитъ пробѣжать мимо ошибокъ временнаго республиканскаго правительства, а отмѣчаетъ въ полномъ объемѣ ихъ вліяніе на крестьянское настроеніе. Положеніе вещей было въ общемъ таково: временному правительству для покрытія дефицита требовались деньги, а, слѣдовательно, нужны были новые налоги. Сдѣлать ихъ объектомъ коммерціи и промышленность боялись: политическій кризисъ и безъ того сопровождался потрясеніемъ бур-

*) „Klassenkämpfe“, etc., s. 102.

жуазнаго кредита и заминкой въ дѣлахъ; новые налоги могли окончательно возстановить всю буржуазію противъ новой формы правленія. Однако, кто-нибудь долженъ же былъ расплачиваться... кого же сдѣлать козломъ отпущенія? „Да, конечно, говоритъ Марксъ, Жакапросточка, Jaques le bonhomme, — крестьянина“... Вы помните, читатель,—

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало... да онъ же привыкъ!

И вотъ, временное правительство вступило на торную дорожку, предписавъ прибавку 45 сант. на каждый франкъ 4-хъ прямыхъ налоговъ. „Правительственная пресса сбила съ толку парижскій пролетаріатъ своими увѣреніями, что будто бы этотъ налогъ главной своей тяжестью падетъ на крупное землевладѣніе. Въ дѣйствительности же онъ прежде всего падалъ на крестьянскій классъ, т.-е. на громадное большинство французскаго народа: онъ долженъ былъ выплатить стоимость издержекъ и расходовъ февральской революціи, и въ этомъ впослѣдствіи черпало пищу контръ-революціонное движеніе. 45-сантимный налогъ былъ для крестьянства вопросомъ жизни—и онъ обратился въ вопросъ жизни для самой республики. Съ этихъ поръ для французскаго крестьянина республика стала обозначать увеличеніе податей, а парижскій пролетаріатъ сталъ для него представляться чѣмъ-то въ родѣ расточителя, живущаго въ свое удовольствіе на народный счетъ“.

Понятно, что тотъ же самый французскій крестьянинъ, который въ 1789 г. распространилъ на всю страну „обмірщпілъ“ революцію, начатую въ центрѣ, — въ 1848 г., напротивъ, отвернулся отъ революціи. Она не сумѣла выставить никакой крестьянской, аграрной программы; она оказалась чужда деревнѣ, и деревня оказалась чужда ей. Въ то время, какъ революція 1789 г. начала съ освобожденія крестьянъ отъ гнета феодальныхъ повинностей, — революція 1848 г. дебютировала новымъ налогомъ на сельское населеніе. Отсюда и увлеченіе крестьянства Наполеономъ. „Наполеонъ—это была

для крестьянъ не личность, а цѣлая программа. Со знаменами и музыкой они шли къ избирательнымъ урнамъ съ боевымъ кличемъ: „Довольно налоговъ, долой богачей, долой республику, да здравствуетъ императоръ!“ Именемъ императора прикрывалась крестьянская война, республика, которую забаллотировало крестьянство, была „республика богатыхъ“.

Такимъ образомъ, по Марксу, избраніе Луи-Наполеона въ президенты республики было лишь ирраціональной формулировкой революціоннаго настроенія крестьянства. „10-ое декабря 1848 г. было днемъ крестьянской инсуррекціи. Съ этого дня начинается февральская революція и для крестьянъ. Актъ, символизировавшій ихъ вступленіе въ революціонное движеніе,—неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, топорно-возвышенный, это проявленіе разсчетливаго суевѣрія, патетическій фарсъ, геніально нелѣпый анахронизмъ, шутка всемірной исторіи, какой-то неразборчивый гіероглифъ для разсудка цивилизованнаго человѣка — онъ носилъ несомнѣнную печать этого класса, который является представителемъ варварства среди современной цивилизаціи“. Во всемъ этомъ отрывкѣ едва ли не самое вѣрное то, что настроеніе крестьянства до и во время революціи 1848 г. для тогдашней интеллигенціи было дѣйствительно „неразборчивымъ гіероглифомъ“. Исторія выдвинула передъ пролетарской революціей 1848 г., въ видѣ загадки сфинкса, французское крестьянство, со словами: разгадай эту загадку, или я тебя поглочу. Революція не рѣшила загадки, и исторія безслѣдно поглотила ее, предоставивъ ученымъ мудрецамъ заднимъ числомъ высказывать свою мудрость указаніями на ошибки движенія. И строгіе критики, какъ Марксъ, къ сожалѣнію, до революціи 1848 г. сами ничего не предвидѣли; они не могли, не сумѣли предупредить этихъ ошибокъ, которыя post factum разоблачить, конечно, не такъ трудно. Они отстаивали, какъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, напримѣръ, исключительно пролетарскій характеръ соціально-революціоннаго движенія, предсказывали быстрое, едва ли уже не заканчивающееся уничтоженіе крестьянства. О мелкой крестьянской собственности мы

читаемъ въ манифестѣ, что „развитіе крупной промышленности уже уничтожило ее, или уничтожаетъ ежедневно“ *). Французская революція недостаточно считалась съ крестьянствомъ; но что въ этомъ удивительнаго, если самъ суровый критикъ ея, Марксъ, приравнивалъ въ это время крестьянство къ quantité négligeable?

Избраніе Луи-Наполеона въ президенты, дѣло въ значительной степени крестьянъ, недовольныхъ республикой, Марксъ считаетъ свидѣтельствомъ того, что крестьяне есть классъ, представляющій „варварство среди современной цивилизаціи“. Не будемъ, однако, забывать, что по собственному признанію того же Маркса, „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ голосовали за Наполеона en bloc, чтобы протестовать противъ Кавеньяка etc“ **). Не является ли и это, однако, также „геніально-нелѣпымъ анахронизмомъ, шуткой всемірной исторіи, патетическимъ фарсомъ, etc., etc.? И, стало быть, такъ ли далеко отставало поведеніе крестьянства отъ поведенія пролетаріата, этого, согласно марксизму, избраннаго народа соціализма и революціи?

Все это опять таки приводитъ насъ къ тому выводу, что событія 1848 г., если приступить къ нимъ съ холоднымъ анализомъ и безпристрастно въ нихъ разобраться, не даютъ никакого права поставить крестъ надъ крестьянствомъ. Только въ пылу борьбы они могли ожесточать противъ „грубой деревенщины“ представителей городской интеллигенціи и наталкивать ихъ на слишкомъ поспѣшные и несправедливые выводы.

Дальнѣйшее развитіе политической жизни Франціи дважды заставляло Маркса вернуться къ обсужденію все той же проблемы соціально-политической роли французскаго крестьянства и установленія нормальныхъ отношеній между нимъ и французскимъ пролетаріатомъ. Въ первый разъ это произошло по случаю государственнаго переворота Наполеона III и установленія второй имперіи (см. „Der 18-te Brumaire de Louis Bona-

*) Манифестъ К. П., русское изд. 1882 г., стр. 18.

**) Die Klassenkampfe etc., s. 52.

parte", von K. Marx, 3-te Auflage, Hamburg, 1885): во второй разъ—послѣ паденія второй имперіи, установленія третьей республики и ея борьбы съ парижской коммуной (см. „Der Buergerkrieg in Frankreich", его же. 3-te Auflage, Berlin, 1891) Обратимся же къ этимъ сочиненіямъ.

* * *

Въ „Der Achtzente Brumaire" Марксъ прежде всего даетъ общую характеристику мелкихъ крестьянъ, Parzellenbauern. Эти крестьяне, говоритъ онъ, образуютъ огромную массу, которая, по условіямъ своей хозяйственной жизни, хотя и влачитъ свое существованіе среди одинаковыхъ обстоятельствъ, на одинаковомъ уровнѣ благосостоянія, однако не образуетъ особаго единаго цѣлаго. „Ихъ способъ производства изолируетъ ихъ другъ отъ друга, вмѣсто того, чтобы установить между ними взаимность общенія". Производя главнымъ образомъ для собственнаго потребленія, крестьянинъ пріобрѣтаетъ средства жизни „болѣе въ обмѣнѣ веществъ съ природой, чѣмъ въ сношеніяхъ съ обществомъ". Парцелла, крестьянинъ и его семья; рядомъ другая парцелла, другой крестьянинъ и другая семья. Чисто механическое соединеніе нѣсколькихъ такихъ единицъ составляетъ село, нѣсколько селъ—департаментъ,—„совершенно такъ же, какъ извѣстное количество отдѣльныхъ картофелинъ составляетъ мѣшокъ картофеля" *).

Эта превосходная характеристика положенія мелкой, подворной собственности, соединенной съ парцеллярнымъ хозяйствомъ, не новость для насъ, русскихъ. Именно указанія на печальный примѣръ французскаго крестьянства въ рукахъ народовольцевъ-революціонеровъ 70-хъ годовъ служили наиболѣе вѣскимъ аргументомъ въ пользу нашей общинной поземельной системы. Въ одномъ изъ нашихъ легальныхъ журналовъ того времени, между прочимъ, была переведена статья Лафарга, въ которой констатировалось, что уничтоженіе общинныхъ порядковъ

*) Der 18-te Brumaire, 3 Aufl., Hamburg, 1885 s. 98.

и связанныхъ съ ними привычекъ, взглядовъ, чувствъ, настроенія—довело французскую деревню до того, что „легче научить пуатусскихъ ословъ говорить стихами Виктора Гюго, чѣмъ французскому крестьянину внушить мысль о его солидарности съ другими крестьянами“. Что въ этомъ заключается безусловное преувеличеніе—несомнѣнно (что и доказала позднѣйшая исторія соціалистической пропаганды среди французскихъ крестьянъ), но въ основѣ преувеличенія, тѣмъ не менѣе, заключается вполнѣ вѣрная мысль.

„Поскольку милліоны семействъ — говоритъ далѣе Марксъ—живутъ среди такихъ экономическихъ условій существованія, которыя обособляютъ ихъ образъ жизни, ихъ интересы, ихъ образованіе отъ образа жизни, интересовъ и образованія другихъ классовъ и враждебно противопоставляютъ ихъ—постольку эти милліоны семействъ образуютъ одинъ классъ. Поскольку же между этими мелкими крестьянами существуетъ исключительно мѣстная, пространственная связь, поскольку одинаковость ихъ интересовъ не влечетъ за собой ихъ общности, а, слѣдовательно, національнаго объединенія и политической организаціи — постольку они никакого класса не образуютъ *).

Это положеніе, на нашъ взглядъ, нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ и дополненіяхъ, безъ которыхъ оно можетъ повести къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Именно, могутъ подумать, что между классомъ самостоятельныхъ крестьянъ-производителей и другими классами существуетъ нѣкоторая чисто качественная, принципіальная разница: то—классы въ настоящемъ, полномъ смыслѣ этого слова, тогда какъ Parzellenbauern—и классъ, и не классъ. Такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Понятіе класса вообще есть понятіе чисто относительное. Буржуазія въ цѣломъ представляетъ особый, единый, классъ, поскольку она противополагается классу рабочихъ. Внѣ этого противоположенія „буржуазія“ сама есть разнородный и сложный агломератъ. И прежде всего въ ней приходится отмѣтить существенное противоположе-

*) Ibid., s. 98.

ніе буржуазіи, живущей рентой, и буржуазіи, живущей капиталомъ. Борьбой капитала и ренты заполнено множество чрезвычайно важныхъ и полныхъ драматизма страницъ всемірной исторіи. Но, опять таки, собственно буржуазія, классъ капиталистовъ, представляетъ единое цѣлое только въ предѣлахъ этого противоположенія владѣльцамъ поземельной ренты. Буржуазія, живущая собственно промышленной прибылью, буржуазія, живущая процентомъ на денежный и торговый капиталъ, биржевая и финансовая плутократія суть элементы, во многомъ противоположные. И этой противоположностью, Марксъ объясняетъ въ „Klassenkämpfe“ и „18-te Brumaire“ множество фактовъ, которые, иначе были бы совершенно непонятными. За этимъ слѣдуетъ различіе—а съ нимъ часто и соперничество—буржуазіи крупной, средней и мелкой. Далѣе, между различными отдѣльными отраслями самой капиталистической промышленности очень нерѣдко обнаруживается крупное несходство и противорѣчіе интересовъ. Наконецъ, отвлекаясь отъ всѣхъ этихъ частичныхъ противоположностей, соединяющихъ съ одной стороны и разъединяющихъ съ другой отдѣльные общественные агломераторы, въ предѣлахъ каждаго, даже самаго мельчайшаго агломерата, мы найдемъ новую послѣднюю экономическую противоположность—между отдѣльными хозяйственными единицами. Каждый предприниматель является конкурентомъ другому, каждый стремится подставить другому ножку въ борьбѣ; мало того, острота, интенсивность этого стремленія прямо пропорціональна близости, сходству занятій. Тоже вѣрно и относительно пролетаріата. И онъ представляетъ особый и единый классъ, поскольку мы противополагаемъ всю массу эксплуатируемыхъ пролетаріевъ массѣ эксплуатирующихъ буржуа. Но въ предѣлахъ самаго пролетаріата можно наблюдать сложную дифференцировку. Рабочая аристократія, рабочій плебсъ и рабочій Lumpenproletariat далеко не всегда идутъ одними историческими путями. Противоположность соціализма и анархизма, равно какъ и противоположность различныхъ теченій въ соціализмѣ (какъ и въ анархизмѣ) можетъ быть понята только въ связи съ этими частичными противорѣчіями

въ нѣдрахъ самого пролетаріата. Наконецъ, пролетаріатъ непрерывно разъѣдается еще новой противоположностью—конкуренціей отдѣльныхъ индивидовъ, ищущихъ работу, перебивающихъ ее другъ у друга, нерѣдко сбивающихъ другъ у друга плату. Только существованіемъ этихъ разъѣдающихъ началъ объясняется та легкость, съ которымъ національныя, расовыя и вѣроисповѣдныя различія среди рабочихъ ведутъ въ ихъ средѣ къ столкновеніямъ. Французы-рабочіе бьютъ конкурентовъ-итальянцевъ; русскіе робочіе, съ одной стороны, бьютъ рабочихъ-татаръ, за то, что у нихъ болѣе низкій жизненный уровень, за то, что они соглашаются на болѣе низкую заработную плату и на болѣе грубое обращеніе; съ другой стороны, тѣ же русскіе рабочіе бьютъ пріѣзжихъ рабочихъ-бельгійцевъ, за то, что тѣ, напротивъ, сравнительно съ русскими живутъ „баринами“ и пользуются лучшимъ обхожденіемъ и платой...

Словомъ, „классъ“ не есть нѣчто абсолютное, разъ навсегда данное и неподвижное. Общество есть въ высшей степени сложный комплексъ, разслаивающійся во всѣхъ направленіяхъ, вдоль и поперекъ. Я уже не говорю о разграниченіяхъ сословно-правовыхъ, политическихъ, національныхъ, расовыхъ, вѣроисповѣдныхъ, изъ которыхъ каждое также вноситъ свою ленту въ пестроту и сложность общественныхъ группировокъ. Я беру исключительно лишь категоріи хозяйственнаго, экономическаго порядка, и нахожу, что при антагонистическомъ строѣ современнаго общества всякая одинаковость интересовъ лишь относительна. Существуютъ различныя степени сходства, подобія интересовъ, что дѣлаетъ возможнымъ понимать ихъ общность, ихъ солидарность то шире, то уже, въ зависимости отъ степени интеллектуальнаго развитія и степени исторической необходимости искать союзниковъ въ борьбѣ. Иными словами, при подобіи, однородности интересовъ ихъ общность не есть что-то изначала данное самой природой, въ готовомъ видѣ слетѣвшее съ неба. Общность эту еще необходимо установить, и процессъ этого установленія въ значительной степени есть процессъ искусственный. Необходимость борьбы съ однимъ общественнымъ классомъ

заставляетъ другой классъ, въ видахъ большаго успѣха въ этой борьбѣ, стремиться къ установленію внутри себя возможнаго максимума сплоченности подавить или по крайней степени сгладить противоположности, примирить, согласовать, координировать разнородныя стремленія. Въ предѣлахъ каждаго общественнаго слоя при установленіи такого классоваго единства центростремительныя силы борятся съ центробѣжными.

Такимъ образомъ, не одни Parzellenbauern, но и всякій другой общественный слой въ этомъ смыслѣ — и классъ, и не классъ. Онъ классъ въ предѣлахъ противоположенія другимъ общественнымъ силамъ, и не классъ въ предѣлахъ отвлеченія отъ этихъ противоположеній, односторонняго сравненія между собою его составныхъ элементовъ—какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и группъ. Чѣмъ болѣе интенсивнымъ становится общественное движеніе, всегда связанное съ борьбою, и чѣмъ сознательнѣе становится самая борьба, тѣмъ шире дѣлается область дѣйствія центростремительныхъ силъ, тѣмъ слабѣе дѣйствіе силъ центробѣжныхъ. Узкіе, личные, семейные, групповые, профессіональные интересы отступаютъ на второй планъ передъ классовыми въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Общество стремится превратиться въ арену борьбы двухъ могучихъ силъ: единой и сплоченной арміи труда противъ единой и сплоченной арміи эксплуататоровъ труда Въ то же время на знамени одной изъ этихъ армій написано уничтоженіе всякихъ классовъ, а съ ними и классовой борьбы, торжество общечеловѣческаго начала надъ всѣми узкими, національными, сословными, классовыми, etc., etc Этотъ общечеловѣческій характеръ ея идеала и ея программы увеличиваетъ ея центростремительную силу, выводитъ дѣйствіе этой силы за классовые предѣлы: все лучшее, все честное, все идеалистически настроенное въ другихъ классахъ постепенно покидаетъ ихъ ряды, чтобы пристать къ единственному дѣлу, которое можетъ дать удовлетвореніе ихъ нравственному чувству. Растущая армія труда становится мало по малу не только самой большой матеріальной силой, но, еще раньше, самой большой интеллектуальной силой въ современномъ обществѣ.

И это потому, что ея дѣло—есть дѣло всего человѣчества, что ея царство не есть царство новой привиллегіи, а царство труда, который самъ представляетъ собою общечеловѣческій элементъ.

Основная практическая задача революціоннаго соціализма при этихъ условіяхъ одна: найти средства подавить и сгладить всѣ центробѣжныя силы, дѣйствующія среди тѣхъ группъ и слоевъ населенія, которые въ современномъ обществѣ являются выразителями и живыми носителями трудового начала; найти средства въ антагонистическихъ условіяхъ современнаго общества создать между этими элементами для каждаго историческаго момента возможный maximum хозяйственнаго и политическаго единенія. Для этого существуютъ различные типы экономическихъ и политическихъ организацій: синдикаты, союзы, кооперативныя товарищества, политическіе клубы etc., etc. Лишь поскольку распространяются такого рода организаціи, постольку и смягчаются, отступаютъ на второй планъ разрозненность, индивидуализмъ; лишь постольку однородность интересовъ превращается въ ихъ общность.

Такимъ образомъ, если бы на основаніи цитированныхъ словъ Маркса кто-нибудь вздумалъ искать между Parzellenbauern и др. общественными слоями не только количественное, но и качественное, принципіальное различіе, то это было бы ошибкой противъ истинъ, довольно-таки элементарныхъ и самоочевидныхъ, противъ истинъ, которыя было бы совѣстно даже излагать, если бы не ходячіе предразсудки, если бы не популярный способъ представлять себѣ „классы“, какъ нѣчто абсолютное.

Для догматиковъ теоріи классовой борьбы есть только два настоящихъ класса: буржуазія и пролетаріатъ. Ставить рядомъ съ этими общественными элементами, какъ равноправную величину, крестьянство—это въ ихъ глазахъ злоупотребленіе терминомъ „классъ“, въ который они вкладываютъ какое-то абсолютное, неподвижное содержаніе, который для нихъ—настоящая мистическая субстанція; это вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленіе чистоты и строгости теоріи классовой борьбы. Еще большее оскор-

бленіе чистоты и строгости теоріи они видятъ въ томъ, что соціалисты-революціонеры осмѣливаются объединять въ понятіи „рабочаго класса“ индустріальный пролетаріатъ вмѣстѣ съ трудовымъ крестьянствомъ. А такъ какъ соціалисты-революціонеры иногда (horribile dictu!) говорятъ также о „рабочемъ народѣ“, то вотъ удобный случай зачислить ихъ въ рангъ „буржуазныхъ демократовъ“. Припомнимъ кстати одно мѣсто изъ того же „18-te Brumaire“.

„Демократъ, являющійся представителемъ мелкаго бюргерства, т.-е. того переходнаго класса, въ которомъ соединяются, взаимно другъ друга обезцвѣчивая, интересы двухъ различныхъ классовъ, воображаетъ себя стоящимъ надъ классовыми противорѣчіями. Демократы признаютъ, что противъ нихъ стоитъ привиллегированный классъ, но они со всей остальной совокупностью націи образуютъ народъ. То, что они защищаютъ, есть народное право; то, что ихъ интересуетъ, есть народный интересъ. При этомъ они не имѣютъ обыкновенія при предстоящей борьбѣ изслѣдовать интересы и положенія различныхъ классовъ. Они не имѣютъ обыкновенія взвѣшивать тщательно своихъ силъ и средствъ. Ихъ дѣло—дать сигналъ къ тому, чтобы народъ во всеоружіи своихъ необъятныхъ силъ возсталъ на притѣснителей“. Въ случаѣ же неудачи они обычно обвиняютъ „пагубныхъ софистовъ, которые раздѣляютъ единый недѣлимый народъ на различные враждебные лагери“...

Что сказать объ этихъ положеніяхъ К. Маркса? Что жъ, положенія, какъ положенія. Надо думать, что быть можетъ въ нѣсколько каррикатурной, преувеличенной формѣ, но по существу они представляютъ „съ подлиннымъ вѣрную“ характеристику демократовъ 40-хъ годовъ. Но когда среди русскихъ марксистовъ дѣлаются попытки непосредственно приложить эту самую характеристику къ русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, то авторы ея съ полнымъ правомъ могутъ сказать: „oleum et operam perdidi...“ Русскіе соціалисты-революціонеры не только не вѣруютъ въ абсолютное „единство и нераздѣльность“ народа; болѣе того, они не

вѣруютъ въ абсолютное, стихійно-данное „единство и нераздѣльность“ даже той части этого народа, которая называется пролетаріатомъ. Но именно поэтому они и ставятъ своей задачей создать это единство своей пропагандистской и организаціонной работой, вѣруя, что почва для этого единства есть и дается однородностью интересовъ труда (какого бы рода ни былъ этотъ трудъ), подавленнаго въ современномъ обществѣ эксплуатаціей (въ какой бы формѣ ни проявлялась эта эксплуатація).

Русскихъ марксистовъ не разъ соблазняла идея провести параллель между словами Маркса о демократахъ, представляющихъ „народный интересъ“, „народное право“ и названіями русскихъ „партіи Народной Воли“, „партіи Народнаго Права“. Вѣдь мыслить словами вообще гораздо легче, чѣмъ понятіями! Но разъ ужъ рѣчь пошла о словахъ и названіяхъ, то кстати будетъ здѣсь припомнить, что въ Швейцаріи „Volksrecht“ (Народное Право) есть имя центральнаго органа соціальдемократической партіи въ Цюрихѣ, а во Фландріи (Бельгія) такое же названіе носитъ органъ „Parlie Ouvrier Belge“; „Peuple“ (Народъ)—имя центральнаго органа бельгійской соціальдемократіи; „Volksfreund“—названіе нынѣ существующаго въ Германіи органа соціальдемократической партіи, назначеннаго спеціально для крестьянъ; „Volkswille“ (Народная Воля) — названіе одного изъ бывшихъ органовъ венгерской соціальдемократіи; въ Volksstaat'ѣ, бывшемъ органѣ нѣмецкой соціальдемократіи, вы встрѣтите подписи К. Маркса и Фр. Энгельса, и т. д., и т. д. Не кто иной, какъ Каутскій, въ своей „Эрфуртской программѣ“ утверждаетъ, что соціальдемократія стремится все болѣе и болѣе стать „единственной истинно-народной партіей“; не кто иной, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ, заявлялъ отъ лица соціальдемократіи: „Мы называемъ себя рабочей партіей потому, что рабочій народъ (das arbeitende Volk) имѣетъ ближайшій интересъ, а благодаря своей численности, только онъ одинъ имѣетъ силу водворить соціалистическій порядокъ“. Представитель другого крыла нѣмецкаго марксизма, Фольмаръ, также заявляетъ,

что „соціальдемократія вовсе не есть просто-на-просто партія индустріальныхъ рабочихъ, нѣтъ, она передовой отрядъ всего трудящагося и борящагося за свое политическое и экономическое освобожденіе народа“. Если были когда-то въ 40-хъ годахъ такіе политическіе младенцы, для которыхъ это понятіе „народъ“ было какой-то метафизической единой, простой и нераздѣльной субстанціей, то неужели Каутскій, Либкнехтъ и др., только потому, что тоже говорятъ о „народѣ“, употребляютъ то же сочетаніе звуковъ, подлежатъ обвиненію въ томъ же идейномъ прегрѣшеніи? Идя этимъ путемъ, можно зайти далеко. Вотъ, напр., въ тѣхъ же самыхъ брошюрахъ Маркса можно найти цѣлый рядъ самыхъ язвительныхъ, самыхъ уничтожающихъ насмѣшекъ надъ... соціальдемократами. Да, надъ соціальдемократами! Марксъ именно употреблялъ этотъ терминъ. Дѣло очень просто: въ концѣ 40-хъ годовъ Марксъ, Энгельсъ и ихъ сторонники называли себя коммунистами, а соціальдемократами называлась одна изъ французскихъ партій, надѣлавшая не мало политическихъ ошибокъ. И если бы кто-нибудь хотѣлъ отплатить остроумнымъ критикамъ народовольцевъ, народоправцевъ etc. ихъ же монетой, то ему было бы это сдѣлать еще легче, чѣмъ послѣднему. Стоило бы только выписать всѣ эти насмѣшки Маркса и торжественно провозгласить: а, такъ вы тоже соціальдемократы? Слушайте же, что говоритъ про васъ вашъ собственный „учитель“!

Полагаемъ, что такого рода „остроуміе“ можетъ только свидѣтельствовать о недостаткѣ другихъ болѣе серьезныхъ аргументовъ, и мимо него можно пройти, какъ мимо testimonium paupertatis, свидѣтельства о бѣдности, выданнаго нашими противниками себѣ самимъ.

* * *

„Der Achtzehnte Brumaire“ написано Марксомъ почти непосредственно вслѣдъ за „Klassenkampfe“ (одно кончено во второй половинѣ 1850 года, другое начато въ самомъ началѣ 1852 года). Приблизительно тоже разстояніе отдѣляетъ другъ отъ друга „Klassenkampfe“

и „Путевыя замѣтки“ Энгельса. Понятно, что крутыхъ, радикальныхъ, принципіальныхъ перемѣнъ въ трехъ этихъ историко-литературныхъ документахъ искать нечего. Да и вообще, всякая перемѣна взглядовъ чаще всего не наступаетъ ex abrupto, а совершается постепенно, путемъ накопленія цѣлаго ряда мелкихъ „поправокъ“ и „оговорокъ“. Такъ и здѣсь Ко времени появленія „18 Брюмера“ накопился цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, не мирившихся съ огульной характеристикой французскаго крестьянства, какъ жадной, грубой, идіотски-реакціонной массы. Сгущенныя краски энгельсовской картины, абсолютный характеръ его утвержденій, болѣе того, нѣсколько „суздальскій“ пошибъ его изображенія оказались явно несостоятельными. Посмотримъ же, какъ старался К. Марксъ примирить свою основную точку зрѣнія, точку зрѣнія „Коммунистическаго манифеста“, съ новыми фактами жизни, на которые Марксъ никогда не закрывалъ глазъ.

Основную, ортодоксально-марксистскую точку зрѣнія на крестьянство Марксъ еще разъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ. „Государственная власть—пишетъ онъ—никогда не виситъ въ воздухѣ. Бонапартъ является представителемъ извѣстнаго класса, и при томъ многочисленнаго класса французскаго общества—именно парцеллярнаго крестьянства“. „Какъ Бурбоны являются династіей крупнаго землевладѣнія, или Орлеаны—династіей денежной аристократіи, какъ и Бонапарты являются династіей крестьянъ, т. е. массы французскаго народа. Не тотъ Бонапартъ, который подчинялся буржуазному парламенту, а тотъ, который разогналъ буржуазный парламентъ — вотъ истинный крестьянскій избранникъ. Въ теченіе 3 лѣтъ городамъ удавалось фальсифицировать, искажать смыслъ голосованія 10-го декабря и водить крестьянъ за носъ въ вопросѣ о возстановленіи имперіи. Только посредствомъ coup d'état 2 декабря 1851 г. былъ осуществленъ, воплощенъ въ жизнь вотумъ 10 декабря 1848 г. *).

*) „Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte“, von K. Marx, 3 Aufl., Hamburg 1885, s 97—98

Мы увидимъ, что приблизительно черезъ 20 лѣтъ Марксъ высказывалъ уже діаметрально-противоположный взглядъ на роль крестьянъ въ дѣлѣ возвышенія Наполеона III до императорскаго трона.

Но и въ это время онъ уже видѣлъ, что не всѣ факты мирятся съ этимъ представленіемъ Бонапартовъ „крестьянской династіей“. Уже раньше пришлось Марксу однажды отмѣтить, что тогдашняя соціальдемократическая партія (которую, какъ говорилось выше, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ современной соціальдемократіей)—какъ показали департаментскіе выборы, составила себѣ значительную партію приверженцевъ среди деревенскаго населенія *). Но было кое-что и посущественнѣе этихъ департаментскихъ выборовъ, хотя послѣ всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ республиканцами по отношенію къ крестьянству, и такой результатъ выборовъ нельзя не признать весьма знаменательнымъ.

„Однако — говоритъ самъ Марксъ почти непосредственно послѣ пожалованія Бонапартамъ титула „крестьянской династіи“—мнѣ возразятъ: а бунты крестьянъ почти въ половинѣ Франціи, а облавы на крестьянъ съ войсками, а массовые аресты и высылки крестьянъ?

„Со времени Людовика XIV Франція не переживала никакихъ подобныхъ преслѣдованій крестьянъ „изъ-за демагогическихъ козней“.

„Но это нужно понять получше. Династія Бонапарта представляетъ не революціоннаго, а консервативнаго крестьянина; не того крестьянина, который подымается надъ соціальными условіями своей жизни, надъ своей парцеллой, но который скорѣе хочетъ ее укрѣпить, не тотъ деревенскій народъ, который собственной энергіей, примыкая къ городамъ, хочетъ низвергнуть старый порядокъ, но напротивъ того, глухо замыкаясь въ условіяхъ этого стараго порядка, ждетъ спасенія и преимуществъ отъ призрака имперіи. Династія Бонапар-

*) „...zeigten die Departamentswahlen, das sie einen bedeutenden Anhang unter der Landbevolkerung gewonnen hatte“ l. c., 31.

товъ представляетъ не просвѣщеніе, а суевѣріе крестьянъ, не ихъ разсудокъ, а ихъ предразсудки, не ихъ будущее, а ихъ прошедшее"... *).

Но сказать это—не значитъ-ли, въ сущности, ничего не сказать?

Напомнимъ фактъ, констатированный Марксомъ въ „Klassenkaempfe": „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ голосовали за Наполеона en bloc, чтобы протестовать противъ Кавеньяка" (стр. 52). Напомнимъ свидѣтельство Виктора Гюго, что когда нѣсколько сотъ интеллигентовъ, студентовъ, рабочихъ—вообще говоря, сознательныхъ разночинцевъ—пытались увлечь за собой парижское населеніе въ контръ-революціонное движеніе противъ coup d'etat Бонапарта — они натыкались или на холодность и индифферентизмъ рабочей массы, или даже на враждебныя восклицанія: „долой 25-франковиковъ!" (25 фр. — дневное содержаніе депутата, незадолго передъ тѣмъ вотированное французскимъ парламентомъ). Напомнимъ кокетничаніе Наполеона съ соціализмомъ и пролетаріатомъ, напомнимъ, что однимъ изъ предлоговъ, выставленныхъ имъ въ оправданіе переворота 2-го декабря, была отмѣна палатой всеобщаго избирательнаго права. Напомнимъ, наконецъ, недавніе успѣхи и популярность среди значительной части рабочихъ разныхъ буланжистовъ, деруледистовъ и т. п. цезаристовъ-плебисцитаріевъ—и мы увидимъ, что цитированныя выше слова Маркса нетрудно съ одинаковымъ правомъ перефразировать въ примѣненіи къ пролетаріату. И это тѣмъ легче будетъ намъ сдѣлать, что роль, сыгранная въ революціи самыми низшими слоями пролетаріата (которымъ здѣсь Марксъ даетъ презрительное названіе „Lumpenproletariat") въ изображеніи нашего автора является реакціонной въ самой высшей степени. Итакъ, въ pendant къ словамъ Маркса мы можемъ сказать: „Династія Бонапартовъ, или, общѣе, демагогическій, плебисцитарный цезаризмъ представляетъ не революціоннаго, а консервативнаго пролетарія;

*) Op. cit , 99

не того пролетарія, который поднимается надъ непосредственными соціальными условіями своей жизни, надъ прибавкой пятачка на рубль своей заработной платы, а того, который хочетъ лишь улучшить и упрочить свое теперешнее положеніе; не того пролетарія, который хочетъ своими силами, въ союзѣ со всѣми своими собратьями, низвергнуть старый порядокъ, а того, который, напротивъ, глухо замыкаясь въ условіяхъ этого стараго порядка, ждетъ спасенія и преимуществъ отъ призрака имперіи. Демагогическій цезаризмъ представляетъ не просвѣщеніе, а суевѣріе пролетаріата, не его разсудокъ, а его предразсудки, не его будущее, а его прошедшее“...

Словомъ, разсужденія Маркса не подвинули насъ ни на шагъ въ вопросѣ о пониманіи специфически-крестьянской реакціонности. Никакого качественнаго, принципіальнаго различія между историческою ролью крестьянства и пролетаріата нельзя усмотрѣть изъ предложенныхъ нашему вниманію данныхъ. Намъ указываютъ на невѣжество, полную политическую незрѣлость и неорганизованность, разрозненность крестьянъ; намъ указываютъ, что они „неспособны заставить считаться со своими классовыми интересами, дѣйствуя во имя себя самихъ, чрезъ парламентъ-ли, или чрезъ конвентъ Они не могутъ сами представлять самихъ же себя, ихъ долженъ представлять кто-нибудь другой. Ихъ представитель одновременно долженъ стоять надъ ними, какъ ихъ повелитель, какъ авторитетъ, какъ организованная правительственная сила, которая защищаетъ ихъ отъ другихъ классовъ и посылаетъ имъ свыше благодѣтельный солнечный свѣтъ и тепло, и живительный дождь. Политическое вліяніе парцеллярныхъ крестьянъ находитъ поэтому свое послѣднее выраженіе въ томъ, что общество подчиняется исполнительной власти“. Не очевидно-ли, однако, что эта характеристика одинаково справедлива по отношенію ко всякому классу, если онъ недостаточно политически зрѣлъ, и недостаточно силенъ, чтобы при свободной игрѣ парламентскихъ силъ отстаивать свои интересы отъ натиска другихъ классовъ? Въ эпоху кризисовъ для такого класса или

сословія всегда есть только одинъ исходъ — броситься въ объятья чьей-нибудь диктатуры, конечно, въ томъ разсчетѣ, что эта диктатура сумѣетъ и пожелаетъ лучше защищать его интересы, чѣмъ это могъ сдѣлать онъ самъ при условіяхъ нормальнаго функціонированія свободныхъ демократическихъ учрежденій. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятенъ и тотъ фактъ, что „мелкое мѣщанство и пролетаріатъ en bloc голосовали за Наполеона“. Все предыдущее изложеніе Маркса, на которомъ мы не имѣли возможности остановиться подробнѣе, достаточно показываетъ, какъ безуспѣшны были попытки пролетаріата воспользоваться революціей 1848 г. въ своихъ классовыхъ интересахъ, какой дорогой цѣной обошлись ему эти попытки, и до какой степени „французскій рабочій классъ былъ еще не способенъ провести свою собственную, чисто пролетарскую революцію“. И когда рядомъ съ буржуазной республикой, обагренной кровью „укрощенныхъ“ ею рабочихъ, всталъ ловкій и беззастѣнчивый авантюристъ, дѣятельно агитируя среди своихъ эмиссаровъ, не разбирая средствъ, кокетничая даже съ соціализмомъ и имѣя за себя на придачу великое имя — выборъ былъ нетруденъ. Словомъ, пролетаріатъ, не хуже крестьянства, оказался „неспособенъ заставить считаться со своими классовыми интересами, дѣйствуя во имя себя самого... Но разъ онъ не могъ самъ представлять себя, его долженъ былъ представлять кто-нибудь другой“, какъ у Маркса, вплоть до фатальнаго исхода „подчиненія общества исполнительной власти“.

Самъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ гораздо вѣрнѣе оцѣниваетъ истинную причину возвышенія Наполеона, въ качествѣ tertius gaudens. Она кроется въ томъ, что буржуазія оказалась уже неспособной управлять государствомъ, а рабочій классъ — еще неспособнымъ къ этому. Въ нормальное время дѣло, быть можетъ, кончилось бы какимъ-нибудь миролюбивымъ компромиссомъ, но Франція переживала эпоху хозяйственнаго кризиса, одного изъ тѣхъ обычныхъ циклическихъ кризисовъ, которые такъ обостряютъ всѣ „противорѣчія“ и „антагонистическія стороны“ капиталистическаго строя. Та-

кова общая формула, объясняющая фатальное фіаско революціи.

Эта формула, конечно, не исключаетъ, а напротивъ, включаетъ въ себя и политическую незрѣлость крестьянства, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, или, если угодно, „факторовъ“ этого фіаско Во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, быть можетъ, будетъ не лишнимъ еще разъ подчеркнуть, что мы не доказываемъ полнаго тождества, рѣчь идетъ лишь о нѣкоторой аналогіи между поведеніемъ городского рабочаго класса съ поведеніемъ крестьянства во время политическихъ кризисовъ 1848 и 1851 гг. Это не исключаетъ, конечно, крупной политической разницы въ степени политической незрѣлости того или другого изъ этихъ общественныхъ классовъ. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы такой разницы не оказалось. Вѣдь прежде всего французскій, и особенно парижскій городской пролетаріатъ (такъ какъ парижскіе рабочіе были главнымъ дѣйствующимъ лицомъ революціи) жилъ вольнымъ воздухомъ столицы, умственнаго центра, куда стекались всѣ лучшія интеллигентныя революціонныя силы не только Франціи, но и многихъ сосѣднихъ странъ, гдѣ, можно сказать, передовыми идеями была насыщена вся атмосфера, соціализмъ носился въ воздухѣ. Сравните съ этимъ обособленную деревеньку, гдѣ прикованный къ своей бороздѣ, влачится крестьянинъ, поглощенный борьбою за насущный хлѣбъ, и лишь изрѣдка прислушиваясь къ гулкому эху революціонныхъ бурь, разыгрывающихся на многолюдныхъ улицахъ столицы. Среди крестьянъ не велось соціалистами почти никакой сколько-нибудь серьезной и систематической пропаганды, для нихъ не издавалось подходящей литературы; о специфическихъ интересахъ крестьянства думали только сторонники школы Прудона, но и ихъ практическое безсиліе, сомнительное политиканство и доктринерское прожектерство слишкомъ ясно и слишкомъ скоро выказались во всемъ свѣтѣ. И если несмотря на все это въ крестьянствѣ все-таки не переставая билась живая революціонная струя, такъ это лучшее доказательство, что реакціонное настроеніе въ извѣстные

историческіе моменты вовсе не вытекаетъ изъ имманентныхъ соціальныхъ свойствъ крестьянства, какъ такового, что это относится, выражаясь философскимъ жаргономъ, не къ его субстанціи, а къ его акциденціи...

„Трехлѣтнее суровое господство парламентской республики — говоритъ далѣе Марксъ — освободило часть французскаго крестьянства отъ наполеоновскихъ иллюзій и хотя поверхностно революціонизировало его. Но какъ только въ крестьянствѣ начиналось движеніе, буржуазія тотчасъ же насильственно подавляла его. При парламентской республикѣ вступили въ борьбу два крестьянскихъ міровоззрѣнія: традиціонное и новѣйшее, современное Процессъ этотъ проявлялся въ видѣ непрерывной борьбы между школьными учителями и попами. Буржуазія гнула и подавляла учителей. Впервые крестьяне пытались защищать свою самостоятельность противъ правительственнаго вмѣшательства. Это проявлялось въ постоянныхъ конфликтахъ между деревенскими мэрами и правительственными префектами. Буржуазія смѣщала мэровъ, отрѣшала ихъ отъ должностей. Наконецъ, втеченіе періода парламентской республики крестьяне различныхъ мѣстностей поднялись противъ своего собственнаго порожденія — арміи. Буржуазія наказала ихъ осаднымъ положеніемъ и экзекуціями И эта самая буржуазія нынѣ вопіетъ о тупоуміи массъ, vile multitude, измѣнившихъ ей для Бонапарта! *). Она сама насильственно укрѣпила въ крестьянахъ имперіализмъ, она создала и поддерживала тѣ условія, которыя явились родильнымъ домомъ для этой крестьянской религіи. Съ другой стороны, буржуазіи приходится страшиться и невѣжества массъ, пока онѣ остаются консервативными,—и проницательности ихъ, какъ скоро онѣ становятся революціонными“.

„Послѣ coup d'état — продолжаетъ Марксъ — часть французскихъ крестьянъ въ рядѣ возстаній, съ оружіемъ въ рукахъ протестовала противъ своего собствен-

*) Только-ли буржуазія? Не въ тѣхъ-ли самыхъ выраженіяхъ всего года 4 передъ тѣмъ вопятъ объ измѣнѣ крестьянства республиканскому Парижу Фр. Энгельсъ?

наго вотума 10 декабря 1848 г. Та школа, сквозь которую они прошли съ 1848 года, проучила ихъ". Но именно потому-то и возникаютъ вновь сомнѣнія: правильно ли говорить, что „Бонапарты являются династіей крестьянъ", что „не тотъ Бонапартъ, который подчинялся буржуазному парламенту, а тотъ, который разогналъ буржуазный парламентъ — вотъ кто истинный крестьянскій избранникъ", и что, наконецъ, „только посредствомъ coup d'état 2 декабря 1851 г. былъ осуществленъ, воплощенъ въ жизнь вотумъ 10 декабря 1848 г.?" Не преувеличеніе-ли это? Не противорѣчатъ-ли ему факты? Повидимому, эти сомнѣнія уже во время писанія „18 Brumaire" были у Маркса, а спустя 20 лѣтъ онъ однимъ ударомъ устранилъ ихъ, заявивъ: „правда, французскій крестьянинъ избралъ Луи Бонапарта въ президенты республики, но вторую имперію создала „партія порядка" *). Въ чемъ дѣйствительно нуждался французскій крестьянинъ—это онъ началъ было показывать въ 1849 и 1850 гг., когда онъ повсюду противопоставилъ правительственнымъ префектамъ — своихъ мэровъ, правительственнымъ попамъ—своихъ сельскихъ учителей, правительственнымъ жандармамъ — себя самого. Всѣ законы, изданные партіей порядка въ январѣ и февралѣ 1850 г. были ясно выраженными мѣрами насилія, обращенными противъ крестьянъ. Крестьянинъ былъ бонапартистомъ потому, что въ его глазахъ имя Наполеона было воплощеніемъ великой французской революціи, со всѣми ея выгодами для крестьянства. При второй имперіи этотъ самообманъ быстро рушился"... **)

На этомъ мы оставляемъ марксовскій анализъ событій 1848 г. Вульгарно марксистское воззрѣніе постоянно возвращается къ голословнымъ и поверхностнымъ ссылкамъ на эти событія, какъ на самый яркій примѣръ и

*) Этимъ именемъ Маркъ обозначалъ коалицію монархическихъ партій того времени,—легитимистовъ, орлеанистовъ и т. п. представителей напуганныхъ „краснымъ призракомъ" правительственныхъ классовъ.

**) „Der Bürgerkrieg in Frankreich", 3-te Aufl., Berlin, 1891, s. 52.

доказательство исторической реакціонности крестьянства. Событія 1884 г.—самый крупный козырь крестьянофобовъ отъ марксизма. Что же мы нашли, присмотрѣвшись къ нимъ поближе? Да то, что вопреки Энгельсу, даже реакціоннѣйшія стремленія, проявлявшіяся во французскомъ крестьянствѣ, были только ирраціональной формой выраженія его революціонныхъ нуждъ и потребностей. Поскольку крестьянинъ увлекался даже бонапартизмомъ, онъ увлекался имъ—по свидѣтельству Маркса — олицетворяя въ Бонапартахъ великую французскую революцію, эту „удавшуюся жакерію“ по выраженію одного историка; „именемъ императора — говоритъ и Марксъ—въ сущности, прикрывалась крестьянская война“. Только полное игнорированіе республиканцами и демократами того времени нуждъ и интересовъ крестьянства привело къ грандіознѣйшему и плачевнѣйшему историческому недоразумѣнію — братоубійственной враждѣ между рабочими людьми города и деревни...

Такова злая иронія исторіи. Въ свое время крестьянскія войны, могучей полосой прошедшія по всей Европѣ, были подавлены, предводители и участники ихъ потоплены въ морѣ крови. Разбросанность, неорганизованность крестьянъ, несогласованность ихъ дѣйствій, отсутствіе руководящихъ городскихъ центровъ, гдѣ бы концентрировался революціонный авангардъ — погубили дѣло. Теперь такой же могучей полосой по Европѣ прошелъ рядъ городскихъ революцій. Революціонный авангардъ на этотъ разъ былъ на лицо, но ему не доставало живой связи съ массами деревенскаго люда, не доставало поддержки земли... И опять тѣ же неудачи, тѣ же рѣки крови, тоже множество человѣческихъ жертвоприношеній, та же реакція... Кажется, болѣе чѣмъ ясно, что единственный историческій выводъ, который мы можемъ извлечь изъ этихъ событій, заключается въ слѣдующемъ: въ странахъ, гдѣ рабочее населеніе распадается на двѣ крупныхъ части—индустріальный пролетаріатъ и крестьянъ земледѣльцевъ — въ такихъ странахъ только то движеніе можетъ быть дѣйствительно жизненнымъ, раціональнымъ и побѣдоноснымъ, которое

будетъ синтезомъ предыдущихъ неудавшихся революціонныхъ движеній, соединитъ съ революціонной инціативой концентрированныхъ силъ города поддержку деревенскихъ, крестьянскихъ массъ. И это начинаетъ понемногу уже входить въ общее сознаніе; намъ уже не странно слышать изъ устъ нѣмецкаго марксиста, Кварка, слова: „пусть же силы деревни подкрѣпятъ и нашу партію, какъ того сказочнаго великана, который каждый разъ набирался новыхъ и свѣжихъ силъ, какъ только прикасался къ своей матери-землѣ“... Геркулесъ, какъ говоритъ миѳическое сказаніе, замѣтилъ это и побѣдилъ Антея, поднявши его на воздухъ, оторвавъ отъ земли Реакціонныя силы точно такимъ же образомъ сумѣли во Франціи локализировать революціонное движеніе въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, посѣявъ раздоры между городомъ и деревней; и вотъ почему въ 1848 году для французскаго Антея-пролетаріата буржуазный режимъ остался непобѣдимымъ Геркулесомъ...

***

„Удавшаяся жакерія... крестьянская война... Пусть такъ; но развѣ мы не знаемъ, что крестьянскія войны были движеніемъ реакціоннымъ, что въ случаѣ удачи онѣ только поворотили бы назадъ колесо исторіи? Итакъ, если бы вы и доказали, что подъ нелѣпой оболочкой, подъ протестомъ деревни противъ города крылись въ зародышѣ старыя тенденціи крестьянскихъ войнъ,— развѣ все это говорило бы сколько-нибудь въ пользу крестьянъ? Революціонность ихъ настроенія была бы только пустой внѣшностью; по формѣ революціонное, по существу оно оставалось бы реакціоннымъ“!

Вотъ что могутъ намъ отвѣтить сторонники ортодоксальнаго марксизма. Но въ ихъ отвѣтѣ будетъ заключаться крупнѣйшее недоразумѣніе.

Положеніе, что крестьянскія войны были явленіемъ реакціоннымъ, принадлежитъ собственно Лассалю. Но его считали да и сейчасъ многіе считаютъ (и не только изъ приверженцевъ этого взгляда, но и изъ его про-

тивниковъ) необходимымъ логическимъ выводомъ изъ глубочайшихъ положеній марксизма. Впрочемъ, нѣкоторая незначительная доля истины въ этомъ взглядѣ есть. Марксизмъ въ его эмбріональной фазѣ, марксизмъ „Путевыхъ замѣтокъ“ Энгельса, „Коммунистическаго манифеста“ Маркса и Энгельса очень гармонируетъ съ этимъ положеніемъ Лассаля.

Революціоннымъ принципомъ того времени Лассаль считаетъ принципъ капитала. Именно капиталъ, разрушая старыя, отжившія феодальныя и полуфеодальныя формы, представлялъ собою въ его глазахъ залогъ дальнѣйшаго историческаго развитія. Это былъ прежде всего принципъ индивидуализма, освобожденія личности отъ узъ стараго порядка. Крестьянское же движеніе, по мнѣнію Лассаля, имѣло въ виду не провозглашеніе новаго принципа, а лишь послѣдовательное и строжайшее проведеніе общаго принципа тогдашней эпохи. Крестьянамъ и въ голову не приходило заявлять свои требованія непосредственно во имя человѣческой личности. Принципъ, во имя котораго они дѣйствовали, былъ принципъ землевладѣнія. Они требовали и для крестьянскаго землевладѣнія такихъ же правъ на участіе въ государственномъ управленіи, какія раньше принадлежали лишь землевладѣнію дворянскому. А между тѣмъ важное экономическое значеніе землевладѣнія и его опредѣляющая политическая роль, какъ необходимаго условія участія въ общественномъ представительствѣ, шло къ гибели; и разрушалъ его именно капиталъ.

Въ русской литературѣ, для которой въ семидесятыхъ годахъ народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ (одинаково—земледѣльческихъ и индустріальныхъ, чисто-пролетарскихъ и хозяйственно-самостоятельныхъ) стоялъ въ центрѣ всей практической революціонной программы,—въ этой литературѣ взглядъ Лассаля встрѣтилъ серьезную и рѣшительную критику. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ было указано прежде всего на фактическія погрѣшности въ изображеніи Лассаля. Не вѣрно, будто крестьянамъ не приходило въ голову выставлять свои требованія прямо отъ имени человѣка,

его интереса, его личнаго достоинства. Такъ, французскіе крестьяне пѣли: „nous sommes hommes comme eux“, а среди крестьянъ нѣмецкихъ и англійскихъ пользовалась не меньшей популярностью пѣсенка, вышучивавшая „историческія права“ дворянства и спрашивавшая: „а когда жили наши прародители, Адамъ и Ева,—кто изъ нихъ былъ дворяниномъ?“ Не вѣрно, далѣе, будто бы въ соціально-политической области крестьянское движеніе имѣло своимъ девизомъ землевладѣніе, какъ таковое—нѣтъ, оно имѣло въ виду не интересы землевладѣнія, а интересы крестьянскаго, земледѣльческаго труда; да и религіозная свобода личности имъ отстаивалась въ гораздо большей степени и гораздо радикальнѣе, чѣмъ Лютеромъ, котораго считаютъ (въ томъ числѣ и Лассаль) представителемъ интеллектуальной области новаго принципа—личной, индивидуальной свободы. Безъ сомнѣнія, въ крестьянскомъ движеніи было много темнаго, грубаго, невыработаннаго, наконецъ, такого, что прямо противорѣчило основнымъ принципамъ движенія. Но отъ такихъ недостатковъ не свободно всякое движеніе, которое только что зарождается, и притомъ еще зарождается въ тискахъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Ошибка Лассаля произошла изъ незаконнаго стремленія разсматривать исторію односторонне-телеологически, какъ нашу собственную эмбріологію. Проводя доктринерски-прямолинейно отъ себя въ глубь исторіи, до любого событія, прямой рядъ звеньевъ причинной цѣпи, мы начинаемъ считать прогрессивнымъ все, что дѣйствовало въ направленіи этой прямой, черезъ какія бы болота грязи и крови ни приходилось ей идти. И напротивъ, все, что лежало въ сторонѣ отъ найденной такимъ образомъ столбовой дороги исторіи, все что стремилось свернуть исторію съ той колеи, которая фактически соединяетъ прошлое съ настоящимъ,—все это мы начинаемъ считать или не стоющимъ вниманія, или даже еще хуже—тормазомъ „единственнаго вѣрнаго“ прогресса. Одностороннее превращеніе исторіи въ нашу эмбріологію необходимо приводитъ къ фаталистическому оптимизму, къ оправданію всякой исторической

дѣйствительности только потому, что она—дѣйствительность, къ фетишистскому преклоненію передъ фактомъ Вольтеровскій Панглоссъ такъ утѣшалъ своего пріятеля Кандида: „Все тѣсно связано въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ: если бы васъ не выгнали изъ прекраснаго замка пинками за вашу любовь къ дочери барона, если бы вы не побывали въ когтяхъ инквизиціи, если бы вамъ не пришлось скитаться пѣшкомъ по всей Америкѣ, если бы вы не ранили шпагой барона и не потеряли вашихъ бароновъ изъ прекраснаго Эльдорадо—то теперь вы не сидѣли бы здѣсь и не ѣли бы цукатовъ и фисташекъ“. Слѣдовательно, не трудно, ставши на эту точку зрѣнія, признать „прекрасными“, „исторически-прогрессивными“ въ жизни Кандида и пинки баронскихъ слугъ, и доносъ на него инквизиціи, и подвиги грабителей, изнасиловавшихъ его прекрасную Кунигунду—ибо „въ послѣднемъ счетѣ“ комбинація этихъ обстоятельствъ свела таки вмѣстѣ и Кандида (хотя изрядно помятаго жизнью), и Кунигунду (хотя и изнасилованную), и Панглоса (хотя уже въ видѣ жалкаго, больного старика);—свела ихъ вмѣстѣ и посадила за одинъ столъ, на которомъ даже оказались... цукаты и фисташки. Напротивъ, и сопротивленіе Кандида лакейскимъ пинкамъ, и борьба Кунигунды за свою дѣвичью честь, и неудачная попытка Панглосса бѣжать отъ инквизиціи—все это были „тормазы“ необходимому и въ послѣднемъ счетѣ прогрессивному ходу вещей, попытки „задержать, остановить колесо исторіи“.

Панглоссъ разсматривалъ личную исторію Кандида, какъ эмбріологію цукатовъ и фисташекъ, истребляемыхъ ихъ дружескимъ тріо съ приправой философскихъ разсужденій. Такъ какъ „все тѣсно связано между собою въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ“, то онъ могъ по произволу связать причинно ихъ дружескую трапезу съ любымъ изъ мерзѣйшихъ приключеній ихъ прошлой жизни. Но тотъ же самый незамысловатый фокусъ-покусъ панглоссовой „телеолого-космолого-нигилеологіи“ (выраженіе Вольтера) можно съ успѣхомъ продѣлать и надъ всемірной исторіей человѣчества. Какъ ни богата наша сѣренькая современность и страданіями, и неспра-

ведливостью, и смѣха и жалости достойными вещами; какъ ни часто мы и теперь повсюду видимъ, какъ „вѣшаютъ на вора крестъ, а не на крестъ вздѣваютъ вора“,

И какъ цари ѣдятъ и пьютъ,
Весь вѣкъ въ солдатики играютъ,
Изъ мертвыхъ—мощи создаютъ,
Живыхъ же—въ землю зарываютъ,—

все такп можно и въ этой дѣйствительности произвольно сосредоточить все свое вниманіе исключительно на рядѣ „свѣтлыхъ явленій“, а затѣмъ и связывать ихъ причинной цѣпью съ любымъ историческимъ фактомъ—какъ съ самымъ благороднымъ, такъ и съ гнуснѣйшимъ изъ дѣяній. Ибо вѣдь господство причинности всеобще и безусловно, все неразрывно связано со всѣмъ „въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ“...

Если стать „вполнѣ и исключительно“ на эту точку зрѣнія, то уже нельзя оцѣнивать событія при помощи какого бы то ни было высшаго принципа; фактическое преобладаніе, фактическая побѣда—вотъ единственно остающійся критерій оцѣнки... Мы превращаемся въ безпринципныхъ „жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“, помнящихъ, и свято чтущихъ двѣ новѣйшія заповѣди: „побѣдителей не судятъ“ и „vae victis“...

Лассаль оптимистически восклицаетъ: „изъ исторіи можно вывести то отрадное заключеніе, что истинно-революціонное движеніе никогда еще не погибало, по крайней мѣрѣ надолго“. Конечно, есть очень простой способъ оправдать исторически такой оптимизмъ. Для этого стоитъ лишь всѣ революціонныя движенія, не имѣвшія успѣха, объявить революціонными лишь по внѣшности, по формѣ, но реакціонными по существу. Пусть этой операціей занимаются тѣ, кто держится принципа: „тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ утѣшающій обманъ“. Мы предпочитаемъ глядѣть прямо въ глаза суровой дѣйствительности. Какъ будто мы не знаемъ, что для цѣлыхъ историческихъ періодовъ нерѣдко приходится подвести печальный итогъ, резюмирующійся словами поэта—„нѣтъ великаго Патрокла,

живъ презрительный Терситъ". Какъ будто мы не знаемъ, что въ этой исторіи почти всегда каждый шагъ покупается массой жертвъ, „и на смерть обречены слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны"... Чартистское движеніе, напримѣръ, было раздавлено, было потоплено въ крови не хуже крестьянскихъ войнъ. И послѣ жестокой расправы долгое-долгое время движеніе казалось умершимъ. Можно было думать, что въ той формѣ и съ той программой оно никогда не воскреснетъ. И только недавно рабочія и радикально-соціалистическія фракціи Англіи образовали лигу, союзъ для осуществленія тѣхъ требованій, которыя были выставлены еще чартистами, и до сихъ поръ еще, однако, не воплощены въ жизнь. Вотъ одна изъ многихъ возможныхъ иллюстрацій, показывающая, какъ безжалостно можетъ разбивать жизнь тѣ розовые очки, сквозь которые Лассаль разсматривалъ „уроки исторіи". Или, можетъ быть, и чартистское движеніе нужно признать реакціоннымъ? Вѣдь оно тоже осталось безъ результата, а славный, мужественный подвигъ борцовъ—вѣдь это въ концѣ концовъ только внѣшность, форма... Оно отвергнуто исторіей, и это было исторически необходимымъ. Свергнемъ же чартистское движеніе съ его революціоннаго пьедестала, развѣнчаемъ его—благо, вѣдь, оно умерло, оно не можетъ протестовать, не можетъ вступиться за свою поруганную историческую честь,—а „мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай".

* * *

Марксъ и Энгельсъ тоже бывали небезгрѣшны по части фаталистическаго оптимизма. Извѣстенъ классическій „объективизмъ" маркситской оцѣнки рабства. Насмѣшки надъ тѣми, кто способенъ по этому поводу впадать въ лирическій тонъ, въ негодованіе по поводу „подобныхъ гнусностей"; почти панглоссовское разсужденіе на ту тему, что рабство было явленіемъ исторически-необходимымъ и прогрессивнымъ, что безъ древняго рабства не было-бы и новѣйшаго соціализма—нужно ли искать болѣе яркаго примѣра разсматриванья исторіи, какъ собственной эмбріологіи?

Но быть „объективнымъ“ за счетъ классической древности не трудно. Труднѣе во имя той же всемогущей исторической необходимости давать подобную же апологію болѣе близкимъ къ нашему времени событіямъ, труднѣе здѣсь добровольно отречься отъ права всякую гнусность называть гнусностью. И ни у Маркса, ни у Энгельса не хватало моральнаго самоотреченія, самозабвенія настолько, чтобы признать необходимымъ, а слѣдовательно исторически прогрессивнымъ явленіемъ и грязный сапогъ солдата версальской арміи, топчущій распростертую во прахѣ, истекающую кровью парижскую коммуну, и цѣпкія лапы Бонапарта, задушившаго въ своихъ объятьяхъ съ іудинымъ лобзаньемъ республику 1848—1850 г. г. и, обагренную въ крови іюльскихъ повстанцевъ шпагу Кавеньяка. Нѣтъ, въ такихъ близкихъ и живыхъ вопросахъ и Марксъ, и Энгельсъ немедленно превращались въ рѣшительнѣйшихъ „субъективистовъ“. Послушайте, напримѣръ, чѣмъ звучитъ этотъ упрекъ Прудону. „Прудонъ стремится изобразить государственный переворотъ, какъ производное предыдущаго историческаго развитія. Но между рукъ у него проскальзываетъ превращеніе исторической конструкціи государственнаго переворота въ историческую апологію героевъ этого переворота. Онъ впадаетъ такимъ образомъ въ ошибку нашихъ такъ называемыхъ объективныхъ историковъ“... (1) Въ другомъ мѣстѣ по поводу „исторической школы въ правѣ“, которая тоже грѣшила не мало по части претензій на объективизмъ, Марксъ пишетъ, между прочимъ: „существуетъ школа, которая сегодня совершаемыя низости оправдываетъ вчерашними; которая объявляетъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостного раба противъ кнута, если только это—кнутъ старый прирожденный, историческій; школа, которой исторія, какъ богъ Израиля своему слугѣ Моисею, показываетъ только свое a posteriori“ .. „Этотъ Шейлокъ во всякомъ кускѣ мяса, вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, ссылается подъ присягой на свой вексель,—на свой историческій вексель“...(2)

Словомъ, на ряду съ „объективистской“ въ сочиненіяхъ Маркса бьетъ и „субъективистская“ струя. Пер-

вая—ведетъ за собой насмѣшки надъ моральной оцѣнкой событій, драпируется въ тогу ледяного равнодушія къ виду „кусковъ мяса, вырѣзаемыхъ изъ народнаго сердца“, хотя бы, напр., рабствомъ, щеголяетъ своимъ признаніемъ рабства исторически прогрессивнымъ институтомъ и т п. Къ идеямъ этого порядка слѣдуетъ отнести и то странное заявленіе Маркса, которое мы встрѣчаемъ въ его „Buergerkrieg in Frankreich“ будто *рабочій классъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ*, а только дать свободный ходъ естественной тенденціи развитія буржуазнаго общества. Именно эту струю идей въ марксизмѣ подчеркивалъ одинъ изъ первыхъ легальныхъ русскихъ марксистовъ, заявляя, что марксизмъ „не содержитъ ни одного грана этики“ и что его отличительныя черты—*объективность и историчность*. Цитаты изъ предисловія къ „18 Brumaire“ и „Введенія къ критикѣ философіи права Гегеля“ рисуютъ субъективистскую струю идей въ марксизмѣ, превосходно выраженную словами Маркса въ послѣднемъ изъ названныхъ произведеній: „Задача исторіи теперь, когда исчезла правда внѣміровая,—это установить правду въ мірѣ“. Съ этой точки зрѣнія „историческій вексель“, историческій патентъ на существованіе, выданный стихійной судьбой какому-нибудь общественному движенію, такъ же мало говоритъ за его прогрессивность, какъ мало говоритъ пораженіе другого движенія—за его реакціонность.

На эту вторую точку зрѣнія стали Марксъ и Энгельсъ, и въ своей оцѣнкѣ рискованнаго и двусмысленнаго тезиса Лассаля о реакціонности крестьянскихъ войнъ Какъ извѣстно, Лассаль въ своемъ „Франце Зикингенѣ“ попытался дать художественную иллюстрацію къ своимъ историческимъ идеямъ. По поводу этого-то произведенія между Марксомъ и Энгельсомъ—съ одной стороны, Лассалемъ—съ другой произошелъ (въ частной перепискѣ) интересный споръ, коснувшійся вопроса о крестьянскихъ войнахъ. Такъ какъ въ русской литературѣ, какъ легальной, такъ и нелегальной, объ этомъ спорѣ совершенно не упоминалось, и такъ какъ благодаря этому данный тезисъ Лассаля обычно счи-

тается логическимъ дополненіемъ марксовской оцѣнки крестьянства, то мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя, которыя опубликованны въ нѣмецкой соціаль-демократической литературѣ относительно сказанной переписки, которая къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не опубликована цѣликомъ.

Эдуардъ Бернштейнъ въ большомъ біографическомъ вступленіи къ первому тому изданныхъ подъ его редакціей сочиненій Лассаля (1) между прочимъ сообщаетъ: „... благодаря любезности Фридриха Энгельса я получилъ письма Лассаля къ Карлу Марксу, найденныя въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти послѣдняго. Между ними находится и письмо, размѣрами въ 34 страницы inquarto, въ которомъ, за исключеніемъ немногихъ строкъ, дѣло идетъ о Францѣ фонъ-Зикингенѣ. Немедленно послѣ появленія этой драмы въ печати Лассаль послалъ по экземпляру ея Карлу Марксу и Фр. Энгельсу. Тотъ и другой (жившіе въ то время еще въ разныхъ мѣстахъ) въ отвѣтъ на это сообщили ему подробно свое мнѣніе о драмѣ, а упомянутое письмо Лассаля является отвѣтомъ на ихъ отзывы. Онъ соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же письмѣ „потому что (какъ онъ выражается)—возраженія, присланныя обоими вами, не будучи совершенно тожественными, все таки въ главномъ касаются однихъ и тѣхъ же пунктовъ“.

„Вы оба сходитесь въ томъ—пишетъ Лассаль въ другомъ мѣстѣ—что я „придалъ слишкомъ второстепенное значеніе“ (zu sehr zurückgesetzt habe) крестьянскому движенію, „недостаточно подчеркнулъ, выдвинулъ его“ (nicht genug hervorgehoben habe). Ты (Марксъ) обосновываешь это такъ: Зикингенъ и Гуттенъ должны были у меня погибнуть въ силу того, что они, подобно польской аристократіи, были революціонны лишь въ своемъ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ были представителями реакціонныхъ интересовъ. „Аристократическіе представители революціи“, говоришь ты, „за боевыми лозунгами которыхъ — „единство“ и „свобода“ — постоянно таятся мечты о старыхъ имперскихъ формахъ и кулачномъ правѣ, вовсе не должны бы поглощать все вниманіе, сосредоточивать на себѣ весь интересъ разсказа,

какъ это выходитъ у тебя (Лассаля); напротивъ, представители крестьянъ, именно крестьянъ, да еще революціонныхъ элементовъ въ городахъ должны были бы образовать гораздо болѣе активный фонъ картины. Ты бы могъ тогда въ гораздо большей степени заставить высказывать какъ разъ новѣйшія, современнѣйшія идеи, только въ самой наивной формѣ, (1) между тѣмъ какъ теперь кромѣ религіозной свободы главной идеей остается идея буржуазнаго достоинства". „Ужъ не впалъ ли ты самъ", восклицаешь ты, „въ ту самую дипломатическую ошибку, какъ твой Зиккингенъ, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицію выше плебейско-гражданской?"

Только въ этихъ цитатахъ Лассаля и извѣстенъ пока подлинный текстъ Марксовскихъ писемъ. Лассаль, полемизируя съ ними, заявляетъ, что по его мнѣнію, напротивъ, исторически крестьянское движеніе было настолько же реакціоннымъ, какъ и дворянское.

„Послѣднее возрѣніе свое — прибавляетъ Э. Бернштейнъ — Лассаль, какъ извѣстно, защищалъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ „Программѣ работниковъ". По моему мнѣнію, его ни въ какомъ случаѣ нельзя признать правильнымъ. Тотъ фактъ, что крестьяне выступали съ требованіями, носившими на себѣ печать прошлаго, нисколько не дѣлаетъ ихъ движенія реакціоннымъ. Правда, крестьяне не были новымъ классомъ, но они также не были и погибающимъ классомъ — подобно рыцарямъ. Реакціонное въ ихъ требованіяхъ относится лишь къ ихъ формѣ, а не къ существу. Этого не видитъ Лассаль... Къ Марксовскому замѣчанію: „тогда ты могъ бы заставить фигурировать и высказываться самыя современнѣйшія идеи, только въ самой наивной формѣ" — Лассаль ставитъ два вопросительныхъ знака плюсъ одинъ восклицательный"...

Неизвѣстно, писалъ ли Марксъ отвѣтъ на отвѣтъ Лассаля. Неизвѣстенъ и текстъ его перваго письма. Было бы крайне желательно, чтобы они наконецъ увидѣли свѣтъ. Для историка развитія соціальной философіи Маркса и Энгельса это было бы чрезвычайно драгоцѣннымъ матеріаломъ. Но уже изъ того, что сооб-

щаетъ Бернштейнъ въ идейномъ согласіи съ Энгельсомъ, этимъ alter ego Маркса, достаточно ясно, насколько неосновательно поступаютъ тѣ, которые считаютъ тезисъ Лассаля о реакціонности крестьянскихъ войнъ выводомъ, логически обязательнымъ для всякаго марксиста Напротивъ, „наивная форма“ многихъ крестьянскихъ требованій не помѣшала Марксу разглядѣть въ нихъ здоровое революціонное зерно „самыхъ современнѣйшихъ идей“.

Съ отношеніемъ Энгельса къ крестьянскимъ войнамъ можно, впрочемъ, познакомиться также изъ его статьи—составляющей, къ сожалѣнію, библіографическую рѣдкость—„Der deutsche Bauernkrieg“. Статья эта была помѣщена въ №№ 5 и 6 „Neue Reinische Zeitung“ 1850 г. и позднѣе (1871 г.) выпущена отдѣльной брошюрой

Въ этой брошюрѣ Энгельсъ разсматриваетъ крестьянскія войны, какъ свидѣтельство того, что „и у нѣмецкаго народа есть свои революціонныя традиціи“, ибо въ то время „нѣмецкіе плебеи и крестьяне выступили съ такими идеями и планами, передъ которыми довольно часто случалось съ испугомъ отпрянуть ихъ потомкамъ“. „Три столѣтія протекло съ тѣхъ поръ, и тѣмъ не менѣе крестьянскія войны не такъ ужъ далеко отстоятъ отъ современныхъ гражданскихъ войнъ, да и враги, которыхъ приходится одолѣвать, въ значительной мѣрѣ всѣ тѣ же самые... И если въ движеніи послѣднихъ лѣтъ лишь мѣстами — въ Силезіи, въ Шварцвальдѣ, въ Оденвальдѣ—проявлялся тотъ здоровый вандализмъ, какимъ отличались крестьянскія войны,—то это во всякомъ случаѣ нельзя считать преимуществомъ современныхъ инсурекцій“.

У Энгельса мы видѣли не разъ самые рѣшительные отзывы о безнадежной разрозненности, изолированности крестьянства, дѣлающихъ его совершенно неспособнымъ къ широкой организаціи. Тѣмъ интереснѣе тотъ фактъ, что въ крестьянскихъ войнахъ онъ не могъ не найти фактовъ, по меньшей мѣрѣ значительно ограничивающихъ силу и примѣнимость этихъ отзывовъ. „Упорство и терпѣливость, съ которыми верхненѣмецкіе крестьяне 1493 года конспирировали въ теченіе тридцати лѣтъ;

съ которыми они побѣдили всѣ препятствія, вытекавшія изъ ихъ деревенски-разрозненнаго образа жизни и стоявшія поперекъ дороги къ образованію большой, централизованной организаціи; съ которыми они, несмотря на безсмысленные разгромы, пораженія, казни своихъ вождей, постоянно, все снова и снова, принимались за конспирацію, пока наконецъ не явился поводъ къ массовому возстанію — это упорство поистинѣ заслуживаетъ изумленія".

Въ сущности, Энгельсъ наводитъ читателей на ту мысль, что крестьянскія войны могли бы завершиться успѣхомъ, будь у крестьянъ какой-нибудь союзникъ. Но этого союзника не было, ибо тогда не существовало индустріальнаго пролетаріата, сконцентрированнаго въ городахъ. „Съ современнымъ пролетаріемъ тогдашній нѣмецкій крестьянинъ имѣлъ то общее, что доля его въ продуктахъ труда равнялась минимуму средствъ существованія, необходимому для его поддержанія и для воспроизведенія крестьянской рассы." Безъ такого союзника всецѣло преодолѣть свою разрозненность, усугубленную массою внѣшнихъ условій (Энгельсъ перечисляетъ — „децентрализація, мѣстная и провинціальная самостоятельность; взаимное индустріальное и коммерческое отчужденіе областей, дурные пути сообщенія"), крестьяне все-таки не могли „Въ одиночку крестьяне не были въ состояніи сдѣлать революцію, пока имъ противостояла организованная сила князей, дворянства и городовъ, объединенныхъ и сплоченныхъ Только союзъ съ другими сословіями далъ бы имъ шансы побѣды; но какъ могли они объединяться съ какими-либо другими сословіями, когда всѣ эти сословія одинаково были ихъ эксплоататорами?" Только плебейская бѣднота, да еще люмпенпролетаріатъ и присоединялись къ нимъ, — но послѣдній оказывалъ на нихъ развращающее вліяніе, а мелкое бюргерство нерѣдко измѣняло въ самые рѣшительные моменты.

Съ этой точки зрѣнія Энгельсъ прослѣживаетъ идеологію того времени, и приходитъ къ выводу, діаметрально противоположному выводамъ Лассаля. Этотъ послѣдній видѣлъ въ буржуазномъ слоѣ истинно-революціонный

элементъ того времени, выставляя, въ сравненіи съ нимъ, крестьянское движеніе, какъ элементъ реакціонный. Энгельсъ, наоборотъ, ставитъ крестьянско-плебейскія тенденціи эпохи гораздо выше буржуазныхъ. Разсматривая различныя теченія во времена реформаціи, онъ вскрываетъ крайнюю плоскость и поверхность ея праваго буржуазнаго крыла, съ Лютеромъ и Меланхтономъ во главѣ. „Совершенно иной характеръ имѣло сектантство, поскольку оно было прямымъ выраженіемъ крестьянскихъ и плебейскихъ потребностей и почти всегда примыкало къ возстанію. Оно, конечно, раздѣляло всѣ требованія сектанства бюргерскаго относительно поповства, папства и возстановленія древне-христіанскаго церковнаго устройства,—но въ то же время оно шло безконечно далѣе.. Оно требовало возстановленія древнехристіанскаго равенства отношеній между всѣми членами общины и признанія его за норму для всего гражданскаго общества Изъ „равенства передъ богомъ всѣхъ дѣтей его“ оно заключало къ гражданскому равенству, а частью даже къ равенству благосостоянія“.

Плебейскіе слои городовъ разсматриваются Энгельсомъ, какъ предтечи современнаго пролетаріата, которымъ приходилось вести аналогичное съ послѣднимъ существованіе — поскольку, разумѣется, это возможно было въ условіяхъ тогдашняго соціальнаго строя. „Изъ этого положенія ихъ и объясняется, почему плебейская фракція уже тогда не могла остановиться на простой борьбѣ съ феодализмомъ и привиллегированнымъ слоемъ бюргерства; почему она, по крайней мѣрѣ въ фантазіи, могла подняться уже надъ современнымъ — тогда едва-едва зарождавшимся—буржуазнымъ обществомъ; почему она, эта совершенно-неимущая фракція общества должна была сдѣлать спорными учрежденія, взгляды и представленія, общія всѣмъ общественнымъ формамъ, покоющимся на классовыхъ противорѣчіяхъ“.

„Крестьяне и плебеи объединяются наконецъ въ одну революціонную партію, требованія и доктрины которой находятъ свое наиболѣе рѣзкое выраженіе у Мюнцера“.

„У Мюнцера впервые эти коммунистическіе мотивы становятся выраженіемъ реальной общественной фракціи;

впервые у него они получаютъ до нѣкоторой степени опредѣленную формулировку, и съ тѣхъ поръ, послѣ него, въ каждомъ крупномъ народномъ потрясеніи мы снова и снова встрѣчаемся съ ними, пока они постепенно не сливаются съ современнымъ пролетарскимъ движеніемъ; совершенно такъ же, какъ въ средніе вѣка борьба свободныхъ крестьянъ противъ все болѣе опутывающаго ихъ феодальнаго господства сливается съ борьбою крѣпостныхъ противъ господъ, вплоть до окончательной гибели феодальныхъ началъ".

Эта попытка—провести преемственную линію современнаго соціализма до „крестьянско-плебейскаго" движенія эпохи реформаціи чрезвычайно интересна. Существуютъ два взгляда на соціализмъ. Съ точки зрѣнія одного—соціализмъ есть спеціальное порожденіе спеціальныхъ хозяйственныхъ условій, а именно-крупной капиталистической индустріи. Съ этой точки зрѣнія нелѣпо искать соціализму предшественниковъ тамъ и тогда, когда индустріально-капиталистическаго „обобществленія" не существовало. Народныя движенія и возстанія противъ гнета и эксплоатаціи въ эпоху рабства, феодализма, крѣпостного права, съ этой точки зрѣнія, суть явленія совершенно иного порядка, чѣмъ современное рабочее движеніе; они — несравнимы, они не являются разными стадіями одного и того же всемірно-историческаго движенія, постепенно въ наши времена доходящаго до болѣе или менѣе полной зрѣлости. Нѣтъ, каждое изъ нихъ есть нѣчто совершенно особое, самостоятельное, со своимъ замкнутымъ циклемъ. Специфическое дѣтище опредѣленной—буржуазно-капиталистической общественной формаціи, соціализмъ не *эволюціонировалъ* изъ коммунистическихъ теорій и мечтаній древности и среднихъ вѣковъ, а *родился* отъ капитализма. Таковъ одинъ взглядъ. Другой разсматриваетъ соціализмъ, какъ нѣчто болѣе *универсальное*. Всю исторію онъ разсматриваетъ какъ борьбу началъ солидарности и конкурренціи, приводящую, на разныхъ стадіяхъ, къ разнымъ временнымъ сочетаніямъ обоихъ этихъ началъ въ томъ или другомъ общественномъ режимѣ. Первобытный коммунизмъ и разлагавшія его теченія,

возстанія рабовъ и жестокія ихъ усмиренія, движенія крѣпостныхъ и поддержка силою устоевъ феодальнаго строя—все эта сплошная линія развитія двухъ антагонистическихъ элементовъ: одного, стремящагося къ общественному равенству, и другого, поддерживающаго или усугубляющаго исторически сложившіяся формы гнета и эксплоатаціи. Съ точки зрѣнія этого взгляда, современное рабочее движеніе въ своей борьбѣ съ буржуазіей есть лишь послѣднее по времени, крайнее звено этого всемірно-историческаго процесса борьбы. Условія буржуазно-капиталистическаго строя даютъ лишь своеобразную конкретную обстановку для этого развивающагося явленія, а вовсе не „рожаютъ“ его „изъ себя“ въ силу какого-то мистическаго діалектическаго закона самоотрицанія. Ясно, что два эти существенно-различныхъ взгляда на соціализмъ приводятъ и къ различнымъ практическимъ выводамъ. Въ предѣлахъ капиталистическаго режима существуютъ, живутъ классы докапиталистическаго общества, напримѣръ, трудовое крестьянство. Ему свойственно свое историческое движеніе, у него есть традиціи своихъ гражданскихъ войнъ и возстаній; въ новой обстановкѣ эти традиціи переживаютъ серьезныя внутреннія превращенія, борьбу, кризисы. Можно ли надѣяться и стремиться логически развивать, приспособлять къ новымъ развившимся условіямъ общественности эти традиціи и тенденціи для органическаго сліянія ихъ съ революціонными тенденціями пролетаріата, или же это—абсурдъ, безуміе, утопизмъ? Этотъ вопросъ приходится рѣшать такъ или иначе, въ зависимости отъ того, какое принять общее пониманіе соціализма—изъ двухъ, изложенныхъ выше—болѣе ли узкое, превращающее соціализмъ въ простой побочный рефлексъ капиталистически-индустріальнаго строя, или болѣе широкое, универсальное, всемірно-историческое? Для насъ характерно, что Энгельсъ, обычно весьма прямолинейно развивающій узкое воззрѣніе, при оцѣнкѣ крестьянскихъ войнъ сбился на болѣе широкое. Мы увидимъ ниже, что точно такимъ же образомъ сбивался онъ на то же болѣе широкое воззрѣніе въ вопросѣ о русскомъ крестьянствѣ и судьбахъ русской общины.

* * *

При анализѣ крестьянскихъ войнъ приходится столкнуться еще съ однимъ элементомъ—именно, той *религіозной формой*, въ которую облекались тогда общественныя домогательства различныхъ общественныхъ сословій и классовъ. Оцѣнивая его значеніе въ исторіи крестьянскихъ войнъ, мы дѣлаемъ то же самое, что долженъ дѣлать и всякій политикъ-революціонеръ въ настоящее время, изучая *роль сектантства* въ народной жизни. Предположимъ, что по существу своему данныя классовыя домогательства были не реакціонными, а, наоборотъ, наиболѣе передовыми изъ всѣхъ теченій эпохи. Но вѣдь форма, въ какую они вылились, остается насквозь реакціонной? На этихъ соображеніяхъ чрезвычайно охотно останавливаются всѣ невѣрующіе въ революціонную воспріимчивость крестьянства, подчеркивая, что высшее, до чего можетъ доработаться деревня, это—смутныя коммунистическія фантазіи, плотно заросшія мистически-религіозной шелухой. Они забываютъ, что и современное пролетарское движеніе, особенно поскольку оно было предоставлено самому себѣ, началось съ той же фазы: примѣръ—религіозный коммунизмъ Вейтлинга. И Энгельсъ, конечно, какъ человѣкъ умный, прекрасно понималъ то, чего никакъ не могутъ взять въ толкъ многіе современные марксисты. Останавливаясь на характерномъ сочетаніи въ эпоху крестьянскихъ войнъ революціонныхъ тенденцій съ религіознымъ аскетизмомъ, Энгельсъ приходитъ даже къ цѣлому историко-соціологическому обобщенію. „Уже здѣсь—говоритъ онъ—у первыхъ піонеровъ движенія, мы находимъ тотъ аскетизмъ, который мы встрѣчаемъ при каждомъ средневѣковомъ возстаніи съ религіозной окраской, а въ новое время—въ началѣ всякаго пролетарскаго движенія. Эта морально-аскетическая суровость, это требованіе отрѣшиться отъ всѣхъ житейскихъ наслажденій и радостей,—съ одной стороны, выдвигаетъ противъ господствующихъ классовъ принципъ спартанскаго равенства, а съ другой стороны, является необходимой переходной стадіей, безъ которой низшій слой общества никогда не можетъ всту-

пить въ движеніе. Чтобы развить свою революціонную энергію, чтобы самому себѣ выяснить свое враждебное положеніе по отношенію къ другимъ общественнымъ элементамъ, чтобы сконцентрироваться въ качествѣ особаго класса, онъ долженъ начать съ отрѣшенія отъ всего, что еще можетъ примирять его съ существующимъ общественнымъ порядкомъ: онъ долженъ отказаться отъ тѣхъ немногихъ радостей, которыя временно дѣлаютъ болѣе сноснымъ его угнетенное положеніе и которыя не могутъ быть у него отняты самымъ суровымъ притѣсненіемъ. Этотъ плебейскій и пролетарскій аскетизмъ, такимъ образомъ, какъ по своему содержанію, такъ и по дико-фанатической формѣ, отличается отъ аскетизма буржуазнаго, проповѣдуемаго буржуазной моралью лютеранства и англійскаго пуританства (въ отличіе отъ индепендентовъ и еще далѣе идущихъ сектъ), вся тайна котораго заключается въ простомъ мѣщанскомъ скопидомствѣ."

Энгельсъ анализируютъ и другіе религіозные элементы движенія. Всѣ они, конечно, являются „заблужденіями". Но заблужденіе заблужденію рознь. Среди нихъ возможны и такія, къ которымъ, какъ нельзя лучше, приложимы слова Ф. А. Ланге: „заблужденіе часто служитъ лишь формой, въ которую отливается колоколъ правды, и которая тотчасъ разбивается, какъ только законченъ процессъ литья". Энгельсъ указываетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ, какое, въ сущности, совершенно новое вино вливало движеніе въ старые мѣха. „Подъ царствомъ Божіимъ—говоритъ Энгельсъ—Мюнцеръ понималъ, въ сущности, ничто иное, какъ общественное состояніе, въ которомъ болѣе не существуетъ никакихъ классовыхъ различій, никакой частной собственности и никакой самостоятельной, чуждой членамъ общества, государственной власти. Всѣ же существующія власти, поскольку онѣ не захотятъ подчиниться и примкнуть къ революціи, должны быть низвергнуты, всѣ работы и всѣ имущества должны сдѣлаться общими; должно быть проведено полнѣйшее равенство"." Его философско-теологическая доктрина затрогивала всѣ основные пункты не только католичества, но и христіанства вообще. Онъ

училъ въ формахъ христіанства, собственно, пантеизму, представлявшему замѣчательное сходство съ современнымъ умозрительнымъ міросозерцаніемъ и даже частично приближавшемуся къ атеизму". На этихъ примѣрахъ прекрасно видно, какъ религіозная оболочка сама себя элиминируетъ, изживаетъ свое содержаніе, дѣлается излишней, какъ излишенъ, хотя бы, напримѣръ, современному рабочему движенію тотъ религіозной аскетизмъ, который когда-то, однако, сослужилъ ему, по мнѣнію Энгельса, свою немаловажную службу.

Взгляды Мюнцера, разумѣется, слишкомъ сильно опережали свое время, а потому раздѣлялись лишь самымъ передовымъ революціоннымъ меньшинствомъ движенія. Это не мѣшало имъ — наоборотъ, скорѣе помогало — играть диктирующую роль, задавать тонъ всему движенію, толкая его впередъ. Исторія не судила этимъ стремленіямъ и людямъ практическаго торжества именно потому, что это были *люди будущаго*... На нихъ частично даже сбылось то, что Энгельсъ считаетъ общимъ закономъ для всѣхъ передовыхъ партій. „Самое худшее, что только можетъ постигнуть вождя крайней партіи,— это если онъ вынуждается принять власть въ эпоху, когда движеніе еще не созрѣло для господства того класса, который онъ представляетъ, и для проведенія тѣхъ мѣръ, которыхъ требуетъ господство этого класса" Получается противорѣчіе между тѣмъ, что онъ *долженъ бы былъ*, и тѣмъ, что онъ *можетъ* сдѣлать. Фактически онъ въ своей дѣятельности, по этому, ограничивается выполненіемъ требованій не своего класса, а того, для котораго созрѣло движеніе. Энгельсъ показываетъ, какъ отразилось это на партіи Мюнцера и какъ ея коммунистическія чаянія разрѣшились на практикѣ въ довольно плоскихъ и компромиссныхъ мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ не столько революціонный въ соціальномъ смыслѣ, сколько соціально-благотворительный или общедемократическій характеръ. Такова, по мнѣнію Энгельса, была бы судьба и современной соціальдемократіи, если бы она преждевременно получила власть. Такимъ образомъ, самое банкротство движенія тамъ, гдѣ оно временно добилось успѣха, Энгельсъ относитъ не на счетъ его

реакціонности, а наоборотъ—на счетъ слишкомъ передового, для своего времени, его характера.

На этомъ мы можемъ считать поконченнымъ вопросъ о томъ, правильно ли считаетъ большинство современныхъ марксистовъ крестьянскія движенія прошлаго „революціонными лишь по внѣшности, но реакціонными по существу“. Если этотъ лассалевскій взглядъ такъ долго и такъ многими принимался за чистое выраженіе ортодоксальнаго марксизма, то это можетъ быть объяснено лишь тѣмъ зачастую поразительнымъ невѣжествомъ относительно дѣйствительныхъ воззрѣній Маркса и Энгельса, которое господствуетъ среди огромнаго большинства рядовыхъ (да и только ли однихъ рядовыхъ?) русскихъ марксистовъ.

Выше мы уже говорили, что во времена „коммунистическаго манифеста“ Марксъ и Энгельсъ не выставляли программы-minimum въ современномъ смыслѣ. Ихъ программа требованій, начертанная въ манифестѣ для „передовыхъ странъ“, предназначена для того времени, когда пролетаріатъ достигнетъ полнаго господства въ государствѣ и сможетъ „послѣдовательно (nach und nach) централизовать въ рукахъ государства всѣ орудія производства“. Существуетъ довольно распространенный взглядъ, будто отрицаніе программы-minimum есть болѣе радикальная, болѣе революціонная постановка партійныхъ задачъ, чѣмъ ея признаніе. Это, конечно, невѣрно. Отрицающіе программу-minimum болѣе революціонны лишь—въ своемъ собственномъ воображеніи. Они перепрыгиваютъ черезъ вопросы, которые должно рѣшить. Такъ какъ программа-maximum есть совокупность требованій, осуществляемыхъ послѣ окончательной побѣды соціалистически-сознательнаго рабочаго класса, то ею еще не разрѣшается вопросъ—а чѣмъ руководиться въ оцѣнкѣ практическихъ завоеваній *до* этой полной побѣды? Этотъ вопросъ сохранялъ свою силу и для Маркса, ибо *до* диктатуры пролетаріата ему не могло быть желательно то, что онъ требовалъ послѣ нея. *До* диктатуры пролетаріата „послѣдовательно централизовать въ рукахъ государства средства производства“ значило бы практиковать *госу-*

дарственный соціализмъ,—но это подходяще для Бисмарковъ, а не для Марксовъ. Возможна, конечно, точка зрѣнія, съ которой всѣ частичныя завоеванія до полной побѣды всегда вредны. Эта точка зрѣнія устранила бы самую постановку этого неразрѣшеннаго вопроса Но бѣда въ томъ, что этой точки зрѣнія никто не держался и не держится,—по крайней мѣрѣ, надолго. Но предположимъ, что дана партія, которая придерживается ея. „Все или ничего“—звучитъ, конечно, очень радикально—если имѣется возможность, имѣются и силы дѣйствительно въ непосредственно-предстоящій моментъ взять разомъ „все“. Если же такой возможности нѣтъ, а есть только наивная, дѣтская вѣра въ нее, то на практикѣ громкая формула претерпѣваетъ чувствительную метаморфозу. Она превращается, примѣрно, въ такую формулу: все—въ неизвѣстномъ будущемъ и нуль—въ настоящемъ.

Но что это значитъ—нуль? На лицо есть извѣстная наличность силъ; она недостаточна для осуществленія „всего“. Но вѣдь она, все-таки, немедленно можетъ быть практически утилизирована. Точка зрѣнія „все или ничего“ *отвергаетъ* такое непосредственное практическое утилизированіе Она ведетъ къ частичному самоосколенію. Такъ, напримѣръ, стоя на точкѣ зрѣнія Маркса-Энгельса конца сороковыхъ годовъ, рабочіе очень „революціонно“ вѣрили бы въ то, что ко времени новой всемірной выставки экспропріированнымъ капиталистамъ ничего бы не осталось, какъ служить гидами для посѣтителей выставки при осмотрѣ бывшихъ „своихъ“ богатствъ. Но, отрицая съ этой точки зрѣнія пользу борьбы за сокращеніе рабочаго дня, они вычеркнули бы совершенно тѣ страницы всемірной исторіи, которыя заполнены этой борьбой, крѣпнувшей въ ея процессѣ организаціей, ростомъ широты движенія, его сознательностью, настойчивостью, выдержкой, т.-е. развитіемъ тѣхъ драгоцѣнныхъ способностей, которыя не вырабатываются самыми благочестивыми пожеланіями разомъ перескочить въ соціалистическій Элизіумъ при помощи одного упавшаго съ неба чаитія революціоннаго вдохновенія.

Мало того. Въ концѣ концовъ, дѣло свелось бы на то же самое (въ принципіальномъ смыслѣ, а не въ частностяхъ, не въ практическихъ формахъ). Предположивъ, что сознательная часть рабочаго класса, не интересуясь частичными завоеваніями, пробовала бы лишь отдѣльными героическими попытками прыгнуть сразу къ конечной цѣли, — мы все-таки, должны были бы признать, что, до поры, до времени, это имѣло бы лишь одно послѣдствіе подъ все усиливающимся напоромъ революціоннаго давленія рабочаго класса правящіе элементы общества — хотя бы съ цѣлью ослабить сознательную часть рабочихъ, отвлекая отъ нея безсознательную—стала бы, время отъ времени, практиковать реформаторскія мѣры. Итакъ, слѣдствіемъ революціонныхъ попытокъ — на этотъ разъ не просто попутнымъ, но и *невольнымъ* ихъ слѣдствіемъ — были бы частичныя уступки. Какъ оцѣнивала бы ихъ сознательная часть рабочаго класса? Возможны двѣ комбинаціи. Или она съ высоты революціоннаго величія одинаково отрицательно относилась бы *ко всѣмъ* реформамъ безъ разбора;—или бы дѣлала среди нихъ извѣстное различеніе: однѣ реформы признавала бы *лишь недостаточными*, другія, кромѣ того, и *вредными*, — иначе говоря, послѣднія она признавала бы не дѣйствительными уступками (хотя бы и недостаточными), а уступками *мнимыми*, въ которыхъ за фальшивой видимостью уступокъ скрываются *ловушки*. Если бы осуществилась первая комбинація — то сознательная часть рабочаго класса своимъ поведеніемъ стала бы въ разрѣзъ съ слишкомъ жизненными интересами массъ; этимъ она вызвала бы ихъ отчужденіе и тѣмъ затормозила бы свою собственную дѣятельность. Изъ ея революціонныхъ попытокъ, какъ мы видѣли, до поры до времени получались бы, все-таки, лишь реформы, но онѣ лишь получались бы менѣе успѣшно—это разъ, а во вторыхъ, среди нихъ былъ бы больше % реформъ обманныхъ— ибо устраненіе сознательной, революціонной части рабочаго класса отъ дѣйствительнаго анализа реформаторской дѣятельности господствующихъ элементовъ общества и замѣна этого анализа огульнымъ абсолютнымъ отрицаніемъ по-

низила бы общую способность рабочихъ массъ оріентироваться въ мѣропріятіяхъ, преподносимыхъ имъ въ качествѣ уступокъ. Если же осуществилась бы вторая комбинація—результаты получились бы слѣдующіе. Изъ различнаго рода частичныхъ уступокъ и реформъ однѣ были бы выдѣлены со знакомъ плюса, какъ дѣйствительныя—хотя еще и недостаточныя — *пріобрѣтенія*, завоеванія рабочаго класса, облегчающія ему дальнѣйшее теченіе борьбы за конечныя свои цѣли; другія же, наоборотъ, со знакомъ *минуса*, какъ ловко замаскированныя препоны въ этомъ революціонномъ шествіи. Но что это значитъ? Если разсмотрѣть всю совокупность реформъ—совершившихся и проэктируемыхъ—къ которымъ партія ставитъ знакъ плюса, то что это такое, какъ не программа minimum въ эмбріонѣ? Мы говоримъ — *въ эмбріонѣ*, ибо ей въ такомъ случаѣ недостаетъ лишь извѣстной полноты, сведенности, гармонизированности и отчетливой, методической формулировки, чтобы вполнѣ стать такой программой. Если при этомъ партія будетъ наивно убѣждена, что у нея *нѣтъ* программы-minimum, то она очутится въ комичномъ положеніи гоголевскаго Акакія Акакіевича, который только на пятидесятомъ году съ изумленіемъ узналъ, что всю жизнь *говорилъ прозой*. Если же партія будетъ лишена такой наивности, но будетъ избѣгать явной формулировки программы-minimum изъ страха якобы неизбѣжно съ этимъ связаннаго оппортунистическаго грѣхопаденія, то это значитъ лишь, что она является политически неискренней и, не желая имѣть *оффиціальной* минимальной программы, довольствуется *оффиціозной;* стыдясь имѣть *явную*, имѣетъ *закулисную*. Такъ обычно и бываетъ съ отрицающими программу-minimum (всевозможные „аполитики“, а у насъ еще сторонники г. Поссе). Они напоминаютъ людей, которые гордо заявляютъ, что отрицаютъ философію; на дѣлѣ это, конечно, значитъ, что они имѣютъ „самодѣльную“ философію — ибо философствуютъ всѣ люди — только зачаточную, туманную и несведенную. Такъ же на дѣлѣ имѣютъ зачаточную и плохую программу-минимумъ и направленія,

громогласно отрицающія ее изъ „принципіальныхъ соображеній".

Но если партія поставлена въ необходимость *практиковать* минимальную программу, не выработавъ ея для себя самостоятельно — она разомъ становится въ опасное положеніе, рискуя въ этой практической сторонѣ своей дѣятельности *смѣшаться* съ другими, „сосѣдними" въ политическомъ смыслѣ партіями. Въ частности, этой опасности не избѣгли Марксъ и Энгельсъ. При всей видимости радикализма ихъ постановки вопроса, при которой въ экономикѣ они отрицали всякія минимальныя требованія, на дѣлѣ эта постановка вопроса—иронія судьбы — практически *сблизила* ихъ съ буржуазнымъ политическимъ радикализмомъ Вотъ что говоритъ по этому поводу Коништедтъ: „Итакъ, вся программа Коммунистическаго Манифеста предназначена не на то время, когда буржуазія еще правитъ въ государствѣ; нѣтъ, осуществленіе всѣхъ ея отдѣльныхъ требованій проэктировано было лишь для времени пролетарской диктатуры. Вплоть до этого времени пролетаріатъ вообще не долженъ былъ вести никакой экономической политики—а только демократическую (въ политическомъ смыслѣ). Его задачею было—*образовать лѣвое крыло буржуазной демократіи, толкать бюргерство* къ его самымъ крайнимъ и послѣднимъ политическимъ цѣлямъ—и затѣмъ, перешагнувъ черезъ нихъ, идти дальше" (курсивъ нашъ). Тоже, по существу, констатируетъ и Мерингъ, который находитъ, что „характеръ тогдашнихъ германскихъ условій требовалъ, чтобы рабочій классъ сначала могъ выступить здѣсь на революціонную арену лишь какъ самое крайнее крыло демократической партіи", причемъ Марксъ и Энгельсъ должны были дѣйствовать, какъ передовые бойцы движенія, „которое еще не могло разъ навсегда написать на своемъ знамени специфически пролетарской идеи". Энгельсъ объясняетъ эту ихъ позицію тѣмъ, что они не хотѣли „оставаться маленькой сектой", подобно старымъ утопистамъ, или играть роль „проповѣдниковъ въ пустынѣ", но стремились къ практическому политическому вліянію и къ образованію партіи дѣйствія. Что

это ихъ стремленіе было стремленіемъ здоровымъ — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; однако, оно вовсе не было необходимо связано съ превращеніемъ въ лѣвое крыло бюргерской демократіи. Марксъ и Энгельсъ вскорѣ сами это увидѣли и выступили изъ демократической организаціи („блока“) съ лозунгомъ болѣе тѣснаго объединенія между собою организацій рабочихъ. Съ этого времени начинается и новая тактика ихъ органа, который до того времени—даже по признанію Меринга „болѣе отстаивалъ интересы буржуазной революціи противъ абсолютизма, чѣмъ интересы пролетаріата противъ буржуазіи“.

Такъ или иначе, но марксизмъ росъ и развивался, учась изъ самыхъ своихъ ошибокъ. Точка зрѣнія статьи объ англійскомъ десятичасовомъ биллѣ, съ ея отрицаніемъ „минимальныхъ“ требованій, была оставлена. Необходимость и въ ближайшей, практической тактикѣ отмежеваться отъ несоціалистической демократіи была понята. Въ программномъ смыслѣ результатъ былъ таковъ: выработка въ Парижѣ, въ дополненіе къ требованіямъ „манифеста“ особой декларации „Требованія коммунистической партіи въ Германіи“. Первыя требованія пріурочивались, какъ мы видѣли, къ эпохѣ диктатуры пролетаріата; вторыя—къ демократической революціи. Послѣднія, такимъ образомъ, относились къ первымъ, какъ въ современныхъ программахъ минимальная часть къ максимальной.

Нашему разсмотрѣнію здѣсь подлежатъ лишь *аграрныя* требованія обѣихъ программъ; остальное ихъ содержаніе выходитъ изъ рамокъ занимающей насъ въ этой книгѣ темы. Перейдемъ же къ этому разсмотрѣнію, замѣтивъ кстати, что „максимальныя“ аграрныя требованія въ особенности не приходится судить слишкомъ строго. Сами авторы „манифеста“ позднѣе отзывались объ отдѣлѣ „требованій“ въ немъ, какъ устарѣвшемъ, и не вносили въ него поправокъ лишь потому, что смотрѣли на „манифестъ“, какъ на извѣстнаго рода историческій документъ, который долженъ сохраняться въ полной неприкосновенности.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что и послѣ „дик-

татуры пролетаріата", по Марксу, предстоитъ не моментальный „скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы", а процессъ творческой работы, централизующей средства производства въ рукахъ государства послѣдовательно, постепенно („nach und nach"). Начинать приходится съ земли, отсюда первое требованіе: „экспропріація поземельной собственности и употребленіе ренты на государственные расходы". Что касается пользованія экспропріированной землей, то оно опредѣляется другими требованіями, такимъ образомъ: „воздѣлываніе и улучшеніе земель по одному общему плану" и, далѣе, „учрежденіе индустріальныхъ рабочихъ армій, въ особенности для земледѣлія". Наконецъ, еще дальше: „Соединеніе индустріальнаго производства съ земледѣліемъ, воздѣйствіе въ смыслѣ постепеннаго устраненія различія между городомъ и деревней".

Убѣжденіе, что такого рода требованія могутъ разсматриваться, какъ подлежащія непосредственному практическому осуществленію при помощи диктатуры пролетаріата (а извѣстно, что въ передовыхъ странахъ Марксъ и Энгельсъ надѣялись на ближайшее осуществленіе этой диктатуры), конечно, лишній разъ свидѣтельствуетъ, насколько малымъ въ эту эпоху было пониманіе Марксомъ и Энгельсомъ природы земледѣльческаго производства. „Воздѣлываніе полей по одному общему плану"! Стоитъ только подумать о крайнемъ, неисчерпаемомъ разнообразіи земледѣльческихъ культуръ, въ связи съ различными сортами хлѣбовъ, овощей, фруктовыхъ деревьевъ, кормовыхъ злаковъ, въ связи далѣе съ различіями въ климатѣ, въ почвѣ! Чѣмъ дальше идетъ развитіе земледѣлія, тѣмъ яснѣе обнаруживается, насколько въ этой области принципъ широкой децентрализаціи долженъ торжествовать надъ тѣмъ принципомъ всеобъемлющей централизаціи, который рисовался Марксу прежде всего въ видѣ даваемаго сверху, государствомъ, „единаго общаго плана" для воздѣлыванія полей. Другая сторона того же централистическаго плана заключается въ томъ, что обработка полей все болѣе и болѣе начинаетъ производиться организо-

ванными для этого „рабочими арміями“. Этотъ дальнѣйшій шагъ по пути государственнаго веденія агрикультуры связанъ, какъ само собою понятно, съ цѣлымъ рядомъ еще новыхъ и большихъ трудностей. Съ этой точки зрѣнія достаточно посмотрѣть на современныя государственныя имущества Мы не говоримъ, конечно, о государственныхъ имуществахъ полуевропейскихъ, полуазіатскихъ странъ, гдѣ подкупная, хищническая и неумѣлая администрація доводитъ всѣ пороки бюрократическаго механизма до его мыслимыхъ крайностей. Нѣтъ, возьмемъ передовыя, демократическія страны (какъ хотя бы Англія) или такія страны, гдѣ „хозяйственная дѣловитость“ администраціи представляетъ собою историческую традицію (какъ Германія). Вездѣ наивыгоднѣйшимъ способомъ использованія государственныхъ имуществъ оказалась сдача ихъ въ аренду. Центральное веденіе „по одному плану“ хозяйства столкнулось здѣсь съ тѣмъ, что единые шаблоны менѣе всего примѣнимы къ земледѣлію, гдѣ ничѣмъ нельзя замѣнить свободной инициативы, соединенной съ любовью къ дѣлу, заинтересованностью въ немъ, хозяйственной заботливостью и всестороннимъ знаніемъ даннаго участка. Работа производится не въ мастерскихъ, облегчающихъ контроль, а на весьма различныхъ, часто отдаленныхъ другъ отъ друга поляхъ; необходимо, въ зависимости отъ погоды, быстро принимать тѣ или другія мѣры, и всякая централизація, необходимость сношеній по инстанціямъ и т. п., здѣсь менѣе всего цѣлесообразны. Всякія улучшенія, легко видимыя на мѣстѣ, здѣсь труднѣе всего обнаружить изъ отдаленнаго хозяйственнаго „центра управленія“. Съ этими и еще другими многочисленными трудностями не могла еще справиться до сихъ поръ даже самая образцовая организація управленія доменами, съ ея всевозможными вспомогательными мѣрами, какъ премія за удачное веденіе дѣла, отвѣтственность чиновниковъ за minimum дохода, участіе ихъ въ прибыляхъ и т. п. Легко себѣ представить, что случилось бы, если бы „диктатура пролетаріата“ (да еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія!) попыталась бы внести въ область земледѣлія,

этого царства разрозненнаго мелкаго производства и крестьянскаго хозяйственнаго индивидуализма, свои централистическіе планы новаго хозяйственнаго строительства. Это было бы практическое банкротство новыхъ плановъ, и, какъ результатъ ихъ, не только дискредитированіе ихъ въ глазахъ живущаго и будущихъ поколѣній, но и, дѣйствительно, болѣе чѣмъ вѣроятная „крестьянская война“ противъ новаго режима—крестьянская война, о неизбѣжности которой (какъ и ея усмиренія рессурсами „диктатуры пролетаріата“) пророчествовалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ Энгельсъ. Но бѣда въ томъ, что побѣдоносной въ концѣ концовъ оказалась бы не партія будущаго, и вина за ея банкротство падала бы не на внѣшнія для нея силы, а на ея собственную внутреннюю несостоятельность.

Что касается послѣдняго требованія, то его даже нельзя назвать требованіемъ. Коллективистское соединеніе индустріи съ земледѣліемъ въ противоположность ихъ буржуазно-капиталистическому разводу; коллективистское устраненіе различій между городомъ и деревней въ противоположность ихъ рѣзкой дифференціаціи въ буржуазно-капиталистическомъ строѣ — все это черты новаго общественнаго идеала, и, какъ таковыя, намѣчены въ „манифестѣ“ совершенно правильно. Но формулировка ихъ такъ обща, что отнесеніе ихъ въ рядъ *конкретныхъ требованій* совершенно неправильно. Ими намѣчаются и частично характеризуются великія историческія цѣли грядущаго хозяйственнаго переворота, но не практическія мѣры къ воплощенію этихъ цѣлей.

„Такова, въ общихъ чертахъ, аграрная программа-максимумъ „манифеста“. Она выставлялась, какъ практически-ближайшая программа, какъ непосредственная Actionsprogramm „для наиболѣе передовыхъ странъ“ („für die fortgeschrittensten Länder“). Оставались, однако, страны отсталыя. Для нихъ-то даже въ эту эпоху должны были признать необходимость иныхъ предварительныхъ мѣръ сами Марксъ и Энгельсъ. Отсюда—ихъ первые абрисы аграрной программы-minimum

Вопросъ объ этой программѣ представляетъ нѣкото-

рый специфическій интересъ современности. Дѣло въ томъ, что русскіе марксисты уже не разъ пытались по отдѣльнымъ статьямъ Маркса самаго ранняго періода реконструировать его тогдашніе взгляды на практическую аграрную программу. Дѣлалось это, само собою разумѣется, въ пику русскому „соціаль-народничеству“, имѣвшему возможность ссылаться на сочувственные отзывы Маркса о русской общинѣ. Врядъ ли однако, можно назвать остроумнымъ полемическій пріемъ этого рода Вѣдь это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ апеллировать къ рудиментарному марксизму противъ марксизма, умудреннаго историческимъ опытомъ. Вѣдь это значитъ косвенно сознаваться въ рудиментарности собственныхъ взглядовъ, въ томъ, что послѣ историческаго опыта, протекшаго съ 1848 г., „ученики“, въ противоположность своимъ учителямъ, „ничего не забыли и ничему не научились“.

Не говоря уже о самоубійственности даннаго метода полемики въ самомъ его существѣ, приходится сказать, что и пользуются имъ марксисты не всегда удачно: основательность ихъ ссылокъ нерѣдко хромаетъ на обѣ ноги. Такъ, въ посрамленіе соціалистовъ-революціонеровъ органъ г. Ленина, „Впередъ“, съ большой помпой сообщилъ своимъ читателемъ о старой (1846 г.) полемикѣ Маркса противъ одного изъ его современниковъ, Германа Криге, который, увлекшись въ Америкѣ проповѣдью націонализаціи земли, по мнѣнію „Впереда“ —„совсѣмъ какъ наши соціалисты-революціонеры, облекалъ вопросъ объ аграрной революціи въ пышныя, широковѣщательныя фразы“. Марксъ, по мнѣнію того же „Впереда“, „бичуетъ его именно за тѣ черты его воззрѣній, которыя мы видимъ теперь у нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“: господство фразы, мелкобуржуазныя утопіи, выставляемыя въ качествѣ высшаго революціоннаго утопизма (соціализма? *Ред.*), непониманіе реальныхъ основъ современнаго хозяйственнаго строя и его развитія“.

Оставимъ пока въ сторонѣ эти безсодержательныя фразы о какихъ-то нашихъ якобы „фразахъ“, „непониманіяхъ“ и „утопіяхъ“ и обратимся къ провѣркѣ исторической параллели „Впереда“.

Что такое представлялъ собою Германъ Криге и насколько похожъ онъ былъ на насъ, соціалистовъ-революціонеровъ?

Мы, прежде всего, добиваемся въ аграрномъ вопросѣ *соціализаціи* земли, т. е. упраздненія всей частной поземельной собственности; передачи этой земли въ общественное распоряженіе, на началахъ широкой децентрализаціи этого распоряженія—съ формальной стороны, и на началахъ организаціи уравнительнаго пользованія ею—со стороны реальной. Мы отводимъ при этомъ существенную роль демократически организованной *общинѣ* и высшимъ соединеніемъ общинъ: примѣрно, волостному, земскому, областному союзу. Высшимъ коллективностямъ по отношенію къ низшимъ мы при этомъ даемъ слѣдующія функціи: 1) уравнивать тѣмъ или другимъ способомъ землепользованіе отдѣльныхъ общинъ, считаясь, при распредѣленіи земель, общественныхъ повинностей, сборовъ на общія нужды etc. съ разницей въ плодородіи почвы, системѣ хозяйства, густотѣ населенія и т. д. 2) болѣе непосредственно распоряжаться такого рода природными благами, пользованіе которыми, по самому своему существу, выходитъ изъ узкихъ рамокъ отдѣльной общины (лѣсныя угодья, рыбныя ловли, нѣдра земли), и 3) завѣдывать резервнымъ земельнымъ фондомъ, т. е. пространствами, обработка которыхъ при данной плотности населенія и системѣ хозяйства еще невыгодна, но которыя при дальнѣйшемъ увеличеніи населенія или интенсификаціи хозяйства поступятъ въ составъ культурной площади.

Что касается опредѣленія нормъ земельнаго надѣленія на каждую общину, то какъ максимальная, такъ и минимальная нормы опредѣляются естественными данными. *Поглощеніе всей рабочей силы взрослаго населенія*—таковъ естественный максимальный предѣлъ землепользованія; *удовлетвореніе въ нормальныхъ гигиеническихъ размѣрахъ потребленія*—такова минимальная норма. Въ зависимости отъ степени интенсивности или экстенсивности хозяйства та и другая норма выразится въ большей или меньшей площади земли. Итакъ, нормы эти текучи, и потому предполагаютъ не какой-нибудь

одинъ, на вѣки годный „черный передѣлъ“, а постоянное регулированіе уравнительности землепользованія на мѣстахъ. Хозяйственное самоуправленіе въ общинѣ, мелкой и крупной земской единицѣ и т. д., т. е. широкая *децентрализація* въ дѣлѣ регулированія уравнительности пользованія—есть необходимая предпосылка соціализаціи земли. Совпадаетъ ли норма земельнаго надѣленія съ максимальной, или минимальной нормой, или же пройдетъ гдѣ-нибудь по серединѣ—это каждый разъ будетъ зависѣть отъ того, насколько поддерживается или нарушается равновѣсіе между ростомъ земледѣльческаго населенія и ростомъ производительныхъ силъ. Ростъ же производительныхъ силъ предполагаетъ улучшенныя средства производства, кооперацію, коллективизацію труда. Наша система открываетъ широкій просторъ обобществленію труда снизу, сознательными усиліями самихъ производителей,—и въ этомъ отношеніи ею учитывается тотъ перевѣсъ отрицательныхъ, разрушительныхъ сторонъ надъ положительными, организующими, которымъ характеризуется капитализмъ въ аграрной области. Въ то же время соціализація земли для насъ есть часть минимальной программы, т. е. разсматривается нами не какъ „разрѣшеніе соціальнаго вопроса“ въ деревнѣ, а лишь какъ созданіе прочнаго базиса для дальнѣйшей борьбы за это разрѣшеніе. Соціализація земли еще не разрѣшаетъ вопроса о другихъ, необходимыхъ въ земледѣліи, средствахъ производства. Обезпеченіе ими (какъ и сѣменами для посѣва и др. сырыми матеріалами и продуктами) можетъ и должно быть функціей демократически управляемой и служащей не землевладѣнію и не капиталу, а труду, *агрономической организаціи*. Соціализація земли еще не устраняетъ эксплуатаціи крестьянъ денежнымъ, кредитно-ростовщическимъ, торговымъ капиталомъ, несправедливой системой налоговъ и т. п. Слѣдовательно, продолжается борьба, противъ всѣхъ этихъ силъ современнаго общества, борьба которая только съ полнымъ уничтоженіемъ этихъ силъ (т. е. экспропріаціей всѣхъ экспропріаторовъ) придетъ къ своей конечной цѣли. Итакъ, мы ни мало не идеализируемъ

соціализаціи земли. Мы считаемъ такого рода земельные распорядки естественнымъ базисомъ для дальнѣйшей агитаціи среди крестьянъ, имѣющей однимъ изъ своихъ лозунговъ развитіе общиннаго хозяйства, распространеніе кооперативныхъ началъ, послѣдовательный переходъ къ коллективной обработкѣ полей съ дѣлежомъ продукта. Все это, кромѣ непосредственнаго улучшенія положенія массъ, служитъ цѣлямъ наглядной пропаганды выгодъ крупнаго, общественнаго хозяйства, уже не только въ маломъ масштабѣ, а въ общенаціональныхъ предѣлахъ, т. е. хозяйства соціалистическаго. Необходимымъ условіемъ такой программы является организація трудового земледѣльческаго населенія, для систематической борьбы противъ всѣхъ эксплоататорскихъ и антисоціальныхъ элементовъ, въ синдикаты, кооперацін, въ политическія организаціи, добивающіяся власти въ общинномъ, волостномъ, земскомъ, областномъ самоуправленіи, какъ и центральномъ народномъ представительствѣ, и борющіяся рука объ руку съ другою частью рабочаго класса, индустріальнымъ пролетаріатомъ, противъ общихъ враговъ, за установленіе *единаго* планомѣрно ведомаго общественнаго хозяйства, въ которое деревенскія производительныя общины вросли бы, какъ естественная составная часть, на началахъ сознательной общественной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу.

Посмотримъ теперь, что общаго съ этой общественной программой имѣетъ соціальная философія Германа Криге.

Прежде всего, насколько можно судить по статьѣ Маркса, Криге даже и не говорилъ объ обращеніи *всей* земли въ общественную собственность. Онъ только настаивалъ, вмѣстѣ съ частью американскихъ. „національ-реформаторовъ“, на томъ, „чтобы 1400 милліоновъ акровъ земли (сѣв. америк. государственныя земли) были сохранены, какъ неотчуждаемое общее достояніе всего человѣчества“. Правда, это все-таки огромная территорія; но, какъ бы то ни было, слѣдуетъ отмѣтить, что планъ Криге вполнѣ мирился съ тѣмъ, что нѣкоторое количество земель спекулянтами уже расхищено, расхватано, и не заикался объ экспропріаціи у

похитителей; ибо, какъ выражался Криге, „мы не хотимъ касаться собственности ни у одного человѣка; и что ростовщикъ однажды получилъ, онъ можетъ удержать у себя“. Это разъ. Второе, и весьма существенное: централистическое распоряженіе землей. Съ одной стороны, по плану Криге, стоитъ государственная власть, раздающая во владѣніе землю, повидимому, на началахъ безсрочной или вѣчно-наслѣдственной аренды; съ другой—разрозненные, индивидуальные кандидаты на полученіе. Третья характерная черта: чисто механическій, а потому мнимый критерій „уравнительности“ землепользованія. Криге предлагалъ, именно, предоставлять каждому крестьянину 160 акровъ американской земли для прокормленія“.—„160 акровъ земли—смѣется по этому поводу Марксъ—представляются ему въ качествѣ вѣчно остающейся равною самой себѣ нормы, какъ будто бы цѣнность такой земельной площади не различна, смотря по ея качеству“.

Не стоитъ терять словъ по поводу первой же характерной черты плана Криге—неприкосновенности уже установившейся собственности. Она, конечно, прекрасно вяжется съ общей его тенденціей, которую Марксъ опредѣляетъ, какъ „лицемѣрное изображеніе коммунизма въ качествѣ силы, явившейся „не разрушить, а исполнить“ существующія дурныя условія вмѣстѣ съ иллюзіями, которыми расцвѣчиваютъ ихъ буржуа“. Какъ видите, все это очень похоже на программу соціалистовъ-революціонеровъ: такъ же, какъ свинья на пятиалтынный, или авторъ цитируемой статьи изъ „Впереда“ на честнаго и добросовѣстнаго критика. Не менѣе похоже на нашу программу и все дальнѣйшее. Въ планѣ Криге совершенно не замѣчается даже тѣни желанія считаться съ необходимостью развитія производительности земледѣлія, примѣненія машинъ, меліораціи въ широкихъ размѣрахъ, вообще развитія кооперацiи, раздѣленія труда и т. д. Обособленныя, самодовлѣющія 160-ти-акровыя хозяйства разрѣшаютъ всѣ вопросы. Это дало извѣстный поводъ Марксу замѣтить, что „не во власти законодателей декретами остановить развитіе желаннаго для Криге патріархальнаго строя въ инду-

стріальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточнаго берега назадъ въ патріархальное варварство". Далѣе. Въ своихъ 160-акровыхъ надѣлахъ Криге видѣлъ не просто временное улучшеніе положенія землевладѣльцевъ, но и *полное разрѣшеніе* соціальнаго вопроса, и даже не только въ деревнѣ, но и въ городѣ. „*Каждый бѣднякъ* тотчасъ же превращается въ полезнаго члена человѣческаго общества, разъ ему обезпечатъ возможность производительной работы. *Такая возможность будетъ обезпечена для него навсегда*, если общество дастъ ему кусокъ земли, на которомъ онъ можетъ прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (все тѣ же 1400 милліон. акровъ) будетъ изъята изъ торговаго оборота и въ опредѣленныхъ количествахъ обезпечена труду, *тогда нищетѣ въ Америкѣ будетъ положенъ однимъ ударомъ конецъ*" Такимъ же точно образомъ въ одной статьѣ Криге утверждалъ, что достаточно Нью-Іорку сдѣлать должное употребленіе изъ своихъ 52.000 акровъ земли, чтобы „сразу" освободить Нью-Іоркъ навсегда „отъ всякаго пауперизма, нищеты и преступленій". Словомъ, какъ видите, съ этой точки зрѣнія достаточно имѣть большую площадь общественныхъ земель и дѣлить ихъ на индивидуальные участки, чтобы упразднить всѣ бѣдствія существующаго строя. Никакого соціализма, никакого перехода индустріальныхъ средствъ производства въ руки общества не надобно. Торговый, промышленный и кредитный капиталъ могутъ оставаться неприкосновенными. И потому Марксъ былъ вполнѣ правъ, когда иронизировалъ надъ Криге: хорошо, пусть земля не будетъ попадать „въ руки грабителей спекуляторовъ"; но вѣдь въ ихъ руки могутъ попадать *продукты* земли; развѣ это не одно и то же?*).

Словомъ, грубость, упрощенность, примитивность политической экономіи Криге поразительны. Индивиду-

*) „Ist es nicht einerlei?"—Мимоходомъ сказать, Марксъ здѣсь впадаетъ въ другую крайность; это разумѣется, далеко не совсѣмъ „одно и то же", хотя спекуляція не перестаетъ быть „грабительской" и требуетъ соотвѣтственной борьбы противъ себя.

альное хозяйство—центръ всей системы. Никакой революціонной струи, накакого стремленія двинуть впередъ обобществленіе собственности и труда во всѣхъ отрасляхъ жизни (по крайней мѣрѣ, судя по изложенію Маркса)—у него и слѣда нѣтъ. Раскритиковать подобную систему было, конечно, не трудно. Однако, нельзя не отмѣтить, что Марксъ въ своей критикѣ кое въ чемъ самъ грѣшитъ—не противъ Криге, конечно, система котораго ниже всякой критики—а противъ дѣйствительности. Именно: по его мнѣнію, достаточно уже того, что крестьяне, работая на неотчуждаемой землѣ (на началахъ, скажемъ, вѣчно-наслѣдственной аренды), мѣняются между собою и съ третьими лицами продуктами своего труда: „разъ дѣло дойдетъ до этого, то *скоро* окажется, что одинъ крестьянинъ и безъ капитала, благодаря своему труду и большей плодородности своихъ 160 акровъ, доведетъ другого до положенія своего батрака“. Однако, не слишкомъ ли ужъ это *скоро*, и даже скоропалительно? Маркса статей о Криге можно для разрѣшенія этого вопроса отослать къ Марксу „Капитала“. Тамъ, въ послѣдней главѣ I-го тома („Новѣйшая теорія колонизаціи“ разъяснено, что не только „безъ капитала“, но даже и съ капиталомъ, и не малымъ, въ колоніяхъ, гдѣ доступъ къ землѣ свободенъ, часто ничего не подѣлаешь. „Въ колоніяхъ владѣніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими орудіями производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ... Здѣсь повсюду капиталистическій способъ производства наталкивается на препятствія, предоставляемыя собственностью, пріобрѣтенной собственнымъ трудомъ, и производителями, которые, въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ своихъ собственныхъ условій труда, сами обогащаются своимъ трудомъ, вмѣсто того, чтобы обогащать имъ капиталистовъ“. Отсюда то происходитъ, что капиталисты, начиная въ такихъ колоніяхъ предпріятія, привозятъ съ собой не только свой капиталъ, но даже и достаточный запасъ наемныхъ рабочихъ; но тутъ оказывается, что они „все предвидѣли, забыли только вывезти вмѣстѣ съ собой капиталистическія условія производства“. По-

этому „скоро“ оказывается не то, что предвидѣлъ Марксъ 1846 года, а совсѣмъ другое: оказывается, что эти капиталисты привозятъ на свой счетъ... своихъ собственныхъ будущихъ конкуррентовъ! И вмѣсто того, чтобы одинъ крестьянинъ, „и безъ капитала“ скоро превращалъ сосѣда въ батрака, оказывается вотъ что: „Сегодняшній наемный работникъ дѣлается завтра независимымъ крестьяниномъ или ремесленикомъ, имѣющимъ собственное хозяйство.. Это постоянное превращеніе наемнаго работника въ независимаго производителя очень вредитъ состоянію рынка наемнаго труда. Не только степень эксплуатаціи работника становится низкой до неприличія, но послѣдніе вмѣстѣ съ зависимыми отношеніями теряютъ также „чувство зависимости“ отъ „воздерживающагося капиталиста“. Отсюда необходимость искусственныхъ мѣръ, грубыхъ или утонченныхъ, явныхъ или замаскированныхъ, чтобы если не устранить, то ослабить такого рода „безпорядки“...

Что Марксъ 1846 года можетъ многому научиться у Маркса 1867 года — это неудивительно. Но что марксисты 1905 года регрессируютъ отъ Маркса 1867 года къ Марксу 1846 года—это обстоятельство, передъ которымъ, дѣйствительно, остается только развести руками. Впрочемъ, въ наукѣ такія явленія извѣстны и отчасти изучены. Люди науки называютъ ихъ *историческими переживаніями* или явленіями *регрессивной эволюціи*.

Въ связи съ указанной юношеской ошибкой Маркса, ошибкой, которую устранило болѣе глубокое изученіе экономическихъ явленій, предпринятое имъ въ зрѣлые годы, стоятъ и кое какія другія слишкомъ поспѣшныя заключенія. Таково его утвержденіе, что однимъ изъ „необходимыхъ послѣдствій“ раздѣленія земли на индивидуальныя хозяйства будетъ „концентрація“, и что при этомъ даже безразлично, попадетъ ли въ сферу товарнаго круговорота земля или только продукты земли. Здѣсь сказалась та самая „марксистская догма“, самое существованіе которой теперь оспариваетъ г. Плехановъ*). Кромѣ того, стоитъ отмѣтить тогдашнее глубо-

*) См. его предисловіе къ статьѣ Энгельса „Крестіянскій вопросъ во Франціи и Германіи“.

кое убѣжденіе Маркса, будто „не во власти законодателя“ остановить развитіе патріархальнаго строя въ индустріальный или отбросить „назадъ въ патріархальное варварство“ промышленныя мѣстности. Этотъ взглядъ соотвѣтствовалъ тѣмъ увеличеніямъ Маркса и Энгельса въ области преувеличенія силы стихійнаго экономическаго развитія, въ которыхъ позднѣе сознавался Ф. Энгельсъ. Увы, теперь мы слишкомъ хорошо знаемъ, что иные „законодатели“ своимъ веденіемъ государственнаго хозяйства и финансовъ могутъ надолго затормозить развитіе производительныхъ силъ страны, остановить его или отбросить „назадъ въ патріархальное варварство“. Теперь мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ сильно могутъ иногда „политическія надстройки“ вліять на „экономическій фундаментъ“. Но наши ортодоксальные марксисты этимъ не мало не смущаются. Имъ достаточно откопать хотя бы изъ самыхъ раннихъ произведеній Маркса полемическій отрывокъ, въ которомъ можно выудить хоть маленькое, хоть самое поверхностное, чисто словесное сходство съ ихъ полемикой противъ нашей программы (они вѣдь слишкомъ часто мыслятъ *словами*, а не *понятіями*), и они уже довольны. Что за дѣло до того, что данный отрывокъ отразилъ на себѣ эпоху дѣтства марксизма! Подъ старость впадать въ дѣтство неудивительно,—а русскій марксизмъ, видно, все болѣе старѣетъ, изживаетъ себя,—отсюда и возвращеніе къ своему собственному историческому дѣтству, возвращеніе къ рудиментарнымъ формамъ марксизма...

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ это не называется мыслить словами вмѣсто понятій? Подхвативъ у Криге слова „изъять изъ торговаго оборота“ государственныя земли и „обезпечить ихъ труду“, редакція „Впередъ“ съ торжествомъ дѣлаетъ къ этому мѣсту отъ себя примѣчаніе: „Вспомните, что писала „Р. Рос.“ начиная съ № 8, о перетеканіи земли отъ капитала къ труду, о государственныхъ земляхъ въ Россіи, объ уравнительномъ землепользованіи, о буржуазной идеѣ вовлеченія земли въ торговый оборотъ и пр. Совсѣмъ какъ Криге!“ Дѣйствительно, въ Рев. Россіи утверждалось, что твердыми данными земской статистики установленъ этотъ фактъ: мѣстами у насъ совершается стихійный экономическій

процессъ перетеканія земли отъ капитала къ труду. Бѣда лишь въ томъ, что у Криге намъ неизвѣстно подобныхъ утвержденій для Америки. Дѣйствительно, мы писали о значеніи русскаго государственнаго земельнаго фонда, но только не о *достаточности*, а, наоборотъ, о полнѣйшей *недостаточности* его для удовлетворенія земельной нужды даже русскаго крестьянства, (не говоря уже о „крестьянахъ, изъ какихъ бы странъ они ни происходили)". Дѣйствительно, мы писали объ уравнительномъ земленользованіи—но никогда этой идеи мы не пробовали втиснуть въ нелѣпыя рамки раздѣла государственнаго фонда на фактивно равные, пространственно одинаковые куски территоріи, раздаваемые бюрократіей отдѣльнымъ вѣчно-наслѣдственнымъ арендаторамъ Что касается протеста противъ буржуазной идеи пустить въ торговый оборотъ государственный поземельный фондъ, то. развѣ не протестовалъ противъ нея Марксъ, и не менѣе, а гораздо болѣе рѣшительно и послѣдовательно, чѣмъ Криге?

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ составленныя имъ „Forderungen der Kommunistischen Partei in Deutschland". Они приведены цѣликомъ въ Энгельсовскомъ предисловіи ко второму изданію „Enthullungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln" Карла Маркса*). Согласно этимъ требованіямъ, „княжескія и иныя феодальныя поземельныя владѣнія... превращаются въ государственную собственность. На этихъ поземельныхъ владѣніяхъ ведется земледѣліе въ крупныхъ размѣрахъ, при помощи са-

*) Подписаны членами Центральнаго Комитета· Марксомъ, Шапперомъ, Бауэромъ, Энгельсомъ, Моллемъ и Вольфомъ. Требованія эти являются, несомнѣнно, программой-минимумъ. Въ ихъ число входитъ· жалованье народнымъ представителямъ, „чтобы и рабочіе могли засѣдать въ парламентѣ"; *„ограниченіе* права наслѣдства"; предоставленіе транспортныхъ средствъ для пользованія *„неимущимъ* классамъ" и т. п. Мотивируя аналогичныя минимальныя требованія, Марксъ позднѣе, въ „Ansprache der Zentral-behörde an den Bund" въ мартѣ 1850 г. писалъ, что „рабочіе, конечно, въ началѣ движенія еще не могутъ предлагать никакихъ непосредственно коммунистическихъ мѣропріятій"—„Die Arbeiter können natürlich im Anfange der Bewegung noch keine direct Kommunistische Massregeln vorschlagen".

мыхъ современныхъ вспомогательныхъ средствъ, выработанныхъ наукой, въ интересахъ всего общества". Далѣе, „ипотечные долги, лежащіе на крестьянскихъ владѣніяхъ, объявляются государственной собственностью; проценты по этимъ долгамъ уплачиваются крестьянами государству". Наконецъ, „въ мѣстностяхъ, гдѣ развита арендная система, поземельная рента или арендная плата въ видѣ особаго налога уплачиваются государству". Какъ видите, въ однихъ случаяхъ путемъ прямой экспропріаціи земли, въ другихъ—путемъ косвеннымъ (посредствомъ экспропріаціи поземельной ренты или ипотечнаго долга) дѣлаются такіе крупные шаги къ соціализаціи земли (въ чрезвычайно централистической формѣ, въ формѣ *націонализаціи*), какіе не снились Герману Криге. Стоитъ отмѣтить, что заключительныя слова манифеста съ этими требованіями гласятъ, что „въ интересахъ нѣмецкаго пролетаріата, мелкаго городского и крестьянскаго сословія—со всей энергіей работать для проведенія этихъ мѣропріятій въ жизнь".

Въ связи съ этой точкой зрѣнія у Маркса и Энгельса выработалось опредѣленное отношеніе къ различнымъ фракціямъ англійскаго чартизма. Революціонной его фракціей они признавали ту, которая стояла за націонализацію въ аграрномъ вопросѣ. По ихъ мнѣнію, именно къ этой фракціи принадлежала „масса рабочихъ, живущихъ въ дѣйствительно пролетарскихъ условіяхъ существованія". Наоборотъ другой, „чисто демократической" фракціи, ограничивающейся „мелкобуржуазными реформами", они приписывали и соотвѣтствующій личный составъ: мелкое мѣщанство вмѣстѣ съ рабочей аристократіей. „Главнымъ пунктомъ столкновенія обѣихъ фракцій чартизма является земельный вопросъ. О'Конноръ и его фракція хотѣли использовать „хартію" для того, чтобы перенести часть рабочихъ на мелкія земельныя парцеллы и сдѣлать, въ концѣ концовъ, парцеллированіе земли въ Англіи явленіемъ всеобщимъ... Тенденція всякой буржуазной революціи раздробить крупныя поземельныя владѣнія въ теченіе извѣстнаго времени могла создать у англійскихъ рабочихъ представленіе объ этомъ парцеллированіи, какъ о чемъ-то революціономъ, хотя оно пра-

вильно дополняется непзмѣнной тенденціей мелкой собственности концентрироваться и гибнуть подъ напоромъ крупной агрикультуры Что же касается революціонной фракціи чартистовъ, то этому требованію парцеллированія земельной собственности она противопоставляла требованія конфискаціи всей земельной собственности и домогалась, чтобы она не была подѣлена, а оставалась собственностью всей націи. *)

Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ понять и тѣ мѣста въ полемикѣ Маркса противъ Криге, которыя приводятся, но увы, недостаточно хорошо понимаются „Впередомъ“; мѣста, въ которыхъ ярко сказывается *положительное* отношеніе къ стремленію теперь же, ранѣе полнаго соціалистическаго переворота, изъять землю изъ частной собственности и передать въ общественную. Эти мѣста ярко показываютъ, *въ чемъ именно* усматривалъ Марксъ ошибку Криге.

„Если бы Криге понялъ движеніе въ смыслѣ „освобожденія земли“, какъ необходимую при опредѣленныхъ условіяхъ первую форму пролетарскаго движенія, если бы онъ его понялъ, какъ движеніе, которое, вслѣдствіе жизненнаго положенія породившаго его класса, необходимо должно развиться далѣе въ коммунистическое; если бы онъ показалъ, какимъ образомъ въ Америкѣ коммунистическія тенденціи должны были первоначально выступить въ этихъ аграрныхъ формахъ, по внѣшности противорѣчащихъ всякому коммунизму — то противъ всего этого ничего нельзя было бы сказать. Но вѣдь онъ объявляетъ извѣстную, въ сущности лишь подчиненную форму движенія опредѣленныхъ реальныхъ людей „дѣломъ всего человѣчества“, выставляетъ эту форму движенія, наперекоръ тому, что самъ отлично знаетъ, послѣднею, высшею цѣлью всякаго движенія вообще и такимъ образомъ превращаетъ конкретныя цѣли движенія въ чистую и неимовѣрную безсмыслицу“.

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Мы всецѣло признаемъ движеніе американскихъ національ-реформаторовъ въ его историческомъ оправда-

*) „Aus dem lit Nachlass“, III, s. 469

ніи. Мы знаемъ, что это движеніе стремится къ результату, который для даннаго момента благопріятствовалъ бы индустріализму современнаго бюргерскаго общества, но который, какъ результатъ пролетарскаго движенія, какъ нападеніе на собственность, долженъ, какъ вообще такъ въ особенности при современныхъ американскихъ условіяхъ, вести, благодаря своимъ собственнымъ послѣдствіямъ, къ коммунизму".

Итакъ, какъ видите, въ основѣ самаго стремленія теперь же напасть на частную собственность въ этомъ уязвимомъ пунктѣ — въ поземельной области — Марксъ не видѣлъ никакой ошибки. Ошибка начинается тогда, когда эту *частную* цѣль движенія превращаютъ въ *конечную* цѣль, когда ее дѣлаютъ не исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго нападенія на частную собственность, а послѣднимъ этапомъ пути. Лишь въ этомъ случаѣ „аграрный соціализмъ" дѣлается одностороннимъ, исключительнымъ ученіемъ, вступающимъ въ противорѣчіе съ послѣдовательной и всесторонней концепціей соціализма. Напомнимъ здѣсь кстати, что и позднѣе, въ началѣ 60-хъ годовъ, Марксъ писалъ въ своихъ письмахъ къ Кугельману*): „Ich war aber von eher uberzeugt, dass die sociale Revolution vom Grund aus, das heisst vom Grund und Bodeneigenthum aus ernsthaft anfangen muss", („я, впрочемъ, издавна былъ убѣжденъ, что соціальная революція въ серьезъ должна начаться *съ самаго основанія*, т.-е. съ собственности *на землю*" (въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: Grund — основаніе и Grund—земля).

Но это мы и утверждаемъ, когда выдвигаемъ на первый планъ, какъ жизненную и неотложную задачу ближайшей русской революціи, переворотъ въ поземельно-собственническихъ отношеніяхъ, замѣну частной собственности—общественной, т.-е. *соціализацію земли*,— и когда разсматриваемъ эту соціализацію земли, какъ исходную точку грядущаго историческаго поворота и грядущихъ битвъ труда съ капиталомъ, которыя завершатся осуществленіемъ интегральнаго соціализма.

*) Briefe von K. Marx an D-r L. Kugelmann, „Neue Zeit", XX Iahrg, № 6, s. 191.

* * *

Другая попытка дискредитировать нашу аграрную программу, противопоставивши ей аграрныя воззрѣнія марксизма конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, сдѣлана была г. Плехановымъ въ вопросѣ объ общинѣ.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ не только не относится отрицательно къ крестьянской общинѣ, но, напротивъ того, считается съ ней, какъ съ явленіемъ жизненнымъ, естественно выросшимъ и способнымъ къ развитію. Наше требованіе соціализаціи земли заключается не въ какомъ-то кабинетномъ планѣ, который долженъ быть осуществленъ, сверху внѣдренъ въ жизнь магическою силою декретовъ. Онъ опирается на реальныя силы, на совершенно конкретные элементы наличной экономической дѣйствительности. Община, освобожденная отъ бюрократическихъ и сословныхъ путъ, не перестанетъ при этомъ быть одною изъ ячеекъ новаго строя землепользованія. Въ ея рукахъ сосредоточится не мало функцій по распоряженію извѣстными родами и количествами земли. Ей будетъ предоставлено осуществленіе начала уравнительности во внутри-общинныхъ отношеніяхъ, въ наиболѣе практичныхъ и соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ формахъ. Стоящіе надъ нею общественно-правовые союзы, какъ, напримѣръ, будущая демократически-организованная мелкая земская единица, будутъ осуществлять то же уравнительное начало въ отношеніяхъ между-общинныхъ. Это означаетъ, во-первыхъ, подъемъ современнаго общиннаго землевладѣнія на высшую ступень, и, во-вторыхъ, трансформацію современной государственной собственности на демократическихъ началахъ.

Иначе смотрятъ на дѣло наши соціальдемократы, „отъ нихъ же первый есть“ г Плехановъ. Со временъ ихъ яраго похода противъ русскаго „соціаль-народничества“. самое слово „община“ для нихъ непереносимо. Неудивительно, что всѣ ихъ аграрныя программы заключаютъ въ себѣ прямыя или косвенныя тенденціи замѣнить общинную собственность частной собствен-

ностью. „Отмѣна общиннаго землевладѣнія — говоритъ по этому поводу г. Плехановъ—безъ всякаго сомнѣнія, была бы равносильна очень значительному поддержанію и умноженію частной собственности. Болѣе того: благодаря ей, многіе русскіе крестьяне впервые пріобрѣли бы землю въ частную собственность. Могутъ ли соціалисты согласиться на это, не измѣняя своей программѣ? Мы думаемъ, что могутъ; и, думая такъ, мы снова видимъ себя въ очень недурной компаніи. Въ мартѣ 1850 г. центральный комитетъ союза коммунистовъ въ „обращеніи (Ansprache) къ членамъ этого Союза—написанномъ, очевидно, рукою Маркса—категорически говорилъ, что *партія пролетаріата меньше всего* (am allerwenigsten) *должна мириться съ увѣковѣченіемъ общинной собственности* (Gemeindeeigenthum), *которая представляетъ собою отсталую форму даже сравнительно съ современною частною собственностью и которая повсюду необходимо разлагается въ эту послѣднюю.* Умноженіе частной собственности, являющееся результатомъ разложенія собственности общинной, какъ видимъ, совсѣмъ не представлялось Марксу явленіемъ, способнымъ замедлить движеніе современнаго общества къ соціализму“.*)

Обычный адвокатскій методъ аргументаціи и обычный свободно-художественный методъ цитированія г. Плеханова выступаетъ здѣсь во всей своей яркости и наготѣ.

По странной случайности, г. Плехановъ забываетъ указать источникъ, по которому онъ цитируетъ. Мы знаемъ этотъ источникъ. Текстъ обоихъ „Ansprachen“ цѣликомъ приведенъ въ Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln“ К. Маркса. Мѣсто относительно общины Плехановъ цитируетъ со страницы 82. Изъ него онъ и выводитъ, что „поддержаніе и умноженіе частной собственности“, есть вещь, на которую „соціалисты могутъ согласиться, не измѣняя своей программѣ,—особенно, если это поддержаніе и умноженіе

*) Г. Плехановъ. Ортодоксальное „буквоѣдство“. „Искра“. № 43, прил., стр. 4. Курсивъ принадлежитъ самому г. Плеханову.

совершается за счетъ общиннаго землевладѣнія". Марксъ оказывается идейно солидарнымъ со стремленіемъ гг. Ленина, Плеханова и др „ввести деревню въ условія жизни, соотвѣтствующія буржуазному способу производства" путемъ уничтоженія всѣхъ „феодальныхъ", „докапиталистическихъ" пережитковъ, и Плехановъ торжественно заявляетъ, что онъ „въ недурной компаніи".

Бѣда лишь въ томъ, что передъ страницей 82 стоитъ стр. 81, а на ней мы читаемъ: „первымъ пунктомъ, при которомъ буржуазные демократы придутъ въ конфликтъ съ рабочими, будетъ уничтоженіе феодализма. Какъ и во время первой французской революціи, мелкіе буржуа захотятъ отдать крестьянамъ феодальныя земли на началахъ свободной собственности, т.-е. сохранить сельскохозяйственный пролетаріатъ и образовать мелкобуржуазный крестьянскій слой, который продѣлываетъ тотъ же круговоротъ задолженности и обѣдненія, въ который втянутъ теперь французскій крестьянинъ. Какъ въ интересахъ земледѣльческаго пролетаріата, такъ и въ своемъ собственномъ интересѣ рабочіе должны воспротивиться этому плану". Объ этомъ мѣстѣ, совершенно разбивающемъ натянутое толкованіе г. Плеханова, послѣдній, конечно, благоразумно умалчиваетъ.

Но вѣдь все-таки Марксъ говоритъ, что съ увѣковѣченіемъ общины можно мириться am allerwenigsten, менѣе всего? Да, говоритъ. Но не потому, что онъ хотѣлъ бы замѣнить общинную собственность частной, а потому, что и разрозненную общинную собственность, и разрозненную частную собственность онъ хотѣлъ бы замѣнить государственной. Онъ, далѣе, полагалъ въ 1850 году, что если *общинная* собственность не будетъ превращена въ *обще*-народную собственность, то она неминуемо *разложится въ частную собственность*. Мало того: онъ, дѣйствительно, въ 1850 г. общинную собственность ставилъ *ниже* частной. Но г. Плехановъ забываетъ, что взгляды Маркса на общину такъ же эволюціонировали, какъ и вообще его взгляды на земледѣліе, на крестьянство, на аграрный вопросъ. Ниже

мы покажемъ, какъ его отрицательное отношеніе къ общинѣ перешло въ положительное.

Теперь же отмѣтимъ, что старый, первоначальный взглядъ Маркса на общину стоялъ въ тѣсной связи съ его первоначальными взглядами на соотвѣтствующій интересамъ пролетаріата государственно-правовой строй. Марксъ въ это время былъ самымъ ярымъ централистомъ и въ экономикѣ, и въ политикѣ. Всякому, кто читалъ программу требованій, сформулированную въ знаменитомъ „Манифестѣ“, бросалось въ глаза эта тенденція крайней централизаціи экономическихъ функцій въ рукахъ государства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. центральныхъ органовъ управленія... Оборотной стороной экономическаго централизма былъ централизмъ политическій. Въ томъ же „Ansprache“, на той-же 81 стр. говорится: „демократы, далѣе, будутъ либо прямо работать для созданія федеративной республики, либо, если имъ нельзя будетъ никакъ обойти единую и нераздѣльную республику, будутъ стараться ослабить центральное правительство посредствомъ возможно большей самостоятельности и независимости областей и общинъ. Въ противоположность этому плану, рабочіе должны воздѣйствовать не только въ смыслѣ единой и нераздѣльной нѣмецкой республики, но и въ смыслѣ самой рѣшительной централизаціи силы внутри нея въ рукахъ государственной власти“. Соотвѣтственно этому и въ области поземельныхъ отношеній соціализаторскія требованія Маркса выступали въ формѣ централистически-государственной, *націонализаторской*. Выступая противъ плановъ мелкобуржуазныхъ демократовъ освободить отъ феодальныхъ путъ землю и ввести ее въ круговоротъ свободной частной собственности, рабочіе „должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась имуществомъ государственнымъ, и употреблена для основанія рабочихъ колоній; чтобы ее обрабатывали товарищества земледѣльческихъ рабочихъ, со всѣми преимуществами крупнаго земледѣлія; и чтобы посредствомъ этого принципъ общественной собственности тотчасъ же пріобрѣлъ твердую почву посреди колеблющихся буржуазныхъ отно-

шеній собственности". Въ связи съ этой точкой зрѣнія и приходится разсмотрѣть ту цитату, которую приводитъ — или, вѣрнѣе, часть которой приводитъ г. Плехановъ.

Въ полномъ видѣ цитата гласитъ „Менѣе всего можно помириться съ тѣмъ, чтобы посредствомъ такъ называемаго свободнаго общиннаго самоуправленія была увѣковѣчена форма собственности, которая стоитъ еще ниже современной частной собственности и повсюду необходимо разлагается въ послѣднюю—именно общинная собственность, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нея распрями между бѣдными и богатыми общинами, а равно и существующее наряду съ государственнымъ гражданскимъ правомъ общинное гражданское право, съ его „прижимками" по отношенію къ рабочимъ. Проведеніе самой строгой централизаціи является задачей дѣйствительно революціонной партіи теперь въ Германіи, такъ же, какъ и во Франціи въ 1793 году".

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что именно это мѣсто изъ Ansprache въ новомъ изданіи было сопровождено примѣчаніемъ, въ которомъ говорилось: „Теперь слѣдуетъ имѣть въ виду, что данное мѣсто покоится на недоразумѣніи". Недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что, съ легкой руки различныхъ либеральныхъ и бонапартистскихъ фальсификаторовъ исторіи, считалось доказаннымъ, будто французскій централизованный правительственный механизмъ созданъ революціей, какъ ея лучшее оружіе противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Изученіе фактовъ, однако, убѣдило Маркса и Энгельса въ ошибочности этого взгляда: напротивъ, этотъ централизмъ возникъ, какъ „чистѣйшее орудіе реакціи" (ein reines Reactionswerkzeug); и наоборотъ, „именно подобное американскому провинціальное и мѣстное самоуправленіе было сильнѣйшимъ рычагомъ революціи"; съ другой стороны, „это самоуправленіе столь же мало можно считать связаннымъ необходимо съ тѣмъ узкимъ кантональнымъ или общиннымъ эгоизмомъ", про который говорилъ Марксъ и образецъ котораго можно найти въ Швейцаріи.

Тотъ крайній политическій и экономическій центра-

лизмъ, которымъ проникнуто „Ansprache", держался не долго. И столь же недолго держалось и выразившееся въ Ansprache чрезмѣрно отрицательное воззрѣніе на общину. Бѣда нашихъ марксистовъ и состоитъ въ томъ, что они до сихъ поръ прикованы въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, къ примитивнѣйшимъ воззрѣніямъ стараго, эмбріональнаго марксизма.

Такъ, alter ego Плеханова, г. Бельтовъ, про общинное землевладѣніе говоритъ: „Это землевладѣніе безполезно въ данное время для народа, потому что нѣтъ (да, кажется, никогда и не было) въ наличности такихъ условій, при которыхъ оно могло бы сдѣлаться полезнымъ ему, и нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы создать наличность такихъ условій" *). Что общаго между марксизмомъ и подобными категорическими утвержденіями? Сколько бы авторы ихъ ни пробовали прикрываться Марксомъ и утверждать, что они „въ недурной компаніи" — они не устранятъ того факта, что Марксъ-то при этомъ, напротивъ, оказывается „въ дурной компаніи", ибо, въ сущности, ученики его частенько повторяютъ старыя погудки, обычныя въ устахъ не соціалистовъ, а реакціонеровъ-аграріевъ типа блаженной памяти Шедо-Феротти, Лиліенталя и т. п. Критиковать ихъ намъ не приходится. Уже въ 60-хъ гг., въ своихъ „Письмахъ къ Кугельману" Марксъ достаточно охарактеризовалъ этихъ господъ и ихъ аргументацію. „Поскольку дѣло касается русскаго общиннаго землевладѣнія — писалъ, напримѣръ, Марксъ о Шедо-Феротти — то этотъ молодецъ обнаруживаетъ столько же невѣжества, сколько жонглерства. Шедо-Феротти — одинъ изъ тѣхъ господчиковъ, которые выставляютъ общинное землевладѣніе причиной бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства (разумѣется, in the interess of the landlordisme), — совершенно такъ же, какъ нѣкогда въ Западной Европѣ прокричали, какъ причину пауперизма, отмѣну крѣпостнаго права — вмѣсто потери бывшими крѣпостными ихъ земли... Бѣдность русскаго

*) Бельтовъ, „За двадцать лѣтъ", СПБ 1905 г.

крестьянства создана тѣмъ же, чѣмъ и бѣдность французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV — налоговой системой государства и платежами въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. *Что же касается общиннаго землевладѣнія, то оно не только не создало бѣдствій крестьянства, но наоборотъ — только оно смягчило ихъ*“ *). Какъ видите, уже въ 60 годахъ Марксъ былъ далекъ отъ мнѣнія Бельтова, что общинное землевладѣніе для народа „безполезно“.

Приблизительно десять лѣтъ отдѣляютъ это мнѣніе Маркса отъ его стараго мнѣнія, высказаннаго въ „Ansprache“. Отъ начала пятидесятыхъ годовъ до начала шестидесятыхъ — этотъ періодъ не прошелъ для Маркса безслѣдно. Перешагнемъ теперь еще черезъ десятилѣтній промежутокъ и перейдемъ къ началу 70-хъ годовъ.

Въ „Volksstaat“ 1874 г. Энгельсъ началъ, и затѣмъ въ слѣдующемъ году продолжалъ полемику съ П. И. Ткачевымъ. Для насъ здѣсь полемика интересна постольку, поскольку она касалась вопроса объ общинѣ. Въ противоположность крайнему идеализатору общины, Ткачеву, Энгельсъ, естественно, очень много говоритъ о недостаткахъ, вытекающихъ изъ примитивности исторической общины, окачивая такимъ образомъ ушатомъ холодной воды своего антагониста, сочетавшаго причудливымъ образомъ въ своемъ міросозерцаніи элементы якобинства, т. е. революціоннаго опекунства надъ народомъ, съ элементами крайняго народническаго энтузіазма. Энгельсъ указываетъ, что „общинное землевладѣніе есть учрежденіе, которое мы встрѣчаемъ у всѣхъ индогерманскихъ народовъ на низкой ступени ихъ развитія“; что „въ Западной Европѣ, до Польши и Малороссіи включительно, на извѣстной ступени общественнаго развитія это общинное владѣніе сдѣлалось узами сельско-хозяйственнаго производства, его тормазомъ, и все болѣе и болѣе устранялось“. Сохраненіе общины въ Великороссіи Энгельсъ ставитъ въ связь

*) K. Marx, Briefe an Kugelman, „Neue Zeit“, XX Bd. 2, s. 415.

съ неразвитымъ состояніемъ земледѣлія, и особенно подчеркиваетъ, что изолированность общинъ другъ отъ друга не превращаетъ *одинаковости* ихъ интересовъ въ *общность* этихъ интересовъ. Отмѣчая, что условія освобожденія крестьянъ нанесли общинѣ „сильнѣйшій ударъ", окутавъ ее прочной сѣтью эксплуатаціи, Энгельсъ говоритъ: „при такихъ условіяхъ, находясь подъ давленіемъ налоговой системы и ростовщичества, земельная собственность общины перестаетъ быть благодѣяніемъ и превращается въ обузу. Крестьяне часто бѣгутъ отъ этой собственности съ семьями или безъ семьи, ища прокормленія въ качествѣ бродячихъ рабочихъ, и бросаютъ свою землю". Общій выводъ о современномъ положеніи общины выходитъ у Энгельса крайне безнадежнымъ; „какъ видно, общинная собственность въ Россіи давно пережила періодъ своего процвѣтанія, и, по всей видимости, идетъ къ разложенію".

Итакъ, совершенно очевидно, что Энгельсъ въ то время не только не глядѣлъ на общину сквозь розовыя очки, но скорѣе наоборотъ, черезъ самыя черныя и нарочито закопченныя. На первый взглядъ можно даже подумать, что онъ возвращается къ точкѣ зрѣнія 1850 г., отъ которой отступилъ Марксъ. На дѣлѣ же, не взирая на преувеличенное представленіе о разложеніе русской общины, онъ сдѣлалъ одно, чрезвычайно важное, принципіальное признаніе Непосредственно послѣ перечисленія всѣхъ злоключеній общины онъ говоритъ: „И тѣмъ не менѣе неоспоримо, что есть возможность перехода этой общественной формы въ высшую, въ томъ случаѣ, если она продержится до тѣхъ поръ, пока для этого созрѣютъ обстоятельства, и если она обнаружитъ способность къ развитію въ томъ смыслѣ, что крестьяне станутъ обрабатывать землю не порознь, а сообща; тогда будетъ возможно перевести общину въ высшую форму, такъ что крестьянамъ не придется пройти промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности". Побѣда соціальной революціи на западѣ *до окончательнаго разложенія* русской общинной собственности—таково было, въ глазахъ

Энгельса, основное условіе этой, признанной имъ возможности.*)

Мы видимъ, что даже нѣсколько одностороннее и неточное представленіе о судьбахъ русской общины не помѣшало Энгельсу сдѣлать новый шагъ впередъ въ оцѣнкѣ ея значенія, сравнительно съ оцѣнкой Маркса въ письмахъ къ Кугельману. Тамъ шла рѣчь только о томъ, что община оказалась способной нѣсколько облегчать положеніе крестьянъ въ прошломъ и настоящемъ. Здѣсь поставленъ вопросъ вообще о томъ, можно ли считать общину простымъ *пережиткомъ*, или же она является способнымъ къ дальнѣйшему развитію *жизненнымъ элементомъ*. Здѣсь впервые принципіально признана возможность такихъ условій, когда община явится жизненнымъ элементомъ настоящаго и будущаго.

Перенесемся еще на десятилѣтіе впередъ, къ началу 80-хъ годовъ. Здѣсь мы, прежде всего, снова встрѣчаемъ у Маркса и Энгельса подверженіе той же самой мысли о возможности развитія общины въ высшую форму. Всѣмъ извѣстно написанное ими предисловіе къ русскому изданію „Манифеста". Въ этомъ предисловіи говорится: „Рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью, мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ. Спрашивается теперь, можетъ ли русская община—эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытнаго коллективнаго владѣнія землей—непосредственно перейти въ высшую, коммунистическую форму землевладѣнія? Или, напротивъ, она должна пройти сначала тотъ же процессъ разложенія, который опредѣлилъ собою историческое развитіе на западѣ? Единственный, возможный въ настоящее время, отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ: если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ

*) См. „Internationales aus dem Volksstaat" von Fr. Engels, Berlin 1894, s. 55—57.

друга, то современное русское общинное землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“.

Наряду съ этимъ всѣмъ извѣстнымъ положеніемъ, приходится вспомнить не менѣе извѣстное письмо Маркса въ редакцію „Отч. Записокъ“ (написано раньше, но опубликовано позже предисловія къ „Манифесту“). Въ свое время вокругъ этого письма происходилъ цѣлый рядъ полемическихъ схватокъ между „марксистами“ и противниками ихъ. Условные и нѣсколько расплывчатые обороты этого письма истолковывались всячески и служили исходными пунктами для самыхъ противоположныхъ выводовъ. И хотя въ томъ же письмѣ Марксъ говоритъ, что не любитъ оставлять „quelque chose à dévіner“ (читать между строкъ), однако его письмо, по своей краткости, оставляетъ безъ отвѣта множество вопросовъ, въ то же время до нѣкоторой степени намекая на ихъ рѣшеніе, и тѣмъ самымъ давая поводъ къ цѣлой полемически-комментаторской литературѣ. Мы здѣсь не станемъ входить въ ея подробности. Скажемъ лишь, что только очень близкій къ Марксу человѣкъ, знавшій и тѣ обстоятельства, при которыхъ было написано Марксомъ его письмо, и то интимное настроеніе, которымъ оно было продиктовано, могъ бы сколько-нибудь правильно интерпретировать его во многихъ мѣстахъ. Такимъ человѣкомъ является только одинъ Энгельсъ. И вотъ почему, чтобы пролить больше свѣта на смыслъ письма, мы не знаемъ лучшаго средства, какъ обратиться къ изложенію „сущности его содержанія“ у Энгельса (въ послѣсловіи къ „Sociales aus Russland“). Эту „сущность его содержанія“ „seinen wesentlichen Inhalt“ Энгельсъ, между прочимъ, усматриваетъ въ томъ, что „прежде всего Марксъ отвергаетъ приписанный ему „Записками“ взглядъ, согласный со взглядомъ русскихъ либераловъ, по которому Россія должна какъ можно скорѣе расторгнуть общинную собственность крестьянъ и броситься въ капитализмъ“, и что вообще „Марксъ тогда совѣтовалъ русскимъ не слишкомъ спѣшить съ прыжкомъ въ капитализмъ“. („Kein Wunder, dass Marx da den Russen rætlı, es we-

niger eilig zu haben mit dem Sprung in den Kapitalismus"). Стоитъ сопоставить это, надѣемся, достаточно компетентное изложеніе Энгельсомъ смысла письма съ знаменитымъ лозунгомъ русскаго марксизма „пойдемъ на выучку къ капитализму", чтобы радикально устранить множество натянутыхъ толкованій письма, вышедшихъ изъ этого послѣдняго лагеря.

Стоитъ, далѣе, отмѣтить, что въ тѣхъ же 80-хъ годахъ Энгельсу пришлось особо говорить о нѣмецкомъ крестьянствѣ и его поземельной общинѣ („маркѣ"). И, преждѣ всего, слѣдуетъ отмѣтить, что Энгельсъ констатировалъ „изумительную способность приспособленія", которую марка равно проявила какъ „въ общественной жизни по отношенію къ самымъ различнымъ ея запросамъ", такъ и „по отношенію къ развитію земледѣлія, въ борьбѣ съ растущей крупной земельной собственностью". Она пережила много кризисовъ, политическихъ и экономическихъ,—„и все-таки она оставалась настолько необходимой, что всюду, гдѣ дворянство завладѣло крестьянской землей, подвластныя ему деревни сохраняли порядки старой марки, хотя и сильно урѣзанные землевладѣльческими притязаніями". Совершилось, наконецъ, освобожденіе крестьянъ — „но какъ далеко теперешнему свободному крестьянину до свободнаго члена марки прежнихъ временъ! Его участокъ сталъ гораздо меньше, а нераздѣленная марка превратилась въ маленькій запущенный клочекъ общественнаго лѣса. А между тѣмъ безъ общей марки у мелкаго крестьянина-собственника не можетъ быть и скота, безъ скота—нѣтъ навоза, а безъ навоза—не можетъ быть правильнаго хлѣбопашества... Но хуже всего то, что эти новые свободные крестьяне появились въ Германіи—гдѣ все происходитъ слишкомъ поздно — именно тогда, когда земледѣльческая наука, съ одной стороны, и новоизобрѣтенныя земледѣльческія машины — съ другой, превратили мелкое землевладѣніе въ отжившую, нежизнеспособную форму хозяйства". И дальше (какъ и въ др мѣстахъ статьи) мы встрѣчаемъ обычное для Энгельса, какъ строгаго хранителя чистоты аграрной догмы марксизма,

пророчество о побѣдахъ крупной поземельной собственности.

Менѣе обычно, однако, практическое заключеніе, къ которому онъ приходитъ. Именно онъ вспоминаетъ, что „всему европейскому земледѣлію въ его современномъ видѣ угрожаетъ могущественный соперникъ въ видѣ американскаго массоваго производства хлѣба Съ этой почвой, отъ природы плодородной, долгіе годы удобрявшейся и уступаемой за безцѣнокъ, не могутъ соперничать ни наши задолженные крестьяне, ни крупные собственники, тоже кругомъ запутавшіеся въ долгахъ. Американская конкуренція убиваетъ всю систему европейскаго хозяйства".

Какой же отсюда вытекаетъ практическій выводъ? Онъ кратокъ, и благодаря своей краткости, тѣмъ болѣе выразителенъ:

„Земледѣліе можетъ сохраниться въ Европѣ единственно при томъ условіи, если оно будетъ вестись общиной и за счетъ общины..."

„Вотъ какіе виды на будущее могутъ имѣть нѣмецкіе крестьяне. Возникновеніе класса крестьянъ свободныхъ, хотя и нуждающихся, имѣло ту хорошую сторону, что теперь крестьяне очутились въ такомъ положеніи, при которомъ они—при содѣйствіи своихъ товарищей рабочихъ—могутъ сами себѣ помочь, если только они пожелаютъ понять, *какъ* это сдѣлать".

„А какъ же? *Возстановивъ снова марку*, но не въ ея отжившемъ, старомъ видѣ, а въ иной, обновленной формѣ; измѣнивъ земельную общину такимъ образомъ, чтобы она дала возможность отдѣльнымъ членамъ общины воспользоваться всѣми преимуществами крупнаго хозяйства и примѣненія земледѣльческихъ машинъ" *).

*) См. „Нѣмецкій крестьянинъ.—Чѣмъ онъ былъ? Что онъ есть? чѣмъ онъ могъ бы быть?" Принадлежность этой статьи Энгельсу устанавливается какъ тѣмъ, что первая часть ея по изложенію почти тождественна съ подписаннымъ Энгельсомъ предисловіемъ къ „Die schlesische Milliarde" Вильгельма Вольфа, такъ и тѣмъ, что Энгельсъ прислалъ отдѣльный оттискъ этой статьи, подписавъ ее своими инціалами, одному изъ своихъ друзей.

Замѣтивъ мимоходомъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что Энгельсъ, конечно, крайне преувеличиваетъ, когда говоритъ чуть ли не о полной ликвидаціи и гибели всего европейскаго земледѣлія, мы вернемся къ занимающей насъ сейчасъ темѣ. Можетъ показаться странной—тѣмъ болѣе, въ устахъ такого строгаго реалиста, какъ Энгельсъ,—эта идея о возстановленіи и развитіи марки, формы общиннаго строя, почти исчезнувшей, а въ своихъ старыхъ, историческихъ формахъ, по его же словамъ, „экономически устарѣвшей". Мыслимо ли это? Есть для этого хоть слабая тѣнь возможности? Для отвѣта на этотъ вопросъ, какъ ни мало мы призваны разрѣшать его для Германіи, необходимо, однако, имѣть въ виду, что общинная психологія, общинный духъ имѣетъ тенденцію переживать самыя формы общиннаго строя. Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, стоитъ отмѣтить признаніе В. Конштедта, который не очень-то жалуетъ общинное владѣніе, стоя на стражѣ прогресса агрикультуры: „Даже и нынѣ у иного крестьянина закипаетъ кровь, когда заходитъ рѣчь о старыхъ общинныхъ поляхъ. Вѣдь крупное землевладѣніе сумѣло найти не мало средствъ, чтобы въ разныхъ мѣстахъ присвоить себѣ альмендныя земли. И само собой разумѣется, что затронутое этимъ крестьянство не мало терпитъ отъ результатовъ узурпаціи такого рода".

Черезъ новый десятилѣтній промежутокъ Энгельсъ опять вернулся къ той же темѣ—о русской крестьянской общинѣ. Чтобы понять, на какой почвѣ выросъ высказанный имъ на этотъ разъ взглядъ, нужно прежде всего знать, какое представленіе имѣлъ въ это время Энгельсъ о *фактическомъ положеніи* тогдашней русской общины. Представленіе это было совершенно опредѣленнымъ. Энгельсъ былъ совершенно серьезно убѣжденъ, что русской поземельной общины уже не существуетъ, или почти не существуетъ; что процессъ разложенія ея если не совсѣмъ закончился, то, по крайней мѣрѣ, подходитъ уже къ этому концу. Откуда могъ вынести Энгельсъ такое убѣжденіе? На этотъ вопросъ, если не даетъ отвѣта, то, по крайней мѣрѣ, намекаетъ

на отвѣтъ одно мѣсто изъ его приписки 1894 г. къ „Soziales aus Russland“: тамъ онъ ссылается на извѣстныя „Наши разногласія“ Г. Плеханова... Само-собою понятно, что какъ бы не относился Энгельсъ къ своимъ „русскимъ ученикамъ“, онъ врядъ ли могъ подумать, что даже чисто фактическія свѣдѣнія, исходящія изъ этого источника, могутъ вопіющимъ образомъ не соотвѣтствовать дѣйствительности...

Во всякомъ случаѣ, уже въ началѣ 1892 г. онъ писалъ, по поводу голода въ Россіи: „Примитивно-коммунистическіе нравы и учрежденія русскихъ крестьянъ съ 1861 г. отчасти погребены экономическимъ развитіемъ, отчасти систематически уничтожены правительствомъ. Примитивно-коммунистическая община распалась или, по крайней мѣрѣ, находится въ состояніи распада“ *)

Казалось бы, при такомъ взглядѣ на фактическое существованіе (или, лучше сказать, фактическое несуществованіе) русскаго общиннаго владѣнія, Энгельсъ долженъ бы былъ радикально перерѣшить свой прежній взглядъ о возможности для русской общины перейти въ высшія формы и затѣмъ органически врости въ будущую соціалистическую организацію общества. *И, однако, этого все таки не случилось.* Уничтоженіе русской общины,—а для Энгельса, какъ мы видѣли, уничтоженіе это представлялось фактомъ, не возбуждающимъ никакихъ сомнѣній—заставило Энгельса лишь пессимистически отнестись къ способности русской общины „изъ себя“ самостоятельно развить тенденцію къ подъему на высшую ступень развитія. Онъ очень ярко и рельефно развилъ взглядъ, по которому община должна разсматриваться, какъ пассивный матеріалъ, который внѣшнею силою можетъ быть использованъ въ интересахъ соціализма, а не какъ активная творческая сила, дѣйствующая самостоятельно въ этомъ направленіи. Онъ даже стремится обосновать этотъ взглядъ на гораздо болѣе общемъ положеніи: „разрѣшеніе обще-

*) Fr. Engels. Nachwort къ „Sozialismus in Deutschland“, „Die Neue Zeit“ 1892-92 № 19.

ствомъ, стоящимъ на низшей ступени развитія, тѣхъ задачъ и противорѣчій, которыя возникаютъ и могутъ возникнуть лишь на гораздо высшей ступени—представляетъ собою историческую невозможность... Каждой данной экономической формаціи приходится разрѣшать свои собственныя, изъ нея самой вытекающія, задачи; стремиться же къ разрѣшенію задачъ, вытекающихъ изъ совершенно чуждой ей формаціи, было бы чистѣйшей безсмыслицей". Соціализмъ разрѣшаетъ задачи и противорѣчія, возникшія въ нѣдрахъ капитализма. Въ общинѣ этихъ задачъ и противорѣчій нѣтъ, а потому нѣтъ и „имманентнаго" стремленія къ соціализму.

Теперь—оборотная сторона медали. „За то не только возможно, но несомнѣнно, что въ странахъ, едва подпавшихъ подъ власть капитализма и сохранившихъ еще свои родовыя учрежденія или ихъ остатки, эти остатки общей собственности и соотвѣтствующія имъ народныя привычки окажутся, послѣ побѣды пролетаріата и перехода у западно-европейскихъ народовъ средствъ производства въ общественную собственность, могучимъ орудіемъ, которое поможетъ этимъ отсталымъ странамъ значительно сократить процессъ своего развитія въ соціалистическія общества и избѣжать большую часть страданій и борьбы, выпавшихъ на долю намъ въ Западной Европѣ". Какъ извѣстно, Энгельсъ ошибочно считалъ современную русскую общину также осколкомъ родового быта. Но какъ быть, если она, эта „ослабленная форма" родового коммунизма разложилась или „почти окончательно разложилась" съ тѣхъ поръ, какъ были „подрублены ея корни взаимоприспособленіемъ стараго абсолютизма и новой буржуазіи? Энгельсъ вспоминаетъ здѣсь что „для Россіи общественное переустройство будетъ значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что часть ея собственнаго населенія уже усвоила себѣ *идеіные результаты* капиталистическаго развитія". И вотъ почему Энгельсъ все-таки не рѣшается ставить крестъ надъ русской общиной, какъ, казалось бы, ни толкаютъ къ этому его совершенно невѣрныя фактическія свѣдѣнія. Онъ выражается въ высшей степени осторожно и даже уклончиво: „Я не

рѣшусь сказать, уцѣлѣли-ли (!) отъ русской общины такіе остатки (sic), которые могли бы, при подходящихъ условіяхъ, явиться, вмѣстѣ съ переворотомъ на Западѣ, исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія, какъ мы съ Марксомъ надѣялись еще въ 1882 году. Но вотъ что несомнѣнно: если остатки русской общины могутъ быть спасены, то лишь при условіи низверженія царскаго деспотизма—революціи въ Россіи. Эта революція вырветъ массу русскаго народа—крестьянъ—изъ уединенія ихъ деревень, составляющихъ для нихъ весь „міръ“, и выведетъ ихъ на широкую арену, съ которой они увидятъ внѣшній міръ, а черезъ это узнаютъ и самихъ себя, свое собственное положеніе и средства спасенія изъ теперешней нужды. Но, кромѣ того, эта революція дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ которой современная Россія не можетъ притти къ соціалистическому перевороту ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ написалъ эти слова, прошло и еще около десятилѣтія. Община, этотъ безнадежный больной, столько разъ приговоренный къ смерти учеными жрецами науки, продолжаетъ искушать ихъ терпѣніе, и не только не умираетъ, а, на зло имъ обнаруживаетъ даже признаки внутренняго оживленія. Повторныя земско-статистическія изслѣдованія не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Между тѣмъ, революціонная пропаганда и сосѣдство городского рабочаго движенія, или, общѣе говоря, эра открытой революціонной гражданской войны дѣйствительно уже вывело русское крестьянство „изъ уединенія деревень“ на „широкую арену“, заставили увидѣть внѣшній міръ, свое положеніе въ немъ и все лучше и лучше понимать средства для выхода изъ этого положенія. Еще въ 70 г.г. Энгельсъ говорилъ, что изолированность и разобщенность крестьянскихъ общинъ составляетъ „естественную основу“ извнѣ, сверху наложенной на страну государственной организаціи типа восточнаго деспотизма; но что въ тоже время „масса крестьянскаго населенія, въ

особенности со времени отмѣны крѣпостного права, поставлена въ положеніе, все настоятельнѣе толкающее ее на борьбу съ царскимъ правительствомъ". Говоря, далѣе, о ростѣ общаго недовольства самодержавіемъ, Энгельсъ отмѣчалъ, что, съ ростомъ оппозиціи среди „образованнаго общества", „является иллюзія возможности направить этотъ переворотъ въ спокойное русло конституціи". „Здѣсь—продолжалъ Энгельсъ—соединены всѣ условія революціи, которую начнутъ высшіе, столичные классы, быть можетъ даже само правительство, но неизбѣжно продолжатъ и скоро выведутъ изъ ея перваго конституціоннаго фазиса крестьяне".

Хотя общій темпъ хода событій оказался не столь быстрымъ , какъ казалось Энгельсу, общее направленіе этого хода, однако же, было намѣчено имъ вѣрно. Въ настоящее время мы стоимъ, дѣйствительно, передъ перспективами, имъ указанными. И при этомъ вопросъ о крестьянствѣ и его общинно-трудовыхъ инстинктахъ и воззрѣніяхъ дѣйствительностью не только не снятъ съ очереди, а напротивъ, скорѣе съ особенною силою выдвинутъ на первый планъ. Какое мѣсто займетъ, какую роль сыграетъ и въ какомъ направленіи видоизмѣнится современная крестьянская община при предстоящемъ земельномъ переустройствѣ? Рѣшенія этого вопроса, конечно, мы уже не можемъ искать въ какихъ бы то ни было цитатахъ изъ Энгельса или Маркса. Всѣ эти цитаты показываютъ лишь, насколько тотъ методъ Александра Македонскаго, которымъ не прочь русскіе ортодоксальные марксисты раздѣлаться съ запутаннымъ узломъ русской жизни, носящимъ имя поземельной общины—насколько методъ этотъ имѣетъ мало общаго съ воззрѣніями Маркса и Энгельса, имя которыхъ слишкомъ часто призывается ими всуе.

Нечего и говорить, что крестьянская община для насъ вовсе не есть какая-то мистическая общественная форма, имманетно изъ себя порождающая неизбѣжное движеніе—въ сторону ли развитія въ соціализмъ, въ сторону ли собственнаго разложенія. Для насъ вообще нѣтъ имманетныхъ законовъ діалектическаго саморазвитія. Передъ нами гораздо болѣе реальный и конкрет

ный вопросъ, рѣшаемый не апріорными соображеніями, а чисто индуктивнымъ изслѣдованіемъ: данное исторически-реальное крестьянство, при данныхъ культурныхъ и соціально-политическихъ условіяхъ, организованное въ поземельно-общинныя ячейки, обнаруживаетъ ли способность къ переорганизаціи окружающихъ и своихъ собственныхъ поземельныхъ отношеній на болѣе широкихъ, исторически-прогресивныхъ началахъ? Есть ли община лишь пассивный матеріалъ, который *меньше противится* вліяніямъ извнѣ въ смыслѣ прогрессивнаго развитія—или мы въ общинѣ имѣемъ теченія, на *активныя* тенденціи которыхъ мы можетъ *опереться*, работая для этого прогрессивнаго развитія, въ направленіи къ соціализму? Повторяемъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь конкретнымъ, индуктивнымъ изслѣдованіемъ реальной русской дѣйствительности. Но, чтобы расчистить путь такому изслѣдованію, небходимо радикально *отмести* всякое псевдомарксистское принципіально-отрицательное отношеніе къ общинѣ, надѣвающее на себя марксистскую маску курьезнымъ путемъ: апеллированіемъ къ Марксу сороковыхъ годовъ противъ Маркса послѣднихъ лѣтъ, *регрессивной эволюціей* въ сторону наиболѣе примитивныхъ, неразвитыхъ, эмбріональныхъ формъ марксизма...

* * *

„Der Burgerkrieg in Frankreich“ представляетъ собою послѣднее историческое произведеніе Маркса, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды на роль французскаго крестьянства въ исторіи. Здѣсь онъ дѣлаетъ новый рѣшительный шагъ, отдаляющій его отъ того рудиментарнаго марксизма, который сводится къ чистѣйшему крестьянофобству, къ провозглашенію принципа неизбѣжной вражды между крестьянствомъ и пролетаріатомъ. Логически отдаляясь отъ этого взгляда, онъ постепенно приближается къ взгляду прямо противоположному. Вмѣсто антагонизма, онъ настаиваетъ на солидарности интересовъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Крестьянъ онъ уже не относитъ къ буржуазіи. Эта

эволюція замѣтна была уже на его предыдущихъ сочиненіяхъ. Въ „Burgerkrieg in Frankreich“ она находитъ свое завершеніе

Извѣстно, что съ легкой руки одного радикальнаго депутата реакціонное большинство національнаго собранія въ Бордо 1871 года получило презрительную кличку „деревенщины“, „деревенскаго большинства“ И это большинство задавило Парижскую Коммуну. Казалось бы, для всякаго марксиста не могло быть лучшаго повода снова заклеймить „деревенскій идіотизмъ“, подчеркнуть неизбѣжную реакціонность крестьянства и лишній разъ подтвердить фактами жизни правильность предсказанія Ф Энгельса о томъ, что пролетаріатъ долженъ будетъ подавить всеобщее крестьянское возстаніе, чтобы провести свои конечныя требованія. Иначе отозвался на событія 1870—71 гг. Карлъ Марксъ. Онъ не могъ довольствоваться поверхностными впечатлѣніями, чтобы удовлетворить чьи бы то ни было анти-крестьянскіе предразсудки. Вмѣсто шаблона Марксъ пустилъ въ ходъ тщательный фактическій анализъ. И въ то самое время, когда иные изъ современныхъ марксистовъ все еще ссылаются на эпоху коммуны въ защиту своего „мужиковствующаго пессимизма“ (выраженіе Н. Г. Чернышевскаго)—этотъ фактическій анализъ привелъ самаго Маркса къ заключеніямъ діаметрально-противоположнаго характера.

„Изъ всѣхъ лживыхъ выдумокъ, высиженныхъ въ Версалѣ и разнесенныхъ по всему свѣту достославными баши-бузуками европейской прессы, едва ли не одной изъ самыхъ чудовищныхъ была та, согласно которой захолустные дворянчики національнаго собранія фигурировали въ роли представителей французскаго крестьянства. Стоитъ только вообразить себѣ любовь французскихъ крестьянъ къ людямъ, которымъ они были вынуждены съ 1815 года выплатить цѣлый милліардъ вознагражденія! Да въ глазахъ французскихъ крестьянъ уже одно существованіе крупнаго землевладѣльца представляется покушеніемъ на завоеванія и пріобрѣтенія 1789 года“... Событія коммуны „обезпечили крестьянамъ въ лицѣ городскихъ рабочихъ естественныхъ представите-

лей ихъ интересовъ"... Коммуна „имѣла полное право воскликнуть по адресу крестьянъ: въ нашей побѣдѣ — ваше спасеніе!" „Дворянчики знали—и въ этомъ-то и заключалось ихъ главное опасеніе—что три мѣсяца свободнаго сообщенія между Парижской Коммуной и провинціями произвели бы всеобщее крестьянское возстаніе (einen allgemeinen Bauernaufstand). Отсюда и та испуганная поспѣшность, съ которой они окружили Парижъ полицейской блокадой, чтобы задержать распространеніе революціонной заразы" *).

Итакъ, въ благопріятномъ случаѣ Марксъ предвидѣлъ возможность „всеобщаго крестьянскаго возстанія" совсѣмъ другого рода, чѣмъ Энгельсъ. Не пролетаріату пришлось бы съ нимъ вѣдаться и расправляться...

Впрочемъ, мы уже говорили, что и взгляды Энгельса на крестьянство не застыли въ своемъ первоначальномъ видѣ, а такъ же рѣшительно модифицировались. Приблизительно одновременно съ „Der Bürgerkrieg" Энгельсъ выпустилъ вторымъ изданіемъ свою брошюру о крестьянскихъ войнахъ, анализированную выше. Этой брошюрѣ онъ предпослалъ довольно интересное предисловіе, въ которомъ указываетъ нѣмецкому рабочему классу въ деревнѣ на два слоя, которые могутъ послужить ему опорой—на сельскохозяйственный пролетаріатъ и мелкое крестьянство.

Положеніе сельско-хозяйственнаго пролетаріата (въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. земледѣльческихъ батраковъ) Энгельсъ считаетъ совершенно аналогичнымъ положенію индустріальнаго пролетаріата, а потому столь же аналогичны, въ его глазахъ, должны быть и мѣры къ улучшенію положенія того и другого. Онъ пользуется случаемъ подчеркнуть, что его сельско-хозяйственные рабочіе могутъ быть освобождены изъ-подъ гнета ужасающей нищеты лишь въ томъ случаѣ, если прежде всего главное средство приложенія ихъ труда, сама земля, будетъ изъята изъ частной собственности крупныхъ крестьянъ и еще болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ-

*) Der Bürgerkrieg in Frankreich, 3 Aufl., Berlin 1891, s. 51, 48, 53 etc.

феодаловъ и превращена въ общественную собственность, для обработки товарищами сельско-хозяйственныхъ работниковъ за ихъ общій счетъ“ *). Однако Энгельсъ ничего не говоритъ здѣсь о возможности какихъ бы то ни было требованій, идущихъ въ этомъ направленіи, *уже въ программѣ* minimum. Вообще о содержаніи программы-minimum въ его предисловіи явно не заключается ни одного слова, есть лишь одинъ намекъ, о которомъ ниже. Энгельсъ вообще разсматриваетъ исключительно тактическія задачи движенія, почти совсѣмъ не касаясь вытекающей изъ нихъ постановки программныхъ требованій. Считая наемныхъ батраковъ „самымъ многочисленнымъ деревенскимъ классомъ“ въ мѣстностяхъ со среднимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, и вообще стоя еще на точкѣ зрѣнія необходимости его прогрессивнаго роста (что, какъ извѣстно, не оправдалось) онъ считаетъ „ближайшей и настоятельнѣйшей задачей“ нѣмецкаго рабочаго движенія „возродить и вовлечь въ движеніе“ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, „этотъ классъ, который безсиленъ, потому что разрозненъ и разсѣянъ, но скрытую силу котораго власти и дворянство знаютъ такъ хорошо, что обдуманно запускаютъ школьное дѣло, чтобы оставлять его въ невѣжествѣ“.

Другой слой, это—„мелкіе крестьяне—ибо болѣе крупные принадлежатъ къ буржуазіи (denn die grösseren

*) Значенія этой мѣры Энгельсъ касается также въ своей появившейся въ 1872 г., брошюрѣ „Zur Wohnungsfrage“ (Separatabdruck aus dem „Volksstaat“). „Въ Германіи—говоритъ онъ тамъ—существуетъ еще въ весьма широкихъ размѣрахъ крупное землевладѣніе. Согласно Прудоновской системѣ, все это должно быть раздѣлено на мелкіе крестьянскіе дворы,—что, при современномъ состояніи агрономіи и по даннымъ опыта съ парцеллярной собственностью во Франціи и Западной Германіи, было бы прямо таки реакціоннымъ. Еще существующее крупное землевладѣніе скорѣе должно дать намъ желанную возможность предоставить рабочимъ товариществамъ веденіе земледѣльческаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ, ибо только при немъ и возможно примѣненіе всѣхъ современныхъ машинъ и вспомогательныхъ средствъ обработки и т. п.—и такимъ образомъ наглядно доказать крестьянамъ выгоды крупнаго хозяйствованія при помощи ассоціаціи“.

gehören zur Burgeoisie)". Мимоходомъ сказать, эти и тому подобныя мѣста изъ Маркса и Энгельса слѣдовало бы лучше продумать нашимъ марксистамъ, которые во что бы то ни стало хотятъ все самостоятельное крестьянство объявить буржуазіей „пусть мелкой, пусть даже мельчайшей, но все-таки буржуазіей". Правда, какъ кажется, самымъ „научнымъ" мотивомъ причисленія его къ буржуазіи является возможность, благодаря этому, объявить партію соціалистовъ-революціонеровъ партіей мелкобуржуазной. Но вѣдь и вся „научность" нашихъ „ортодоксовъ" не болѣе высокаго качества.— Анализируя далѣе различные слои мелкаго крестьянства, Энгельсъ останавливается сначала на барщинныхъ крестянахъ (Feudalbauern), сохранившихъ рядъ унаслѣдованныхъ отъ крѣпостныхъ временъ повинностей въ пользу бывшихъ владѣльцевъ, затѣмъ на арендаторахъ; тѣхъ и другихъ, по его мнѣнію, нетрудно убѣдить, что своего спасенія они могутъ ожидать лишь отъ побѣды рабочаго класса. „Остаются крестьяне, которые обрабатываютъ свой собственный небольшой клочекъ земли. Они большею частью такъ обременены ипотечными долгами, что настолько же зависятъ отъ ростовщиковъ, насколько арендаторы отъ землевладѣльцевъ. Вѣдь и у нихъ остается, въ сущности, лишь скудная, да вдобавокъ необезпеченная, благодаря смѣнѣ урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ, заработная плата. Они могутъ ожидать чего-нибудь отъ буржуазіи, ибо изъ нихъ высасываютъ соки какъ разъ именно буржуа, именно ростовщичествующіе на всѣ лады капиталисты. Но они большею частью находятся въ большой зависимости отъ своей собственности, хотя въ дѣйствительности она принадлежитъ не столько имъ, сколько ростовщику. Тѣмъ не менѣе имъ слѣдуетъ объяснить, что только тогда они могутъ быть освобождены отъ ростовщиковъ, когда всецѣло зависящее отъ народа правительство переведетъ всѣ ихъ ипотечные долги въ долгъ государству, съ пониженіемъ процентовъ; а провести это сможетъ лишь рабочій классъ". Здѣсь характерно отмѣтить, что временемъ осуществленія „огосударствленія ипотекъ" намѣчается не установленіе „диктатуры пролетаріата",

а лишь проведеніе государственнаго режима, въ которомъ правительство будетъ зависѣть отъ народа. т -е. демократическая республика или близкая къ ней форма правленія.

Намѣченная здѣсь соціально-политическая оцѣнка „мелкаго крестьянства“—не случайность, не обмолвка и не преходящее настроеніе. Двадцать лѣтъ спустя, въ статьѣ о „крестьянскомъ вопросѣ во Франціи и Германіи“, Энгельсъ повторилъ о немъ приблизительно то же, но въ еще болѣе рельефной формѣ. „Подъ мелкимъ крестьяниномъ мы разумѣемъ собственника или арендатора — главнымъ образомъ перваго — участка земли, обыкновенно не больше того, что онъ въ состояніи обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормленія этой семьи. Такой мелкій крестьянинъ такъ же, какъ и мелкій ремесленникъ, *есть, слѣдовательно, работникъ* (ist also ein Arbeiter), тѣмъ отличающійся отъ современнаго пролетарія, что онъ еще владѣетъ своими средствами производства“. Но если такой крестьянинъ (въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ называетъ его „selbstarbeitende Bauer“, что равносильно нашему обычному термину „трудовой крестьянинъ“) есть, по существу, самый настоящій Arbeiter *рабочій*, то нисколько не будетъ удивительнымъ и другое заявленіе Энгельса въ той же статьѣ: „Мы разсматриваемъ мелкаго самостоятельнаго трудового крестьянина, какъ по внутренней тенденціи (или „потенціально“—въ подлинникѣ у Энгельса стоитъ „virtuell“) принадлежащаго къ намъ. *) Стремленіе объединить въ рядахъ соціалистической партіи два эти элемента—пролетаріатъ и трудовое крестьянство—не встрѣчало, какъ видите, со стороны Энгельса никакихъ возраженій: онъ только полагалъ, что *кромѣ* этихъ двухъ элементовъ, въ нее не могли войти никакіе другіе слои деревенскаго населенія, какъ таковые. „Я рѣшительно отрицаю, что соціалистическая рабочая партія какой бы то ни было страны имѣетъ своей задачей принимать въ свои нѣдра,

*) „Weil wir den selbstarbeitenden Kleinbauer als virtuell zu uns gehörend betrachten“. (Neue Zeit, 1894-95, № 10, s. 303).

кромѣ сельскихъ пролетаріевъ и мелкихъ крестьянъ, еще и среднее и крупное крестьянство (типическимъ признакомъ того и другого Энгельсъ считаетъ эксплуатацію наемнаго труда) или даже арендаторовъ крупныхъ имѣній, капиталистическихъ скотоводовъ и другихъ капиталистическихъ эксплуататоровъ національной почвы... Въ нашу партію, правда, мы можемъ принимать отдѣльныхъ лицъ изъ любого общественнаго класса, но никакъ не группы, представляющія капиталистическіе,— среднебуржуазные или среднекрестьянскіе—интересы". Замѣтьте, что Энгельсъ провозглашалъ такое отношеніе къ мелкому крестьянству, *несмотря на то*, что считалъ его *обреченнымъ на исчезновеніе* отъ капиталистической конкуренціи *пережиткомъ* стараго способа производства, и, слѣдовательно, разсматривалъ типичнаго мелкаго крестьянина, какъ *будущаго пролетарія*. На этой точкѣ зрѣнія не стоятъ болѣе сами ортодоксы. Тѣмъ болѣе было бы имъ основаній *признать* положенія Энгельса объ объединеніи пролетаріата и трудового крестьянства и сдѣлать изъ нихъ всѣ необходимые логическіе выводы. Чѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что крестьянинъ не есть лишь *пережитокъ* прошлаго, а является *жизненнымъ элементомъ* настоящаго и непосредственнаго будущаго, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ эти положенія.

Вмѣсто этого, гг ортодоксы предпочитаютъ приходить въ священный ужасъ отъ того, что мы желаемъ объединить пролетаріатъ съ трудовымъ крестьянствомъ въ общемъ понятіи трудящагося, рабочаго класса и тѣмъ самымъ становимся на точку зрѣнія старыхъ производственныхъ отношеній. „Точка зрѣнія этихъ отношеній— пишетъ г. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ цитированной брошюрѣ Энгельса—есть именно свойственная „соціалистамъ-революціанерамъ" точка зрѣнія „всѣхъ трудящихся". Вотъ почему и вотъ въ какомъ совершенно точномъ научномъ смыслѣ слова мы называемъ ихъ соціалистами-реакціонерами". Однако, должно признаться, что не всегда гг. ортодоксы на этотъ счетъ такъ строги. И даже самъ г. Плехановъ, карающій насъ за такое реакціонное и мелкобуржуазное грѣхопаденіе, не прочь, однако, при случаѣ, подправить нашей „мелкобуржуаз-

ностью“ свою „ортодоксальность“. Что дѣлать! Оказывается, что когда въ виду практическихъ и дипломатическихъ соображеній не мѣшаетъ показать товаръ лицомъ и ярче подчеркнуть, что де русскіе соціальдемократы вовсе не узкіе защитники однихъ лишь наемныхъ рабочихъ капиталистической индустріи,—то г. Плехановъ считаетъ „цѣлесообразнымъ“ давать хотя бы такія напримѣръ, опредѣленія. „Что такое интересы рабочаго класса? Это интересы всѣхъ тѣхъ кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда. Это... вся нація, или, точнѣе, *всѣ націи* moins les privilêgiés, минусъ — эксплуататоры“. *)

Отсюда ясно видно, что г. Плеханова, столь откровенно становящагося на точку зрѣнія „всѣхъ трудящихся“, должно „въ совершенно точномъ, научномъ смыслѣ слова“ назвать „соціалистомъ-реакціонеромъ“. Какъ видите—„сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ“.

* * *

Статья „Die Bauernfrage in Frankretch und Deutschland“ имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что она написана Энгельсомъ незадолго до его смерти. Это, такимъ образомъ—послѣднее слово творцовъ „научнаго соціализма“ по крестьянскому вопросу, и какъ бы посмертное завѣщаніе Энгельса европейской соціальдемократіи... И мы увидимъ, что русскіе (да и одни ли только русскіе?) соціальдемократы далеко не во всемъ оказались вѣрными этому завѣщанію. Вмѣсто того, чтобы идти дальше по тому пути, на который все болѣе и болѣе вступалъ Энгельсъ, а ранѣе Марксъ—они свернули назадъ, къ тому рудиментарному марксизму, который граничилъ съ крестьянофобствомъ...

Энгельсъ начинаетъ свою статью съ полемической вылазки. „Буржуазныя и реакціонныя партіи — говоритъ онъ — необыкновенно удивлены тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время крестьянскій вопросъ

---

*) Г. Плехановъ, „В. Г. Бѣлинскій“, изд. Р. С. Д. Р. П., 1899 г., стр. 13.

внезапно повсюду поставленъ у соціалистовъ на очередь порядка дня. Правильнѣе было бы съ ихъ стороны удивляться тому, что этого не случилось ранѣе. Отъ Ирландіи до Сициліи, отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянинъ играетъ роль существеннаго фактора и въ населеніи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи политической силы и власти". Конечно, съ точки зрѣнія простого здраваго смысла ясно, что ни одна жизненная, практическая партія не можетъ безнаказанно игнорировать такого многочисленнаго общественнаго слоя, какъ крестьянство, особенно если среди этого общественнаго слоя замѣчается какое-то броженіе, переходящее въ рѣзкія вспышки безсознательнаго и полусознательнаго протеста". Ирландія и Сицилія, Андалузія, Россія и Болгарія — не первыя попавшіяся на языкъ Энгельса имена. Это — названія странъ и мѣстностей, гдѣ среди крестьянства происходили передъ появленіемъ статьи Энгельса особенно сильные или частые крестьянскіе бунты, возстанія или даже организованныя движенія соціально-революціоннаго характера. Съ этой точки зрѣнія, конечно, понятно, что соціалисты всѣхъ странъ должны были пристальнѣе, чѣмъ прежде, заняться аграрнымъ вопросомъ. И столь же понятно, что въ отвѣтъ на удивленіе буржуазныхъ и реакціонныхъ партій — съ какой это стати соціалисты вдругъ уцѣпились за крестьянскій вопросъ — Энгельсъ могъ только „удивляться ихъ удивленію".

Но, къ сожалѣнію, дѣло имѣетъ и другую сторону. Въ оправданіе своего удивленія „буржуазныя и реакціонныя партіи" могли бы привести не мало очень вѣскихъ аргументовъ. Правда, среди крестьянства замѣчается броженіе, возникаютъ болѣе или менѣе сильныя движенія протестующаго характера Но что же изъ того? Крестьянскія войны были пошире обхватомъ и часто интенсивнѣе по ходу; однако, прослыли же онѣ среди широкихъ круговъ соціалистовъ, съ легкой руки Лассаля, движеніями реакціонными по существу, и революціонными лишь по внѣшности. И развѣ евангеліе современнаго соціальдемократа—„Манифестъ ком-

мунистической партіи"—не объявляетъ, что крестьяне, ремесленники, вообще мелкіе производители — суть элементы консервативные и даже реакціонные, такъ какъ они отстаиваютъ свое хозяйственное существованіе отъ захватовъ крупнаго капитала и мѣшаютъ ему свершить свою „историческую миссію?" Развѣ не являлось до сихъ поръ однимъ изъ догматовъ соціальдемократическаго символа вѣры, что крестьяне стремятся поворотить назадъ колесо исторіи, что исчезновеніе ихъ неизбѣжно и даже исторически-прогрессивно? И развѣ изъ этого не слѣдуетъ логически, что для „истиннаго" соціальдемократа всѣ современныя крестьянскія вспышки — не болѣе, какъ судорожныя корчи безнадежно-больного, переживающаго предсмертную агонію?

„Манифестъ коммунистической партіи" утверждалъ не только то, что крестьянство разлагается, но даже, что оно уже почти уничтожено или, по крайней мѣрѣ, уничтожается ежедневно. Но вѣдь со времени появленія „манифеста" прошло уже болѣе полустолѣтія. Не ясно ли, что чѣмъ дальше подвигалась впередъ исторія, тѣмъ меньше оставалось основаній обращать вниманіе на крестьянство? Не ясно ли, что въ концѣ-концовъ его судьба—все болѣе и болѣе превращаться въ quantité négligeable? И не ясно ли, что полвѣка „ежедневнаго уничтоженія"—болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы считать полное игнорированіе крестьянства вполнѣ своевременнымъ? А между тѣмъ мы замѣчаемъ совершенно иную картину: соціалисты вынуждены самимъ ходомъ событій обращать на крестьянство все больше и больше вниманія. Съ начала 90-хъ гг. и по настоящее время аграрный вопросъ является однимъ изъ главныхъ „гвоздей" партійныхъ дебатовъ, и для соціалистическаго міра это десятилѣтіе можетъ быть поистинѣ названо „эпохой аграрныхъ программъ". Не является ли это неожиданностью не только съ точки зрѣнія „буржуазныхъ и реакціонныхъ партій", которыя естественно пребывали въ самомъ радостномъ спокойствіи, замѣчая, что пролетарскій соціализмъ и крестьянство между собою не въ ладу, — но и съ точки зрѣнія чистаго, пра-

вовѣрнаго марксиста, непоколебимо вѣрящаго въ свою „догму“?

Но въ томъ то и дѣло, что реальная жизнь и догма марксизма разошлись ко времени появленія статьи Энгельса настолько далеко, что потребовался новый шагъ впередъ, новыя поправки и оговорки. Оставаться на старой теоретической позиціи сдѣлалось болѣе невозможнымъ. Не всѣ обладаютъ мужествомъ того преданнаго своему Бэдекеру англичанина, который, не находя тамъ, гдѣ полагается по описанію, башни или моста, спокойно отмѣчалъ на поляхъ, что „мѣстность невѣрна“, — или того ботаника, который обрывалъ лишніе лепестки у цвѣтовъ, которые имѣли дерзость обладать большимъ ихъ количествомъ, чѣмъ слѣдовало бы согласно его теоріи. И вотъ Энгельсъ, констатируя сначала, что до сихъ поръ въ политическомъ отношеніи крестьянинъ отличался своей апатіей, источникомъ которой онъ считаетъ изолированность деревенской жизни,—тотчасъ же рѣшительно заявляетъ про эту апатію, что въ ней нельзя видѣть чего-то непреоборимаго и неизбѣжнаго (aber sie ist durchaus nicht unüberwindlich). Въ прошломъ между революціоннымъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ было не мало недоразумѣній, но причиной ихъ была не только недовѣрчивость крестьянъ, но и незрѣлость самого рабочаго движенія (die unklaren sozialistischen Aspirationen der Februarrevolution etc.). Съ тѣхъ поръ однако многое перемѣнилось. Промышленный прогрессъ расшаталъ неподвижность деревни, съ другой стороны, въ городахъ выросли могущественныя рабочія партіи, съ выработанной программой и тактикой, съ настойчивой борьбой за грядущее завоеваніе политической власти. „Но чтобы завоевать политическую власть, рабочая партія должна предварительно двинуться изъ города въ деревню, должна сдѣлаться силой и въ деревнѣ (Um aber die politische Macht zu erobern, muss diese Partei vorher von der Stadt aufs Land gehn, muss eine Macht werden auf dem Lande)“. Таковъ первый и основной практическій выводъ Энгельса.

Соціализмъ долженъ сдѣлаться силой и въ деревнѣ—

это легко сказать, но какъ это выполнить? Вѣдь соціализмъ отрицаетъ частную собственность, а крестьяне—частные собственники. Не долженъ ли соціализмъ поэтому произвести экспропріацію крестьянской собственности и не неизбѣжно ли въ этомъ пунктѣ его столкновеніе съ крестьянствомъ?

Вотъ основной вопросъ, который такъ или иначе долженъ быть разрѣшенъ въ аграрной программѣ всякой соціалистической партіи. Обойти его, увильнуть отъ его разрѣшенія невозможно. Онъ долженъ быть поставленъ ребромъ, и отвѣтъ на него долженъ быть яснымъ и категоричнымъ.

И Энгельсъ ставитъ этотъ вопросъ въ названной выше статьѣ, критикуя аграрную программу французской рабочей партіи или такъ называемыхъ „гедистовъ". Онъ находитъ—въ общемъ довольно справедливо—что авторы французской программы постарались обойти этотъ вопросъ рядомъ туманныхъ и неопредѣленныхъ фразъ, дѣлающихъ ихъ мотивировку важнѣйшихъ пунктовъ аграрной программы весьма и весьма сомнительной. Но мы здѣсь не станемъ входить въ детали и подробности критической статьи Энгельса, мы остановимся исключительно на положительныхъ взглядахъ, высказываемыхъ Энгельсомъ въ его „Bauernfrage". Мы остановимся на нихъ съ нѣкоторою подробностью, въ особенности потому, что когда въ одной изъ статей „Революціонной Россіи" мы сослались на эту статью Энгельса въ подтвержденіе нѣкоторыхъ изъ своихъ взглядовъ, то г. Плехановъ попытался—въ предисловіи къ русскому переводу этой статьи — обвинить насъ въ неправильности этой ссылки, и, слѣдовательно, въ извращеніи мнѣній Энгельса. Ниже мы разсмотримъ его обвиненія, пока же приведемъ нѣкоторыя основныя цитаты.

„Когда мы овладѣемъ государственной властью—говоритъ Энгельсъ — намъ, очевидно, нельзя будетъ и подумать о томъ, чтобы насильственно экспропріировать крестьянъ (все равно — съ вознагражденіемъ или безъ него), какъ мы это вынуждены будемъ сдѣлать по отношенію къ крупнымъ собственникамъ-землевладѣльцамъ. Наша задача по отношенію къ крестьянину

прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы перевести его частное хозяйство и частную собственность—въ общественныя, но не силой, а путемъ примѣра и предложенія общественной помощи для этой цѣли. И во всякомъ случаѣ мы имѣемъ достаточно средствъ, чтобы поставить на видъ крестьянину тѣ выгоды, которыя *уже теперь* должны быть ему ясны".

Какимъ же именно образомъ „поставить на видъ крестьянину тѣ выгоды общественной собственности и общественнаго хозяйства, которыя уже теперь должны быть ему ясны?" Примѣръ датской соціалистической партіи служитъ Энгельсу для выясненія этого пункта.

„Вотъ уже втечсніе двадцати лѣтъ датскіе соціалисты, у которыхъ въ странѣ, собственно говоря, есть только одинъ настоящій городъ — Копенгагенъ — и которые внѣ его должны вести почти исключительно крестьянскую пропаганду, — выработали планъ такого рода. Крестьяне одного села, или же прихода, такъ какъ въ Даніи много отдѣльныхъ большихъ дворовъ (хуторовъ), должны соединять свою землю въ одно большое имѣніе, обрабатывать его на общій счетъ, и доходъ дѣлить пропорціонально величинѣ земельныхъ участковъ, денежныхъ взносовъ и личнаго труда членовъ.

„Въ Даніи мелкое владѣніе играетъ только второстепенную роль; если же мы вспомнимъ о парцелляр ной собственности, то мы найдемъ, что при соединеніи парцеллъ и при крупной культурѣ ихъ общей площади, часть занятыхъ ранѣе въ хозяйствахъ рабочихъ силъ дѣлается излишней. Вѣдь именно въ этомъ сбереженіи труда и заключается одно изъ главныхъ преимуществъ крупной культуры. Занятіе для этихъ освободившихся рабочихъ силъ можетъ быть найдено двумя способами: или крестьянскимъ товариществамъ даются въ пользованіе большія пространства земли изъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній, или же имъ доставляются средства и возможность къ подсобнымъ индустріальнымъ промысламъ, по возможности и по преимуществу имѣющихъ цѣлью личное потребленіе Въ обоихъ случаяхъ

ихъ ставятъ въ болѣе благопріятное экономическое положеніе и въ то же время обезпечиваютъ необходимое вліяніе за общественнымъ управленіемъ, чтобы постепенно перевести крестьянскія товарищества въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmalig in eine Part überzuführen) и сравнять права и обязанности какъ отдѣльныхъ товариществъ, взятыхъ въ цѣломъ, такъ и единичныхъ ихъ членовъ съ остальными отраслями великаго общественнаго цѣлаго. Какъ это сдѣлать въ каждомъ спеціальномъ, конкретномъ случаѣ въ отдѣльности—это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ условій, при которыхъ мы овладѣемъ общественной властью. Такъ, можетъ быть, мы будемъ въ состояніи дать товариществамъ еще и дальнѣйшія преимущества: переводъ всѣхъ ихъ ипотечныхъ долговъ въ государственный долгъ съ сильнымъ пониженіемъ проц. вспомоществованіе изъ общественныхъ средствъ для введенія крупнаго производства (вспомоществованіе не необходимо въ денежной формѣ, но преимущественно въ натуральной: машинами, удобреніемъ и т. п.) и разныя другія выгоды".

Такимъ образомъ, Энгельсъ предполагалъ для крестьянъ возможность войти въ соціалистическое „государство будущаго" инымъ, особымъ путемъ, чѣмъ для фабричныхъ рабочихъ. Для фабричныхъ рабочихъ обобществленіе, соціализація труда совершается *сверху*, подъ желѣзнымъ господствомъ капитала. Среди крестьянъ такое же обобществленіе, такая же соціализація труда и собственности можетъ органически вырости снизу, конечно, при содѣйствіи соціалистической партіи, прогрессивно усиливающейся и пріобрѣтающей рѣшающій голосъ въ законодательствѣ. Этотъ своеобразный путь тѣмъ болѣе необходимо допустить въ виду того, что аграрный капитализмъ не оправдалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя на него ранѣе возлагали многіе теоретики марксизма. Въ земледѣліи капитализмъ развивалъ преимущественно свои отрицательныя, разрушающія стороны въ ущербъ творческимъ, положительнымъ. Онъ развивался не столько какъ высшій способъ производства, сколько какъ высшій, доведенный до пес

plus ultra способъ эксплуатаціи. Его „историческая миссія“ оказывалась чисто-отрицательной: онъ порождалъ массу страданій, недовольства, возмущенія. Но онъ не концентрировалъ и не реформировалъ производительныхъ силъ въ степени аналогичной индустріальному прогрессу; тяготѣлъ не столько къ крупному капиталистическому хозяйству, сколько къ мелкой арендѣ на выгоднѣйшихъ для крупнаго землевладѣнія условіяхъ; тяготѣлъ не столько къ созданію особаго постояннаго класса наемныхъ рабочихъ съ типично-пролетаріатской психологіей, сколько къ смѣшенію функцій батрака и мелкаго собственника въ одномъ лицѣ, къ уменьшенію слоя чистыхъ сельско-хозяйственныхъ батраковъ и къ развитію въ батракѣ той психологіи, которая дала возможность окрестить его именемъ „личинки крестьянина“ или Bauern-Axolot'а; аграрный капитализмъ не концентрировалъ и не сгущалъ, а разрѣжалъ населеніе деревень; не поднималъ, а понижалъ матеріальный и общекультурный уровень сельскаго рабочаго; приводилъ эволюцію аграрнаго строя въ тупой, безвыходной переулокъ.

Дѣйствительность показала даже нѣчто гораздо большее. Она показала шаткость догмы „концентраціи“, „пролетаризаціи“ въ области сельскаго хозяйства. Правда, Энгельсъ еще не замѣчаетъ того и въ этой своей послѣдней статьѣ. Настолько не замѣчаетъ, что г. Плехановъ долженъ мимоходомъ, бѣгло и конфузливо поправить своего учителя. „Новыя изслѣдованія, въ общемъ, вполнѣ подтвердили взглядъ Энгельса на положеніе мелкаго крестьянина при господствѣ капитализма. Правда, вѣроятныя послѣдствія этого положенія представлялись, повидимому, нашему учителю, не совсѣмъ такими, какими они кажутся намъ теперь. Онъ съ увѣренностью говорилъ о томъ, что мелкая крестьянская собственность осуждена на исчезновеніе. Но факты“... и т. д., и т. д.

Нетрудно видѣть, что если бы „учитель“ избѣгъ этой ошибки, онъ могъ бы только еще болѣе подчеркнуть, свести воедино и даже дальше развить многіе изъ своихъ практическихъ воззрѣній. Шаги къ обоб-

ществленію поземельной собственности, какъ часть минимальной программы, вмѣстѣ съ положительнымъ отношеніемъ къ крестьянской общинѣ, пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньше вѣры въ творческія способности аграрнаго капитализма.

Использовать общинныя формы, общинныя воззрѣнія, общинныя привычки крестьянства для распространенія соціалистической идеи принадлежности земли народу; использовать артельные навыки того же крестьянства, чтобы постепенно, по линіи наименьшаго сопротивленія освоить его умъ съ идеей общественной, соціалистической организаціи производства — вотъ задача, которая, при современномъ положеніи вопроса о жизнеспособности мелкаго крестьянскаго хозяйства, логически прямо вытекаетъ изъ приведенныхъ выше положеній Ф. Энгельса. Ибо вѣдь „главной задачей при всемъ этомъ является и остается одно: сдѣлать крестьянину понятнымъ, что мы можемъ спасти и поддержать его домашнюю и полевую собственность только ея превращеніемъ въ товарищескую собственность и товарищеское хозяйство“ *). Не что иное, какъ именно обособленность частнаго хозяйства, обусловленная обособленностью частнаго землевладѣнія — есть факторъ, влекущій крестьянъ къ гибели Если они будутъ настаивать на этой обособленности — „они необходимо будутъ изгнаны изъ дома и двора, а ихъ устарѣлый способъ производства будетъ вытѣсненъ крупнымъ капиталистическимъ. Такъ обстоитъ дѣло. Но вотъ являемся мы и предлагаемъ крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное хозяйство, не за капиталистическій, а за ихъ собственный, общественный счетъ **). И развѣ нельзя сдѣлать для крестьянина понятнымъ, что это въ его интересѣ, что это даже единственное средство его спасенія?“

Разъ мы хотимъ въ будущемъ использовать и пере-

*) „... dass wir ihren Haus und Erdbesitz nur retten, nur erhalten koennen durch Vervandlung in genossenschaftlichen Besitz und Betrieb.

**) „Und da kommen wir und bieten den Bauern die Mœglichkeit, den Grossbetrieb selbst einzufuehren, nicht für kapitalistische, sondern fur ihre gemeinsame Rechnung“.

вести въ высшія формы крестьянское товарищество и поземельную общину, то ясно, что и до перехода къ намъ общественной власти мы должны положительно къ нимъ относиться. Этого, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, и требовала аграрная программа французскихъ гэдистовъ, и неудивительно, что противъ этихъ ея частей Энгельсъ ничего не имѣлъ. Напомнимъ, что сводились онѣ къ увеличенію общинной поземельной собственности и къ хозяйственной политикѣ, благопріятной развитію кооперації и общиннаго пользованія улучшенными средствами производства.

Начавши въ 1848 году „за упокой крестьянства“, Энгельсъ кончилъ въ 1895, до извѣстной степени, „за его здравіе“. „Мы — пишетъ онъ — стоимъ рѣшительно на сторонѣ мелкаго крестьянина (und wir stehen ja entschieden auf Seite des Kleinbauern); мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его жребій болѣе сноснымъ и облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже — если еще не можетъ принять такого рѣшенія — дать ему на его парцеллѣ срокъ поразмыслить объ этомъ. И мы дѣлаемъ это не только потому, что разсматриваемъ самостоятельно работающаго крестьянина, какъ потенціально „нашего“, но также и изъ прямого партійнаго интереса. Чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, *которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата* (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), которыхъ мы склонимъ на свою сторону, *уже какъ крестьянъ — тѣмъ скорѣе и тѣмъ легче совершится общественное преобразованіе*. Намъ нѣтъ никакой надобности ждать съ нимъ до тѣхъ поръ, пока капиталистическое производство разовьется повсюду до своихъ крайнихъ результатовъ, пока послѣдній крестьянинъ и послѣдній ремесленникъ падутъ жертвой капиталистическаго крупнаго производства. Матеріальныя жертвы, которыя въ этомъ смыслѣ приходится принести въ интересахъ крестьянства изъ общественныхъ средствъ, могутъ быть съ точки зрѣнія буржуазной экономіи брошенными деньгами, но на дѣлѣ тѣмъ не менѣе ихъ приложеніе превосходно, потому что они означаютъ экономію вѣроятно въ десять

разъ большаго расхода, въ который обойдется вся общественная реорганизація вообще“*). Съ указанными оговорками, мы обѣими руками подписываемся подъ приведенными взглядами Энгельса. Они хорошо освѣщаютъ сущность той работы, которая предстоитъ какъ на общей основѣ, на экономически правовомъ фундаментѣ „соціализаціи земли“.

Само собою разумѣется, что уничтоженіе земельной нужды еще далеко не уничтожитъ всѣхъ бѣдъ, тяготѣющихъ надъ трудовымъ крестьянствомъ. Соціализація земли подготовитъ только нѣкоторыя предпосылки, опираясь на которыя, рабочій классъ, когда онъ побѣдитъ своихъ враговъ и станетъ полнымъ господиномъ положенія, сможетъ перейти къ той творческой работѣ, какая необходима для осуществленія задачъ соціализма. Въ то время, какъ въ промышленности процессъ концентраціи орудій производства зашелъ такъ далеко, что передъ громадной частью пролетаріата становится задача одновременно и взять въ свои руки владѣніе этими орудіями и взять на себя общественную организацію самаго производства (исключеніемъ изъ этого въ городахъ явится только часть очень мелкихъ ремесленниковъ), въ деревнѣ дѣло обстоитъ иначе: упорная и не безуспѣшная борьба мелкаго хозяйства за свое существованіе не даетъ намъ той упрощенной постановки вопроса, при которой остается только сбросить капиталистическую форму съ уже сконцентрированной собственности, сконцентрированнаго хозяйства — сбросить эту устарѣлую форму и замѣнить ее новой, соціалистической. Здѣсь приходится думать о процессѣ обобществленія собственности и труда, идущемъ снизу. И при этомъ два момента—переходъ въ общественную собственность земли и заведеніе на ней общественнаго хозяйства—могутъ распасться во времени. Первое, осуществляемое соціализаціей земли, вполнѣ возможно и достижимо даже при сохраненіи товарно капиталистическаго хозяйства;

*) Энгельсъ имѣетъ въ виду расходы по выкупу земли у крупныхъ собственниковъ, расходы, которымъ не будетъ мѣста, если совершится непосредственный переходъ мелкихъ земледѣльцевъ къ ассоціарной собственности и труду.

и, конечно, это товарно-капиталистическое хозяйство будетъ продолжать давить на крестьянство даже послѣ осуществленія соціализаціи земли, особенно если процессъ соціализаціи затянется, если она явится не слѣдствіемъ революціоннаго захвата крестьянствомъ земли, а постепенныхъ уступокъ буржуазіи, подъ давленіемъ растущей организованности крестьянскихъ массъ. Крестьянину, даже обезпеченному землей для своихъ трудовыхъ потребностей, все же придется считаться съ силою капитала торговаго, ростовщическаго и даже промышленнаго (особенно тамъ, гдѣ будутъ работать заводы для обработки сельскихъ продуктовъ, напр., сахарные и др.). Эта борьба явится, конечно, стимуломъ къ введенію общественнаго производства, развитію общественнаго хозяйства сельско-хозяйственныхъ кооперацій, синдикатовъ и пр. Непосредственность выгоды будутъ толкать крестьянъ къ переходу отъ индивидуальнаго къ коллективному производству, къ довершенію начатаго соціализаціей земли коллективнаго, сознательнаго вмѣшательства рабочихъ массъ въ дѣло урегулированія условій своего хозяйственнаго существованія, Законодательство, которое теперь служитъ экспропріаторамъ и эксплуататорамъ крестьянства, крестьяне вмѣстѣ съ пролетаріями вырвутъ, наконецъ, изъ ихъ рукъ—и тогда возможно будетъ приступить къ дѣлу „увѣнчанія зданія“, къ осуществленію конечной цѣли всего движенія. Крестьянскимъ товариществамъ, работающимъ на коллективной землѣ, будетъ „оказано содѣйствіе для соединенія труда земледѣльческаго съ промышленнымъ; если къ тому времени окажутся остатки не соціализированной земли, они также будутъ переданы въ общественныя руки; товарищества „будутъ поставлены въ лучшее экономическое положеніе, и въ тоже время органъ, завѣдующій дѣлами общества въ его цѣломъ, будетъ имѣть на нихъ вліяніе, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму и сравнять въ правахъ и обязанностяхъ, какъ все товарищество въ его цѣломъ, такъ и его отдѣльныхъ членовъ, съ остальными развѣтвленіями соціалистическаго общества. Выполненіе этого

въ частностяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ данныхъ обстоятельствъ и тѣхъ условій, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественной властью".

Представляя себѣ такимъ образомъ ходъ общественной эволюціи, мы руководимся только указаніями жизненнаго опыта, исканіемъ путей для воплощенія въ жизнь нашихъ соціалистическихъ идей. Наука и жизнь являются единственными нашими руководителями. Но такъ какъ для соціальдемократовъ этого мало, такъ какъ наука и жизнь имѣютъ для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку онѣ совпадаютъ съ ихъ „догмой", поскольку онѣ могутъ быть подтверждены ссылкою на авторитетъ, на Маркса или Энгельса,—мы считали не безполезнымъ сослаться на прекрасную страницу въ статьѣ Энгельса „Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Германіи". Для насъ личное дѣло, конечно, нисколько не измѣнилось бы отъ того, что Энгельсъ на данный вопросъ смотритъ совершенно иначе; его мнѣніе, какъ мнѣніе человѣка науки, подлежитъ для насъ такой же провѣркѣ критикой и жизнью, какъ и мнѣнія другихъ ученыхъ. Но тѣмъ, кто клянется именемъ учителя, не безполезно узнать, какая разница между мышленіемъ широко образованнаго ученаго и шаблонными фразами узкаго догматика. Но по поводу ссылки нашей на Энгельса г. Плехановъ въ предисловіи къ своему новому изданію отдѣльной брошюрой статья Энгельса пытался насъ изобличить въ неправдѣ. Онъ съ помпой восклицаетъ: „Публицистъ Р. Р. ссылается какъ разъ на ту работу Энгельса, которую мы издаемъ теперь въ русскомъ переводѣ. Читатель самъ можетъ судить поэтому, много ли правды въ этой ссылкѣ".

Такъ какъ мы для себя считаемъ недопустимымъ то болѣе чѣмъ *либеральное* отношеніе къ цитатамъ, которое систематически практикуетъ „Искра", то мы были бы глубоко огорчены, если бы упрекъ г. Плеханова оказался справедливымъ. Но въ томъ то и дѣло, что пытаясь обличить насъ въ мнимой неправдѣ, г. Плехановъ оказался невольникомъ своего положенія и допустилъ *три дѣйствительныхъ неправды*.

Г. Плехановъ поправляетъ нашу „неправду“ въ 3-хъ пунктахъ: 1) „О датскихъ соціалистахъ Энгельсъ говоритъ только то, что они уже 20 лѣтъ тому назадъ стали разрабатывать планъ организаціи производительныхъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ между мелкими крестьянами. *Онъ не высказываетъ своего мнѣнія о толъ, къ чему привели усилія датскихъ соціалистовъ* *), ограничиваясь бѣглымъ замѣчаніемъ, что въ Даніи мелкое крестьянское землевладѣніе играетъ второстепенную роль“. 2) „Что же касается тѣхъ странъ, гдѣ оно распространено очень сильно, то упроченіе и развитіе товариществъ пріурочивается ихъ къ одному непремѣнному условію, о которомъ не счелъ нужнымъ упомянуть публицистъ „Рев. Рос.“: *къ захвату власти рабочимъ классомъ*. У Энгельса прямо сказано, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организація такихъ товариществъ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки“. 3) „И вообще все это разсужденіе у него является отвѣтомъ на вопросъ, какъ отнесемся „мы“—соціальдемократы—къ мелкому крестьянству *въ тотъ день, когда власть достанется намъ*“.

Три поправки—и три неправды.

Что касается перваго пункта, то, какъ совершенно справедливо курсивомъ пишетъ Плехановъ, Энгельсъ не „высказываетъ“, къ чему пришли усилія датскихъ соціалистовъ. *Но развѣ мы ему приписывали такое „высказываніе“?* Гдѣ нашелъ это г. Плехановъ? И почему онъ *не процитировалъ* нашего ложнаго свидѣтельства объ Энгельсѣ? Странное совпаденіе: нашу передачу взгляда Энгельса онъ оборвалъ въ своей цитатѣ *какъ разъ на срединѣ фразы о датскихъ соціалистахъ!* „Какъ на примѣръ **) указываетъ онъ (Энгельсъ) на примѣръ датскихъ соціалистовъ...“—цитируетъ г. Плехановъ изъ № 15 „Рев. Рос.“ и вдругъ, оборвавъ, ставитъ „и т. д.“. Вы думаете, что дальше, за этими

*) Курсивъ г. Плеханова.

**) Какъ предлагать крестьянамъ самимъ вводить крупное производство за общій счетъ.

таинственными „и т. д.“ и скрывается то облыжное свидѣтельство объ Энгельсѣ, которое поправляетъ г Плехановъ? *Ничего подобнаго* Въ подлинникѣ вся фраза гласитъ: „какъ на примѣръ онъ указываетъ на практику датскихъ соціалистовъ, *пропагандировавшихъ* въ деревнѣ соединеніе частныхъ участковъ и хозяйствъ воедино,—при чемъ *имѣется въ виду впослѣдствіи* при общественномъ контролѣ „постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму“. *Больше ни о датскихъ соціалистахъ, ни о мнѣніи о нихъ Энгельса у насъ нѣтъ ни единаго слова*, и все обвиненіе Плехановымъ насъ въ неточности есть *неправда № 1.*

Во-вторыхъ, абсолютно невѣрно, будто „у Энгельса прямо сказано, что организація товариществъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, при которыхъ общественная власть перейдетъ въ наши руки“, откуда г. Плехановъ выводитъ, будто до перехода власти въ наши руки объ упроченіи и развитіи товариществъ говорить соціалистамъ не приходится? Бѣда въ томъ, что г. Плехановъ *передаетъ слова Энгельса невѣрно.* Не „организація товариществъ“, а „переводъ ихъ въ высшую форму“ и „уравненіе обязанностей и правъ товариществъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ съ остальными развѣтвленіями соціалистическаго общества“—вотъ что въ своемъ выполненіи будетъ зависѣть „отъ условій, при которыхъ мы вступимъ въ обладаніе общественной властью“. Эта разница очень важна, ибо „переводить въ высшую форму“ послѣ завладѣнія общественной властью можно лишь то, что *уже существуетъ* къ моменту этого завладѣнія. И эта невѣрная передача словъ Энгельса г. Плехановымъ есть *неправда № 2.*

И, наконецъ, неправда, будто „все разсужденіе“ Энгельса о товариществахъ является „отвѣтомъ на вопросъ, какъ отнесутся соціальдемократы къ мелкому крестьянству *въ тотъ же день, когда имъ достанется власть*“. Энгельсъ ставитъ не *одинъ*, а *два* вопроса, какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ: „Was ist denn unsere Stellung zur Kleinbauernschaft? Und wie werden

wir mit ihr verfahren mussen am Tag, wo uns die Staatsmacht zufaell". И въ дальнѣйшемъ онъ отвѣчаетъ на *оба* эти вопроса. Нужны ли еще доказательства? Да возьмите хоть это, уже приведенное разъ мѣсто: „Если они (крестьяне) будутъ настаивать на своемъ единоличномъ хозяйствѣ, они будутъ неминуемо изгнаны изъ-подъ своей кровли и со своего двора, а ихъ устарѣлый способъ производства будетъ вытѣсненъ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ. Таково положеніе дѣлъ; и вотъ являемся мы и предлаемъ (bieten) крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное хозяйство, но не за капиталистическій, а за ихъ собственный общій счетъ". О какомъ времени здѣсь идетъ дѣло? Что же это, подъ скипетромъ „диктатуры пролетаріата", ея агентами, что ли, крестьяне будутъ, по исполнительному листу, „изгоняться изъ-подъ своей кровли и со двора, а на ихъ мѣсто водворяться капитализмъ? Если да, то странное же понятіе у г. Плеханова о порядкахъ, которые принесетъ съ собою диктатура пролетаріата! А если нѣтъ, то какъ же онъ примиритъ это удивительное противорѣчіе?

О! онъ не примиряетъ, онъ просто устраняетъ противорѣчіе—и устраняетъ очень просто, читатель! Слова: „они будутъ изгнаны изъ-подъ своей кровли и со двора" (werden sie von Haus und Hof verjagt) г. Плехановъ переводитъ *смягченно*, вытравивъ изъ фразы всякій насильственный оттѣнокъ смысла и оставивши общее и неопредѣленное: „потеряетъ и землю и дворъ..." Вотъ оно, противорѣчіе-то, и не такъ замѣтно стало. У переводчика и у комментатора такимъ образомъ трогательный альліансъ: рука руку моетъ...

Но этого все-таки мало. Въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ говоритъ, что уже и теперь можно выступать противъ несправедливыхъ средствъ, которыми крупные землевладѣльцы и капиталисты борятся съ мелкими крестьянами, мѣшать прямому мошенничеству и грабежу, и т. п., и продолжаетъ: „Удаваться это будетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. При развившемся капиталистическомъ способѣ производства никто не знаетъ, гдѣ кончается честное веденіе дѣла и гдѣ начинается

мошенничество. Но всегда (immer) будетъ большая разница, стоитъ ли (ob... steht) общественная власть на сторонѣ мошенника или въ сторонѣ лицъ, страдающихъ отъ мошенничества). Мы же рѣшительно стоимъ (und wir stehen ja entschieden) на сторонѣ мелкаго крестьянина*); мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать жребій его болѣе сноснымъ, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, въ случаѣ, если онъ на это рѣшится, и даже, въ томъ случаѣ, если онъ не въ состояніи принять такого рѣшенія.—предоставить ему возможно больше времени для раздумья на своей парцеллѣ". И дальше онъ говоритъ, что общественное преобразованіе наступитъ тѣмъ скорѣе, „чѣмъ больше будетъ число тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріевъ (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen")**). Довольно ясно, кажется, что работа по этому „избавленію" *предшествуетъ* „общественному преобразованію", является и предварительнымъ условіемъ, ускоряющимъ его наступленіе, а не начинается само только „на другой день послѣ соціальной революціи".

Да, наконецъ, если бы все это было еще недостаточно убѣдительно, такъ есть и другое достаточно ясное свидѣтельство. Разбирая практическія требованія марсельской программы французской рабочей партіи (закупка общинами сельско-хозяйственныхъ орудій, *образованіе всевозможныхъ крестьянскихъ товариществъ*, учрежденіе опытныхъ агрономическихъ станцій, безплатное сельско-хозяйственное образованіе и др. мѣры по мелioраціямъ etc., etc.), Энгельсъ не только не отсылаетъ эти мѣры „на другой день послѣ соціальной революціи", но, наоборотъ, особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что требованія эти идутъ не особенно далеко и вполнѣ укладываются въ рамки существующаго строя kœnnen durchgefuhrt werden ohne der

*) Г. Плехановъ переводитъ: „Но *во всякомъ случаѣ* будетъ большая разница, *станетъ* ли общественная власть.. "

**) Г. Плехановъ предпочитаетъ сказать: „а мы рѣшительно *становимся* .."

bestehenden kapitalistischen Ordnung wesentlichen Schaden zu thun), и прибавляетъ, очевидно, чтобы не ввести въ сомнѣніе г. Плеханова: „Все это просто для характеристики программы: въ этомъ не заключается никакого упрека—*какъ разъ наоборотъ* (ein Vorwurf liegt nicht darin—im gegentheil)“. Какъ же это Энгельсъ, пріурочивающій, по мнѣнію Плеханова, организацію товариществъ лишь ко времени послѣ диктатуры пролетаріата, не упрекаетъ, а *наоборотъ*—очевидно, *одобряетъ* образованіе крестьянскихъ товариществъ, какъ пунктъ программы-минимумъ?

Да, никакіе смягченные переводы не помогутъ здѣсь дѣлу и не скроютъ, что и въ этомъ пунктѣ, пытаясь насъ поправить, г. Плехановъ могъ только прибѣгнуть къ одному—къ *неправдѣ № 3*.

Итакъ, мы считаемъ совершенно установленнымъ, что соціалистическая агитація среди крестьянъ въ пользу объединенія ими снизу, по собственной иниціативѣ, собственности и хозяйства, въ пользу созданія ими самими коллективныхъ формъ труда, разнаго рода кооперацій—что такая агитація признавалась Энгельсомъ желательной, и не только послѣ установленія пролетарской диктатуры, а теперь же *) и притомъ именно потому, что она привлекаетъ крестьянъ къ коллективизму *уже какъ крестьянъ*, указывая имъ возможность миновать фазисъ пролетаризаціи. Энгельсъ былъ только большимъ скептикомъ въ вопросѣ о томъ, насколько въ дѣйствительности преуспѣютъ соціалисты въ этихъ своихъ—вполнѣ цѣлесообразныхъ—стремленіяхъ. И такимъ скептикомъ онъ былъ потому, что слишкомъ высоко цѣнилъ мощь сельско-хозяйственнаго капитализма и слишкомъ низко—жизнеспособность мелкаго крестьянства. Онъ вѣрилъ въ законъ концентраціи. Мы въ него не вѣримъ, какъ не вѣритъ и г. Плехановъ. Вотъ почему въ нашихъ глазахъ значеніе и шансы на успѣхъ ассоціированья крестьянства *снизу*, самостоятельно, не-

*) Рѣчь идетъ, разумѣется, о странахъ, гдѣ политическая свобода даетъ возможность соціалистической партіи руководить коопераціями въ своемъ духѣ.

зависимо отъ капиталистической концентраціи должны быть больше, чѣмъ это казалось Энгельсу.

Мы видимъ, что жизнь совершенно не подтверждаетъ предположенія Энгельса о гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства. Но мы вполнѣ согласны съ нимъ, что не дѣло соціалистовъ стремиться сохранить и увѣковѣчить мелкую крестьянскую собственность. Единственный выходъ изъ этого для соціалистовъ ясенъ. Мы должны бороться съ образованіемъ въ крестьянствѣ собственническихъ идей, мы должны, апперируя на почвѣ его современной земельной нужды и пользуясь его традиціонными взглядами на землю, пропагандировать ему соціализацію земли и на почвѣ соціализаціи развитіе крестьянской кооперації и общиннаго хозяйства Эта кооперація и это общинное хозяйство еще тоже не есть соціализмъ, это тоже только новый шагъ впередъ въ предѣлахъ существующаго порядка, но шагъ, облегчающій и приближающій общественное преобразованіе на началахъ соціализма. При большемъ или меньшемъ господствѣ буржуазнаго строя этимъ коопераціямъ предстоятъ многія трудности, но чѣмъ больше онѣ распространятся, тѣмъ легче намъ, соціалистамъ, будетъ послѣ захвата власти рабочимъ классомъ „перевести товарищества—по выраженію Энгельса—въ высшую форму и сравнить въ правахъ и обязанностяхъ съ остальными развѣтвленіями соціалистическаго общества“. Что Энгельсу не чужда была эта точка зрѣнія, показываетъ его ссылка на попытки датскихъ соціалистовъ еще въ буржуазномъ обществѣ „выработать подобные же планы“. Если судить по словамъ обличающаго насъ г. Плеханова, то Энгельсъ писалъ по методѣ: „въ огородѣ бузина, въ Кіевѣ дядя“. Заговорилъ о кооперацiяхъ, перескочилъ въ Данію и потомъ опять къ кооперацiямъ. Но вѣдь въ серьезъ г. Плехановъ и самъ не принимаетъ своихъ словъ... Такъ или иначе, могутъ ли разсчитывать сельско-хозяйственныя кооперації въ буржуазномъ обществѣ на успѣхъ или нѣтъ, но, повторяемъ, для мелкаго непролетаризующагося крестьянства путь къ соціализму лежитъ черезъ кооперації и общинное хозяйство, на основѣ соціализаціи земли.

Но—Богъ съ нимъ, съ г. Плехановымъ. Ему и Богъ велѣлъ поступать такъ, какъ онъ поступаетъ. Въ его лицѣ мы имѣемъ адвоката, которому хочется, во что бы то ни стало, оправдать догму, затушевать ея противорѣчія, свести въ ней концы съ концами, закрывъ глаза на тотъ процессъ ея эволюціи ея внутренней переработки, который былъ начатъ самими первоучителями марксизма.

Мы приглашаемъ всѣхъ русскихъ марксистовъ и чувствующихъ тяготѣніе къ ихъ взглядамъ вдуматься хорошенько въ эту эволюцію отцовъ „научнаго“ соціализма и остановить свое вниманіе главнымъ образомъ не на первоначальныхъ, а на заключительныхъ фазахъ этой эволюціи. Мы не приглашаемъ ихъ, конечно, рабски слѣдовать за тѣмъ, что хронологически явилось „послѣднимъ словомъ“ Маркса и Энгельса. Вовсе нѣтъ. Напротивъ, на нашъ взглядъ, и въ этомъ „послѣднемъ словѣ“, если приглядѣться къ нему поближе, окажется не мало неяснаго, недоговореннаго, невыясненнаго, а иногда и противорѣчиваго. Нѣтъ-нѣтъ, да и опять промелькнетъ отголосокъ старой увѣренности въ томъ, что смертный приговоръ надъ крестьянствомъ давно произнесенъ старухой исторіей, и что исключительно неумѣстная строптивость и упрямство мужика задерживаетъ его выполненіе. И въ стремленіи примирить съ этими старыми взглядами новые всегда заключается порядочная доза эклектизма. Вотъ почему мы не приглашаемъ „марксистовъ перваго часа“ литературной дѣятельности Маркса или Энгельса попросту превратиться въ „марксистовъ послѣдняго часа“ этой дѣятельности; мы приглашаемъ ихъ только пораздумать хорошенько надъ общимъ характеромъ, общимъ направленіемъ эволюціи взглядовъ ихъ „первоучителей“ и не только пройти весь этотъ путь по ихъ стопамъ, но и пойти дальше по той же дорогѣ, на которой ихъ, этихъ первоучителей, остановила лишь смерть.

Когда-то, въ статьѣ о Криге, Марксъ писалъ:

„Мы никогда не объявляли нашего развитія окончательно завершеннымъ; мы хотимъ созидать и учиться вмѣстѣ со своимъ временемъ изъ содержанія своего

времени, параллельно развитію дѣйствительныхъ отношеній изъ содержанія этихъ дѣйствительныхъ отношеній, вмѣстѣ съ движеніемъ дѣйствительнаго человѣчества изъ этого движенія человѣчества И мы навсегда сохраняемъ вѣру, что нѣтъ остановки на одномъ мѣстѣ, и лишь тотъ не регрессируетъ, кто прогрессируетъ".

Марксизмъ, въ особенности русскій, не прогрессировалъ и не хотѣлъ прогрессировать въ области аграрнаго вопроса. И слова Маркса сбылись на немъ: онъ *регрессировалъ*. Не желая идти впередъ, онъ—какъ это особенно ярко видно на примѣрѣ г. Плеханова—полнымъ ходомъ, на всѣхъ парахъ, пошел *назадъ*....